

Ж 43

Николай Жирнов-Ибресь

58301

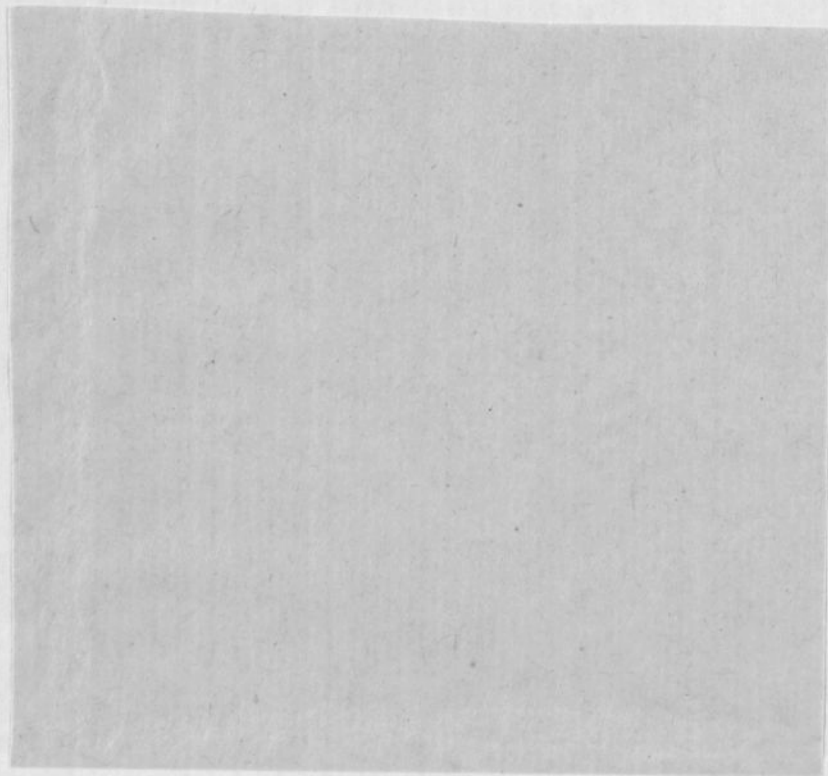
Встречи на стадионе

Национальная библиотека ЧР

к-058301

Обязат. экз. К84.09 (2 шл) (2 шл)

ФБН 00.17-22

21С73

Ж 73

Николай Жирнов-Ибресь

Встречи

Жирнов-Ибресь Н.Т.

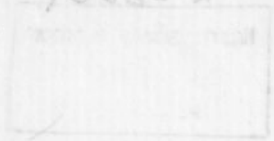
Встречи

на стадионе

ур

К-28201

Челбокеары 2011

ББК 86.37-52

УДК 264

Ж 73

Ж 73 **Жирнов-Ибресь Н.Т.**
Встречи на стадионе. – Чебоксары: «Новое Время»,
2011. – 256 с.

К-58301

© Жирнов Н.Т., 2011

Встречи на стадионе

I

Настало лето, дни стали длинные. Один раз за это время прошел дождь проливной, на целый день. Высохло за раз, до обеда было сухо. Остальное время небо чистое каждый день. Очень сильно пекло. Солнце грело беспощадно своими горячими лучами землю.

Ехать в транспорте было невозможно. Особенно когда в час пик народу было битком. Прикосновения друг к другу очень раздражали.

Еще не доехав до конца своей остановки, решил Матур выйти из троллейбуса, пройтись по парку «Дорисса», немного освежиться после душной потасовки.

Идя по аллейке между деревьев, наконец, Матур задышал свежим, чуть прохладным воздухом. Заодно решил размять свои ноги. За столом писавший целый день, начиная с пяти часов утра, не вставая. Если не ходить совсем, ноги могут атрофироваться. Первый признак — начинала болеть спина. Вставал с места Матур, при движении было тяжело наступать на всю ступню и идти.

Неожиданно перед глазами на доске объявлений мелькнул красочный плакат. Решил Матур подойти поближе к стенду, рассмотреть повнимательнее, что это такое может быть. Написано было четко, большими буквами и цифрами: «27 июня 2009 года, в 17 часов состоится соревнование — бои без правил. Обязательно после этого будет концерт. Приедет из Москвы вокально-инструментальный ансамбль ВИА «Советские ребята». Увидел Матур здесь на фотографии знакомое лицо, из маминой деревни Изамбаево, Олега Захарова, чемпиона мира, завоевавшего пояс мастера спорта. На фотографии стояли они втроем: в середине негр, с одной стороны Олег Захаров, с другой — спортсмен из Чувашии, родом из Канаша. Рядом более мелкий снимок: группа певцов из шести человек.

Моментально в голову Матура пришла идея: надо обязательно съездить в Кугеси, побыть на стадионе. С такими мыслями возвратился он в свою квартиру. Глянул в хлебницу, а там было пусто. Невольно Матуру пришлось одеться и пойти в магазин, в красный. Красным называли его все мужики, потому что он был сделан из красного кирпича. У

торговых рядов, где продавали излишки домашних продуктов сельского хозяйства, купил Матур несколько стаканов свежей клубники, покушать с молоком. Здесь на площадке столкнулся со знакомым из Янтиково — Демендеем. Поздоровался с ним спокойно за руку.

— Завтра проводятся бои без правил, их организовал Олег Захаров из Изамбаево.

— Кто он такой, почему не знаю его?

— Ну ты совсем обалдел! Не читаешь что ли газет? Не смотришь телевизор?

— Мне некогда: занимаюсь бизнесом, а там надо держать ухо востро.

— Удивляешь, Демендей, совсем изменился, все измеряешь в деньгах, больше ничего тебя не интересует.

— Наверно сам прекрасно знаешь: без финансов в настоящее время никуда.

— Не все мерится деньгами, еще в людях остается добропорядочность.

Сбавив тон голоса, Матур продолжил более спокойно:

— Когда был маленький, из Изамбаево не вылезал, жил у своей бабушки.

— Одно обстоятельство: совсем еще мальчишкой после восьмого класса уехал из Янтиково в Чебоксары во второй интернат с математическим уклоном.

— И что такого, я не родился в Изамбаево, только моя матушка, но почему-то в деревне всех знаю на лицо, некоторых по фамилии, даже в Яльчикском районе многих людей.

— Ты писатель, должен обо всех знать, со всеми общаться.

— Далеко не надо ходить — вон с вашего села Николай Кудрявцев, простой человек, но почему-то знает многих яльчикских, даже где они работают.

Более мягко Демендей постарался заговорить дальше:

— Наверно молодежь, потому, наверно, их не знаю.

— Что бы ты мне ни говорил, все зависит от тебя, Демендей.

Матур, сверля своего знакомого взглядом, сказал ему в лицо:

— Если хочешь общаться нормально, по-свойски, по-человечески, пожалуйста, все изменится в лучшую сторону.

— Кто мне нужен, с тем дружу.
— А жаль. Так и не понял цену землячества.
Чмокнул губами Демендей несколько раз, сев важно в свой джип, укатил в сторону Южного. И был таков разговор.

II

Наконец, переодевшись в тоненькое трико, Матур сразу включил вентилятор. В квартире стало очень легко. В этот раз даже не хотелось одевать комнатные тапочки. Развалившись на кресле, он устроился как ему было удобней. Только сейчас почувствовал облегчение. Решил сходу позвонить Матур своему знакомому — соратнику по перу, поэту. На другом конце послышался твердый мужской голос.

— Слушаю. Говорите. Что молчите?

— Дай хорошенько вздохнуть.

— Очень рад слышать тебя, давно твой голос в моих ушах не звенел.

— Живем паршиво, что даже редко звоним друг другу.

— Что поделаешь, если жизнь очень тяжелая, Матур, приходится много думать и быстрее шевелить мозгами, выходить из трудного положения.

— Ну и как получается у тебя, Юрий Сан?

— Когда бывает везет, некоторый раз и в пролете полнейшем. Жаль только теряешь золотое время, особенно нервы, они не восстанавливаются.

Грустным тоном голоса и с таким упреком невозмутимым произнес:

— Оказывается, все впустую, скрепя сердце, приходится заново начинать.

— Знаешь, Юрий Сан, звоню вот по какому поводу: завтра, в субботу, на стадионе в Кугесях будет проходить бой без правил.

— Видел на днях Захарова Олега. При встрече он мне дал плакат, вежливо пригласил.

— А сам что думаешь по этому поводу?

В ответ молчок, в трубке тишина.

— Приходи, Юрий Сан, мне одному тогда не будет скучно.

Опять нет ответа. Получилась небольшая пауза.

— Ходить вместе, общаться (у нас с тобой общий интерес), посмотреть, что происходит на этом Кугесьском стадионе.

— Убедил ты меня, Матур, постараюсь быть, если не изменятся мои планы на завтра.

— Наконец услышал правильный ответ.

— Где-то подойду в районе четырех часов.

— Ладненько, Юрий Сан, тоже постараюсь подойти к этому времени.

С улыбкой на лице, довольный, Матур положил трубку, спокойно вздохнул, душа радовалась.

Интересный человек Юрий Сан. Родился в Яльчикском районе, в деревне Малая Таяба, плотного телосложения, ни одной жиринки нигде не провисало, весит 120 кг, занимался борьбой, на всех праздниках выигрывал баранов, если, конечно, участвовал. В прошлом году на Акатуй взял приз — молодого барашка.

III

Настало 27 июня — долгожданный день встречи на стадионе в Кугесях. Прямо с утра начинало греть солнце вовсю, со своим блеском, не щадя ничего лучами на пути. Удивительно — на небе и на горизонте — ни одного облачка. Смотреть было на простор одна красота, просто заглядение, не оторваться от обзора, любуясь синевой. Внутри, в душе, все очищала, этот чистый, теплый, дарующий прекрасное настроение, светлый день.

Пешком добрался Матур, не спеша, до остановки «Питомник». Стояло несколько газелей по маршруту N162, ждали своей очереди. Сев на первый, Матур как раз поехал в Кугеси, до самого поселка. Водитель высадил прямо напротив церкви с золотыми крестами. Матур, разглядывая новое здание, выложенное красным кирпичом, подумал про себя:

— Ни разу не был, надо бы зайти обязательно, помолиться, чтобы все прошло удачно, за своих земляков, чтобы выиграли.

Зашел, поставил свечу как всегда своему ангелу-хранителю, Николаю Чудотворцу.

Смотрит, рядом стоит батюшка.

– Как вы быстро успели построить?

– Это с помощью главы администрации Чебоксарского района, Князева Анатолия Пантелеймоновича.

Услышала женщина в черном платье, так громко высказалась:

– Будем молиться за Анатолия Пантелеймоновича. Дай Бог ему здоровья, и чтобы дела хорошо шли, – повернулась к образу Божьему, перекрестилась.

На душе полегчало у Матура, пошел дальше по намеченному пути.

Здесь величаво выглядел новый оздоровительный комплекс и тут же рядом стадион. Во всю гремела музыка, разносилась вокруг.

Прошел мимо ворот, на поле заметил, как в углу с правой стороны играли в мини-футбол местные ребята с приезжими из соседней республики. Стал Матур с интересом наблюдать, как они азартно отнимали у своих соперников и пинали по мячу.

Вовсю грело солнце, притом прямо в лоб.

Помнится было такое с Матуром на 9 мая, на Красной площади, стоял тогда напротив Чувашского драмтеатра, ждал, когда будет парад. Разговаривали по-дружески с Никитиным Александром Семеновичем, ректором института туризма и сервиса. Хорошо обгорели, на следующий день все лицо облезло. Чтобы такое не повторилось, обошел площадку с левой стороны. На другой стороне устроился поудобней прямо около забора, под деревом в тени. Дерево закрывала зелеными листьями, укрывающими от палящих горячих лучей. Заканчивались последние минуты добавочного времени матча. Все никак не могли забить, отличиться из двух команд хоть один. Счет был 3:3. Назначенное время истекло, с игроков лил пот градом. У самих вид бледный, как выжатые лимоны. Судья назначил пенальти, били по мячу, слышны были отчаянные возгласы или ругань.

С другого конца поля, у самых ворот, заметил знакомого А. Павлова. Вместе с ним на соревнованиях по гиревому спорту приходилось участвовать в судейской коллегии Матуру. Махнул ему рукой несколько раз. Наконец заметил его А. Павлов, подошел к нему.

- Вижу, Матур, неплохо устроился здесь, под тенью.
 - Зачем себя лишний раз жарить на солнце.
 - И то правильно говоришь, голова все-таки работает, еще не получил солнечный удар.
 - Научен опытом в своей жизни.
- От улыбки такой лицо А. Павлова сморщилось очень сильно:
- Ой давненько тебя не видел, Матур!
 - В последнее время несколько лет подряд не ходил на соревнования.
 - Наверное, поэтому и не встречались с тобой на этих турнирах.
 - Какими судьбами ты здесь, Павлов?
 - Решил тряхнуть стариной, поднимал гири по 32 кг.
 - А тебе, Павлов, все нейдет, никак не можешь спокойно наблюдать со стороны.
 - Что бы ты ни говорил, Матур, все равно у меня еще есть порох в пороховнице.

С ироническим смехом, глядя на него, проговорил:

- Наверное, занял последнее место?
 - Обижаешь старую гвардию, не по адресу.
- Вытянулся весь Павлов, расправил свои плечи.
- Согласен только на первое место, никаких там уныний!
 - Смотрю на тебя, Павлов, — все-таки крепкий мужик!
- По-дружески хлопнул ему по плечу несколько раз.
- Закончился футбол, сразу же объявили счет. У одних веселые возгласы, другие с опущенной головой стояли в стороне.

По рупору объявили, что будет перетягивание каната на другой стороне стадиона. Собралось не меньше народу, чем на футболе. Смотреть было интересно, какая группа мужчин сильнее окажется. Окружив со всех сторон, люди кричали. Болели зрители каждый за свою команду.

IV

Закончились все виды соревнований в дневное время. Собрался народ в одно место, где были призы, всякого имущества на двух столах, а коробки на земле. И тут начали

присуждать призовые места. Мужчина объявлял, подавала белокурая женщина самому главе. Вручал каждому лично в руки Анатолий Князев. Начиная с шахматистов, давая подарки, Анатолий Князев благодарил за участие. За ними пошли шашечники-мужчины, потом следовали женщины. Двигался этот процесс как по маслу. Настала очередь футболистов (даже каждому по призу), затем — до гиревиков, по микрофону объявили Павлова. Встал на пьедестал на первое место он, выперев свою грудь вперед. Изменился прямо на глазах Павлов, как молодой, не унывающий вид этого пенсионера. Взяв приз, довольный такой, с улыбкой жизнерадостной, вернулся на место, рядышком с Матуром.

— Давай пока, Матур, до следующей встречи с тобой!

Схватив его за руку на прощанье, посмотрел ему в лицо.

— Что, не будешь, Павлов, смотреть бои без правил?

— Сегодня я целый день нахожусь здесь, на стадионе, предостаточно устал на такой жаре париться.

— Вдвоем было бы веселее смотреть на это.

— Да притом ждут меня дома, обязательно надо ехать в гости к своим родственникам в Цивильск. Обещался своим подойти вовремя.

Напоследок махнул рукой Павлов, скрылся за углом трибуны.

V

Закончив награждение, Анатолий Князев прямо сходу скинул пиджак. Вытерев лицо платком, выпил стакан холодной минеральной воды. После такого напряжения с легкостью вздохнул полной грудью.

Прямоком направился к Анатолию Князеву, вежливо встретил.

— Хорошо подготовились, Анатолий Пантелеймонович, подарки классные — не какая-нибудь там дребедень: подержал в руках и где-нибудь дома выбросил в кладовку.

Переглянулись между собой, но ничего не сказал.

— И Вы приятно выглядите, смогли подобрать классные вещи.

— Стараюсь, чтобы у участников сегодняшний день остался надолго в памяти.

— Посмотрел, у футболистов такие шикарные бокалы из стекла — только ставить в сервант и любоваться на них со стороны.

Улыбнулся Анатолий Князев, приятный видом. Сам выглядел: чуть слегка синяя, светло-нежная рубашка молодила его, а солидность придавал ему галстук.

— Фу ты, надоело носить этот пиджак!

— Взяли бы, совсем не одевали. Как на верхах говорят — встречи без галстуков.

— Это у них для себя, что проходят в дружеской обстановке.

— Можно, наверно, для себя облегчить?

— Нельзя. Я — официальное лицо, должен выглядеть как подобает перед людьми.

— Наверно, вы правы во всем.

— Лучше пойдем попьем чайку с бутербродами.

— Прежде чем идти сюда, дома я три чашки крошки съел.

Матур по большому животу хлопнул несколько раз.

— Большое спасибо за уважение ко мне.

— Мое дело предложить, а твое — сделать ко всему вывод.

Взяв со стола свой пиджак, положив на руку, Анатолий Князев направился к зданию, центральному входу, где были большие витражи.

VI

Оставшийся народ повалил к главному выходу к воротам. Ходила охрана. Нежелающих выпроваживали силком за территорию забора. Заодно решил Матур последовать со всеми в одном направлении.

Взгляд свой перевел на другую сторону Матур. Заметил за углом здания, в тени стояли двое мужиков. Одного из них сразу узнал. Это оказался Виталий Васильев, был председателем федерации по борьбе «Керешу» Чувашской Республики. И сам такой инициатор в этом деле, все держалось на нем и Николае Петрове, вдвоем вели это дело успешно, в семи регионах открыли общество «Керешу».

— Куда ты спешишь, с напором таким?

— Со всеми людьми на выход, как положено здесь в настоящее время.

— С нами что, не хочешь посмотреть соревнование?

— О чем говоришь, Виталий? В этом сомнений не должно быть.

Больше с убедительностью Матур высказался:

— Для этого, наверно, пришел сюда, Виталий!

— Оставайся с нами, Матур. Все-таки свои знакомые, да родители наши с одного района Яльчикского.

— Если так, возражений нет по этому поводу.

Примкнул к ним Матур с другой стороны. Дальше повели свою беседу они. Топтались на месте, с одной ноги на другую. Сам Матур поглядывал в сторону входа, немного нервничая. С нетерпением Матур обратился к Виталию Васильеву:

— Случайно, Виталий, ты не видел здесь Юрий Сана?

— Нет конечно, стою здесь, и не проходил.

Подняв руку, чтобы молчал:

— Дай-ка лучше позвоню ему.

Из своего кармана вытащил сотовый телефон Виталий Васильев. Быстро пощелкал по кнопкам, только слышен был писк. Оттуда послышался голос, слабо доносящийся до ушей:

— Слушаю тебя, Виталий. Что там случилось?

— Где ты находишься в настоящее время, Юрий Сан?

Перекинув на другую руку трубку, Виталий:

— Обещался же ты сегодня подойти сюда?

— В городе Чебоксары появились срочные дела домашние, которые не терпят никаких отлагательств.

— Теперь становится понятно: вот почему нет тебя среди нас, земляк!

Выключив свой аппарат, спокойно положил его на этот раз в нагрудный кармашек.

— Знаешь ли ты о том, Матур, что Юрий Сан — мой кум? Недавно крестили его дочку в церкви.

— Впервые слышу от тебя такую новость. Очень приятно, что ты еще ближе стал с ним.

— Видишь, Матур, как в жизни все поворачивается, когда уважаешь человека.

Вела разговор, не прекращая, эта тройка.

VII

Подъехал большой автобус к воротам. Быстро открыли перед ним. Вся блестела на солнце эта техника. В момент появился Олег Захаров, видать, позвонили ему. Вывел крепких парней, видны были руки мускулистые, накаченные тела. Участники соревнований из Москвы, Украины, Белоруссии и т.д. За ними следовал главный судья Малый. Посвойски Захаров Олег махнул рукой в их сторону, задержал свой взгляд.

— А вы там что стоите, как сироты? Немедленно пошли со мной!

Один остался, двое последовали за ним. Привел в раздевалку, сходу показал пальцем и ткнул в одно место.

— Располагайтесь здесь, будьте как хозяева, но не забывайте, что в гостях, на моей родине.

Как давнишний знакомый подошел к ним Олег Захаров. Прямо вплотную, смотря в глаза:

— Виталий, будешь боковым судьей?

— О чем может быть разговор, Олег? Мы же свои, яльчикские ребята!

— Привечай наших участников что надо, помоги им, чтобы они ни малейшего не чувствовали неудобства здесь у нас.

— Понял все, Олег. Нет вопросов по этому делу.

А сам Олег Захаров куда-то второпях скрылся за дверью.

Приехавший со всеми на автобусе, главный судья Малый из Москвы обратился к Виталию Васильеву, вытаскивая из пакета желтые футболки:

— Это вам, две штуки.

На футболках четко выделялось большими буквами «СУДЬЯ».

— Думаю, большие. Любому подойдет.

Подняв палец вверх, Малый с серьезностью проговорил:

— Пожалуйста, сделайте так, но с возвратом, лично мне отдадите в руки.

— Чего уж не понять. Больше нет слов по этому поводу. Можете не беспокоиться — верну в сохранности.

— Чуть было не забыл!

Достал еще два комка:

— Да вот еще повязки оденьте на руки во время суда.

Подал ему полоски, видны были красный и синий. Оказалось, с резиночкой, чтобы могли подойти на любую руку. Просмотрев все вещи, Виталий Васильев положил себе в пакет. Осмотрел комнату. Здесь ребята готовились, с большой уверенностью разминались. Со стороны как-то нехорошо было смотреть. Вначале обратился к ним Виталий Васильев:

— Ребята, что-нибудь вам надо, не стесняйтесь, спрашивайте у меня.

— В настоящее время пока ничего не требуется.

— Если так, пока я вам не нужен.

С Виталием Васильевым Матур вышел в коридор.

VIII

У входа, у витража, вдоль стены были кресла. В одном сидела женщина примерно лет семьдесят. Заметив ее, с удивлением Матур проговорил:

— Смотри-ка, и бабуля пришла сюда! Надо же, не сидится дома ей!

Довольный такой Виталий Васильев, даже глаза прищурились от радости внезапной.

— Немножко со стороны похожа на мою матушку.

— Надо же! А ты что, Матур, не знал — это ведь мать Захарова Олега.

— Нет, конечно, время идет быстро, в нынешней ситуации ездю в Изамбаево только на Симек.

— Все понятно с тобой, Матур.

Прибавил шире шаг Витя Васильев, раскинув руки по сторонам:

— Здравствуйте, дорогая тетя Зина! Замечательно, что приехали сюда!

— И тебе, Витя, так же спасибо на добром слове.

В тоне сожаления начала говорить ему:

— Совсем забыла привезти полведра яиц, что ты оставил.

— Брал прямо в деревеньке, домашние яйца, для своих борцов, чтобы была у них сила.

Невзначай так руками отмахнулся перед ней:

— Бросьте об этом говорить, пускай для вас будет гостинец от меня.

Оба улыбнулись, довольные собой, разговором своим.

Неожиданно перед ними появился Олег Захаров, головой туда-сюда несколько раз и резко:

— Некогда, Витя, рассиживаться здесь!

Быстренько встал Витя Васильев, быстро последовал за ним.

IX

Матур сел рядом с ней в кресло. Она осмотрела его сверху донизу, в чем был одет, заодно образ — чей может быть.

— Кто ты будешь такой?

— Матур, сын Анисьи из Изамбаево.

— Которая из них, лучше скажи мне фамилию.

— Жирнова, коренной дом при входе в деревню, напротив живут Марковы, соседи Пчеловы.

— Так бы сразу сказал. Да, ее прекрасно знаю. Она меня старше на целых семнадцать лет.

— Видите, в момент разобрались в этом деле!

— Помню хорошо Анисью: белые волосы до самых пят, голубые глаза, такая жизнерадостная всегда, пела песни в поле, несколько раз заставляла ее в таком виде, доносилась до моих ушей мелодия чувашских песен.

— Есть у нее такое, дал Бог эту красоту и голос.

— Жива, что ли, твоя матушка?

— Нынче ей исполнится 93 года, 21 сентября, дома не сидит, все бегает или сидит перед домом, со своими соседками-бабками разговаривает, да еще память хорошая, всех вспомнит.

— Это замечательно, никого не утруждает.

Сделала такой вид, будто что-то вспомнила:

— Слыхала я про Анисью, рассказывали наши женщины изамбаевские, пришел к ней свататься из соседнего села Янтиково высокий симпатичный моряк, да она отказалась от него.

Чуть улыбнулась тетя Зина, продолжила свой рассказ:

— Было такое в старину: красть девушек, потом насильно выдавать замуж.

— Это я слышал о тех временах от старшего поколения.

— И вот решили поступить парни по-своему: встретили Анисью у амбара во главе с женихом, с ходу накинулись, хотели положить в мешок большой и выкрасть.

— И что у них получилось?

— Вначале кинула через себя жениха-морняка, а потом остальных раскидала по сторонам. От такой агрессивности убежали парни от Анисьи.

— Есть такая у нее сила женская, амазонская.

— Если бы была борьба в те времена, то я уверена, что Анисья занимала бы первые места везде.

— В этом бы я не сомневался, уверен в своей матери, что получилось!

— Хочу еще раз повториться: ох, как пела Анисья, даже заслушаешься.

Сделав паузу короткую, изменив свой тон на грустный, тетя Зина:

— Недельку тому назад, в вашем коренном родительском доме умер Авдюк, младший брат Анисьи.

— Узнал очень поздно. Позвонили, когда похоронили. Это только сообщила у Марковых дочь, Лида Шумова.

— Надо же, только в апреле отметил 80-летие.

— Приезжал на Симек, зашел к ним, встретил дядю Авдюка, сидел на ступеньках при входе, еле дышал. Хотел было с ним поговорить...

Сделав грустные глаза, Матур еле выговорил:

— А он мне говорит: «Устал я, пойду лягу на кровать». Много курил, сигареты без фильтра — Приму.

— Видала, как ходил по деревне, дымил всюю, во рту всегда у него сигарета.

— А то конечно, еще бы пожил лет десять.

— Что сделаешь? Вы же, мужики, не жалеете себя.

— Есть такое у нас, не спорю с Вами.

— Теперь в Изамбаево остался мой муж Ананий, ему исполнится скоро 80 лет.

— Берегите своего аксакала, только вдвоем продлевается жизнь дальше.

— Говоришь такие мудрые слова, в этом ты прав, Матур.

— Это мне говорила матушка, из нашего рода была ум-

ная. У нее самая старшая сестра, Клавдия, вышла замуж в Бай-Батырево.

— Ведь я тоже сама родом из Бай-Батырево, еще девушкой переехала в дом Захаровых, все было прекрасно.

В глазах пропала искорка, и сама вся изменилась.

— В жизни только одно омрачает...

С еще большей грустью тетя Зина проговорила:

— У меня сын приехал из Афганистана, вся грудь в орденах и медалях.

С паузой, не спеша выдавила из себя:

— А в мирной жизни не уберется Гена.

Посмотрела куда-то вдаль через стеклянные витражи на голубое чистое небо.

— Ведь у меня одиннадцать детей, не смогла сохранить одного, которого потеряла навсегда на этом свете.

— Надо же подумать! Столько детей у Вас, да еще вся такая энергичная.

Повела по-своему свою речь тетя Зина.

— Узнала, что случилось с моим Геной, так за него переживала, скосило меня наповал, легла на постель ни живая, ни мертвая.

— Да, тяжелый случай. Надо же такое горе пришло в ваш дом.

— Спасибо моим деткам, выходили меня, поставили на ноги.

— Хочу сказать, у Вас сильная и большая материнская любовь. Это — дар Божий.

Проходили мимо них люди, смотрели, внимательно разглядывая, гадая по-своему.

— На новом кладбище видел могилу Вашего сына Гены, сделано из черного мрамора.

— И там же находится ваша тетя Лена.

Тяжело было вспоминать прошлое двум сидящим здесь. Хотелось Матуру сменить тему разговора. Слишком давило на сердце.

— У Вас, тетя Зина, десять детей — такое богатство! Надо для них жить обязательно.

— Сегодня уговорил меня младший сын Михаил, с которым живем в одном доме в Изамбаево.

Невзначай так махнула рукой тетя Зина, сразу просветлела.

— Живем один раз, хочется все посмотреть.

Переменилась вся прямо на глазах:

— Узнать пришла, как тут мой сын Олег, который по счету десятый.

— Все это организовал, бой без правил, Олег, конечно, с помощью главы Анатолия Князева, без него никуда, ничего не сделаешь.

— Понятно, все это нешуточное дело, очень серьезное.

— Одно меня радует, тетя Зина, что сделали правильно. Конечно, Вам хочется посмотреть на Олега, и в радость увидеть остальных детей здесь.

— Оставила мужа. Пускай Ананий занимается домашним хозяйством, посмотрит за скотиной.

Х

У главного входа в здание, в дверях показался глава администрации Анатолий Князев.

— Давайте-ка лучше познакомлю Вас, тетя Зина, с представителем Яльчикского района из Лаш-Таябы Анатолием Пантелеймоновичем.

Шустро вскочил Матур со своего места прямо к нему.

Увидел его, голову притянул к себе, странно посмотрел:

— Вроде с Вами виделись, Матур, только недавно разговаривали.

— Вообще совсем по другому поводу.

Развернувшись наполовину ладошкой показал:

— Хотел бы Вам представить героиню, матушку Захарова Олега.

Смело шагнул вперед Анатолий Князев, взял руку ее, нежно, с уважением пожал.

— Очень признателен за Вашего сына. Такого молодца родила!

С благодарностью, чуть наклонив голову, положив руку на сердце.

— Надо же, Анатолий Пантелеймонович, сколько силы вкладывается в это мероприятие.

— Делаю все для людей. Стараемся, как можем.

– Активные люди в нашем Яльчикском районе выходят.
– Напрасно хлеб не едим, в кресле не просиживаем место.

– Очень рада за Вас как за земляка!

Обняла его за шею, чуть наклонила.

– Дай по-матерински Вас поцелую, благословлю, Анатолий Пантелеймонович, чтобы все ладилось, помогал Всевышний в Ваших добрых делах.

– Ой, спасибо. Как будто был в своей деревне, дома. Показалось, как матушка родная обнимала в этот момент.

– Мы все матери, конечно, желаем детям здоровья и удачи в этой, сейчас нелегкой, жизни, кризисе.

– Если сидеть на месте, ничего не двигается, приходится выходить из этого создавшегося трудного положения.

– На Вас это не похоже, живете полнокровной жизнью.

– Для этого создан человек на свете.

Между ними появилась высокая белокурая женщина, серьезным настойчивым видом:

– Анатолий Пантелеймонович, срочно нужно решить один организационный вопрос.

– Да, слушаю Вас внимательно.

Увела его в другую сторону, вконец пропала из виду.

XI

И тут же появился вице-премьер, министр сельского хозяйства Чувашской Республики Михаил Игнатьев. Развернувшись, смотрел на стадион через стеклянные витражи у самого главного входа, скрестив перед собой руки как неприступная стена, думая о чем-то.

Посмотрел Матур в ту сторону, где стоял Михаил Игнатьев. Конечно, с ним был мало знаком. Страшно стало подходить к нему из-за его грозного вида. Все равно хотелось порадовать старушку. Набравшись смелости, Матур вежливо обратился к нему:

– Михаил Васильевич, хочу Вам представить матушку титулованного чемпиона мира, завоевавшего пояс победы, Захарова Олега.

Вначале опешил Михаил Игнатьев, осмыслив строгим видом момент. Оценил, в какой ситуации находится он.

— Неужели приехала сюда из Изамбаево, посмотреть на своего сына?

Вся выпрямилась тетя Зина, гордо подняла свою голову, в этот момент посветлело ее лицо.

— Конечно, очень рада за своего сына Олега.

— Удивительно, но факт. Молодцы! Все-таки надумали!

— Посмотреть хочется, побыть с детьми и порадоваться с ними.

Несколько раз ладошкой по груди с левой стороны:

— Душа никогда не стареет, только тело дряхлеет.

— Подумал вот о чем: у боевого человека, завоевавшего много призов, ставшего чемпионом, и матушка должна быть мировой женщиной.

Наконец появилась улыбка на грозном лице Михаила Игнатьева, более мягко, с уважением:

— В этом еще раз убедился, ни грамма не ошибся в своих предположениях, с первого знакомства.

Появился мужчина, подбежал к нему, запыхавшись, проговорил второпях, с паузами:

— Мы только Вас ждем. Прошу к выходу, Михаил Васильевич.

Повернулся Михаил Игнатьев к тете Зине:

— Вы уж извините меня — дела важные.

Молча последовал за мужчиной Михаил Игнатьев своим уверенным шагом, видно на чаепитие.

XII

Показался на горизонте самый старший из братьев, Захаров Илья. Вначале резко пожал руку ему.

— Хорошо, что пришел сюда, Матур, очень даже рад этой встрече.

— С моей стороны мне самому очень интересно пообщаться с людьми, на все это посмотреть, особенно свидеться с ребятами яльчикскими.

Отвлекли их от дальнейшего разговора. Шумно шли люди, окружив Захарова Олега. К ним сразу метнулся Захаров Илья. Привели Захарова Олега, держа его за локоть. Сам Олег держался за рану, где между пальцами сочилась густая кровь, смотрел прямо в пол.

Вытащив глаза, тетя Зина резко толкнула пальцем прямо в бок Матуру:

— Что случилось с моим сыном, скажи пожалуйста, Матур. От неизвестности еще больше болит сердце.

— Успокойтесь. Не надо устраивать лишний раз панику.

Слегка так по плечу ладошкой:

— Вначале послушаем, что люди хорошие скажут.

К ним подошел мужчина, одетый в спортивную форму:

— Зашел в подвал, а там оказалось темно, как обычно у нас выкручивают лампочки.

— Есть такое у недобросовестных людей.

Стоя спокойно, в том же тоне продолжал:

— В неведении прямо стукнулся об трубу. Как говорят, закон подлости.

Оказался вентиль без барашки, торчал штырь, прямо острием в голову.

— Надо же, так неудачно все получилось у него.

Моментально у тети Зины увлажнились глаза. Чтобы никто не заметил, особенно боялась показать детям, не хотелось расстраивать их, старалась слегка указательным пальцем убирать капли слез.

Прибежали двое в белых халатах — женщины-медики. Открыв свой чемодан с красным крестом, достали, что им нужно, начали обрабатывать его рану, нежно прикасаясь марлевым тампоном, выливая из бутылки перекись водорода.

Сама тетя Зина не могла смотреть на кровь своего сына, поэтому она отвернулась в сторону. Изредка все равно нет-нет, да взглянет, охая, прямо с ужасом сморщив свое лицо, ладошкой закрывая свой рот. Снова тетя Зина слегка толкнула кулаком прямо в руку Матуру:

— А что ему было нужно в этом поганом подвале?

— Разве вы не слышали, что мужчина сказал?

— Какое там. Как увидела кровь, всю бросило в дрожь, ничего не соображала, до меня не доходило, мозги мои отключились, словно была в тумане кошмарном.

— Слушайте дальше, тетя Зина. В душевой не было горячей воды. Спросили участники, молодые парни, у Олега, почему нет горячей воды. Не задумываясь, Олег пошел открывать кран.

С беспокойными глазами, с осторожностью тетя Зина спросила:

— Сегодня будет выступать мой сын на этом ринге?

Опять сама испуганно проговорила:

— Не знаю, слабо верится.

Боясь за свои сказанные слова, что они исполнятся в пророчестве наяву, стараясь ее успокоить, с улыбкой доверительной, убедительным тоном:

— Да нет, тетя Зина, об этом можете не беспокоиться. Олег сегодня всего лишь организатор этого тура.

— Ой, страшно боюсь за него. И так вся голова в шрамах после боев.

— Приехали из Москвы совсем молодые ребята. Но, по правде говоря, каждый из них бывал на соревнованиях большого чемпионата России.

После этих слов немного успокоилась тетя Зина.

Около стола медики сделали все, чтобы перестала сочиться кровь из раны. Встал как ни в чем не бывало Захаров Олег, побежал по своим делам. Эта группа людей в момент рассеялась в разные стороны.

К ним подошел Илья Захаров, с уважением нагнулся, подержал за руку:

— Матушка дорогая, пойдем вместе на трибуну, там для нас Михаил занял места, причем прямо в центре, очень прекрасный обзор.

— Если надо, то повинуюсь, сын мой. Веди меня. Куда идти?

Со стороны коридора окликнул мужчина Захарова Илью. И он остался на месте, без движения. Резко махнув рукой в их сторону:

— Идите без меня, потом подойду к вам.

XIII

Матур вдвоем с тетей Зиной вышли на стадион. Задрал голову, Матур посмотрел, где находились Захаровы. Прямо под носом заметил их местонахождение. Пришлось пройти вправо несколько метров, подняться по лестнице. Оказались в первом ряду. Почти вся семья была в сборе. С краю сидел Миша, все контролировал:

— Можешь, Матур, не рассчитывать. Здесь свободных мест нет.

После резких слов Миша, стараясь говорить более спокойно, продолжал:

— Мог бы нас заранее предупредить, мы бы тогда заняли тебе место.

— Об этом как-то не подумал, оказался в этом деле непрактичен.

— Извини еще раз, что так получилось!

Кругом уже занимали места, рядом не оказалось свободных. Невольно пришлось подняться Матуру наверх. Но тут ему было скучно, не оказалось рядом близкого человека.

XIV

В отдельной ложе, под крышей, заметил знакомое лицо. Устроился один, развалившись, в белом костюме. Это был яльчикский депутат из Бай-Батырево Владимир Викторов и его старший брат Олег Викторов, который вел Яльчикское землячество. Прекрасно помнит Матур, как оно начиналось, был у самого истока.

С первых дней начали собираться у Викторова Олега, прямо в университете, в его кабинете. Каждый раз приносить бутылку было не резонно. Решили обществом вот так через раз, а потом другой. Началось чередование. Насчет закуски не было проблем. Один из яльчикских работал мастером в мясном комбинате. Всегда на столе появлялись ширтан, сервелат, очень сытная еда.

Была группа очень активная. В нее входили Александр Евтихеев из Изамбаево, даже изредка появлялась его старшая сестра Мария, участница Отечественной войны. Собирались самые активные за длинным столом, наговорившись вдоволь, наевшись досыта, разогревшись. Просили Ивана Христофорова спеть песню для души. Он наладил свою гитару, исполнял чувашские песни, как соловей. Так брало крепко за сердце, что еще раз хотелось послушать его. Здесь у Олега Викторова зарождалось впервые в городе и республике районное землячество. Хотелось всем общаться. Живя здесь, не видеть друг друга — это, конечно, был полнейший абсурд в нашей жизни. Притом не укладывалось в голову, как можно нахо-

даться в одиночестве. Но для этого много было вложено труда Сидорова Петр-Лаштай. Знал он очень многих людей по фамилии. И его братишка писатель Эктель. Само собой, помогали все — Теплов, Казанов и т.д., всех не перечить. Потому в городе появилось впервые Яльчикское землячество. А за ним последовали остальные районы. Вот такие были дружные яльчикские люди — вулкан чувашского народа.

XV

Места были полные, но люди все шли не переставая, даже несмотря на эту жару невыносимую. С самого начала белокурая женщина стала петь песню на чувашском языке. Сразу успокоились люди, настала тишина. Всем понравилось, хлопали с радостью, дружно и долго, народ попросил ее еще раз исполнить.

Опять все затихло, и началась торжественная часть. К микрофону вышел глава Анатолий Князев. За ним вице-премьер, министр сельского хозяйства Михаил Игнатьев, приехавший из Москвы делегат Чувашской диаспоры Анатолий Волков, старший судья Малый, Олег Захаров, Сергей Лапшин, мастер спорта по рукопашному бою Сергей Козин из Чувашии. Все встали в один ряд.

Объявили, кто будет выступать. Первым дали слово Анатолию Князеву:

— Сегодня исполнилось новому стадиону пять лет.

Раскинув руки по сторонам, показывая вокруг:

— Построили своими силами. Я благодарен тем людям, которые помогли бескорыстно этому большому делу.

Захлопали сильно, не переставая.

— Соревнование по боям без правил на приз главы Чебоксарского района, к сведению, проходит на стадионе второй раз, впервые было проведено 4 года тому назад, по решению федерации данного вида спорта, а также по просьбе жителей района, этот зрелищный жестокий вид борьбы снова на арене у нас здесь в Кугесях.

Положив руку перед собой, Анатолий Князев вежливо откланялся перед всеми людьми:

— Долго вас не буду утомлять своей речью. Еще раз всем спасибо за оказанную помощь.

Отошел в сторонку Анатолий Князев, видно, сам тоже за целый день намаялся в такой жаре, достаточно устал.

С осторожностью приблизился к микрофону министр сельского хозяйства, вице-премьер Михаил Игнатьев:

— После себя оставил достойную смену, все видно наяву, — посмотрел в сторону Анатолия Князева, — не ошибся ни грамма, оставив его главой Чебоксарского района.

Внимательно, с уважением обратился в ту сторону, где сидели люди, поднял руку:

— Хочется сказать всем здесь добрые слова. Если начну приводить цифры о достижении, вам будет скучно слушать, потому в этот праздничный день хочу поддержать приподнятое ваше настроение.

В ответ аплодисменты со всех сторон. Сам Михаил Игнатьев отошел в сторону, встав вместе с Анатолием Князевым, перекинулись друг с другом парой слов, смотрели вперед.

Потом настала очередь чемпиона мира Захарова Олега:

— Очень рад снова быть на этом новом стадионе, от всей души хочется радоваться, что проводятся здесь соревнования, бои без правил, на родной Чувашской земле.

Послышались дружные возгласы, свист молодых ребят с уважением к нему.

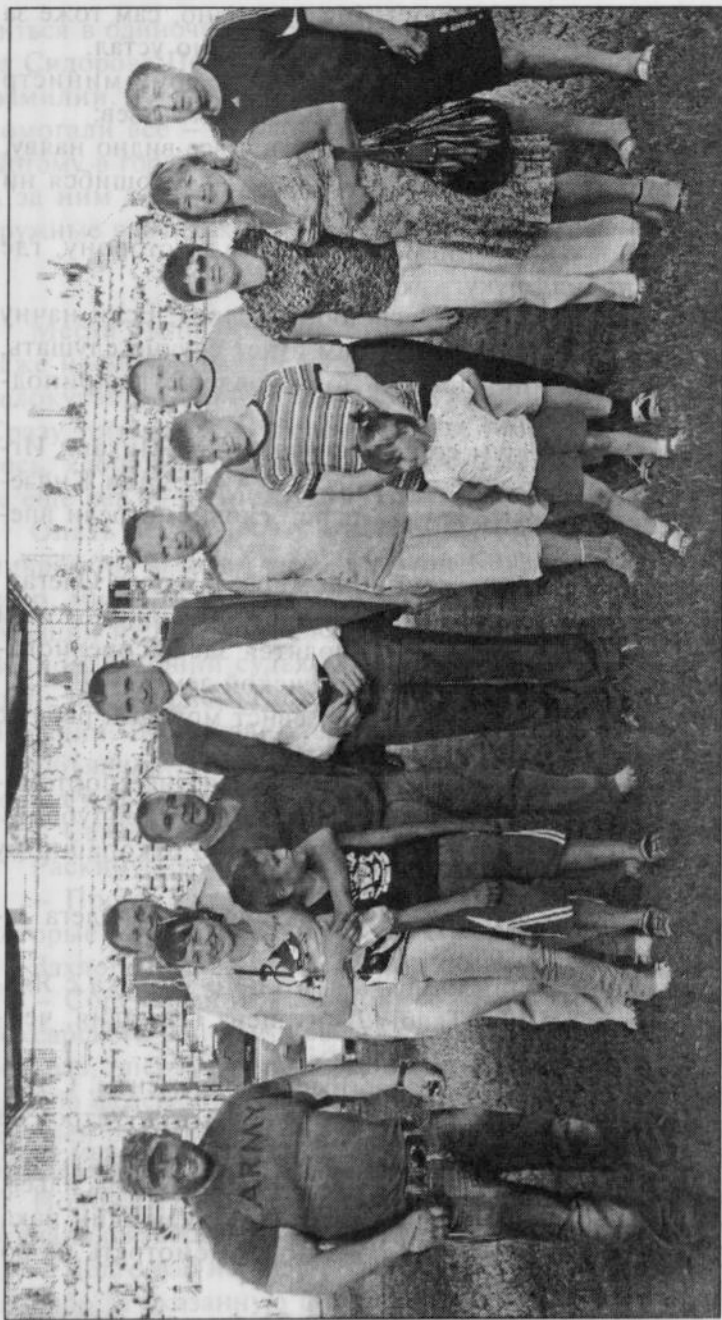
— В спортивном турнире принимают участие спортсмены с 8 регионов России, где честь Чувашской Республики будет защищать Александр Галкин, КМС по рукопашному бою, чемпион Чувашии 2008 года.

Вздохнул с радостью, даже появилась улыбка у Олега Захарова, другим тоном голоса:

— И конечно хочу представить вам моего земляка с Яльчикского района из Лащ-Таябы Дмитриева Геннадия, чемпиона России.

Опять грохнули сильные радостные аплодисменты. С благодарностью удалился Захаров Олег с этого места. Устроился за судейским столом вместе с главным Малым. По бокам ходили двое в желтых футболках. Один из них Виталий Васильев.

Выставили крепких молодых ребят, и все как один накачаны. Со стороны выглядело: любо-дорого смотреть на богатырей.

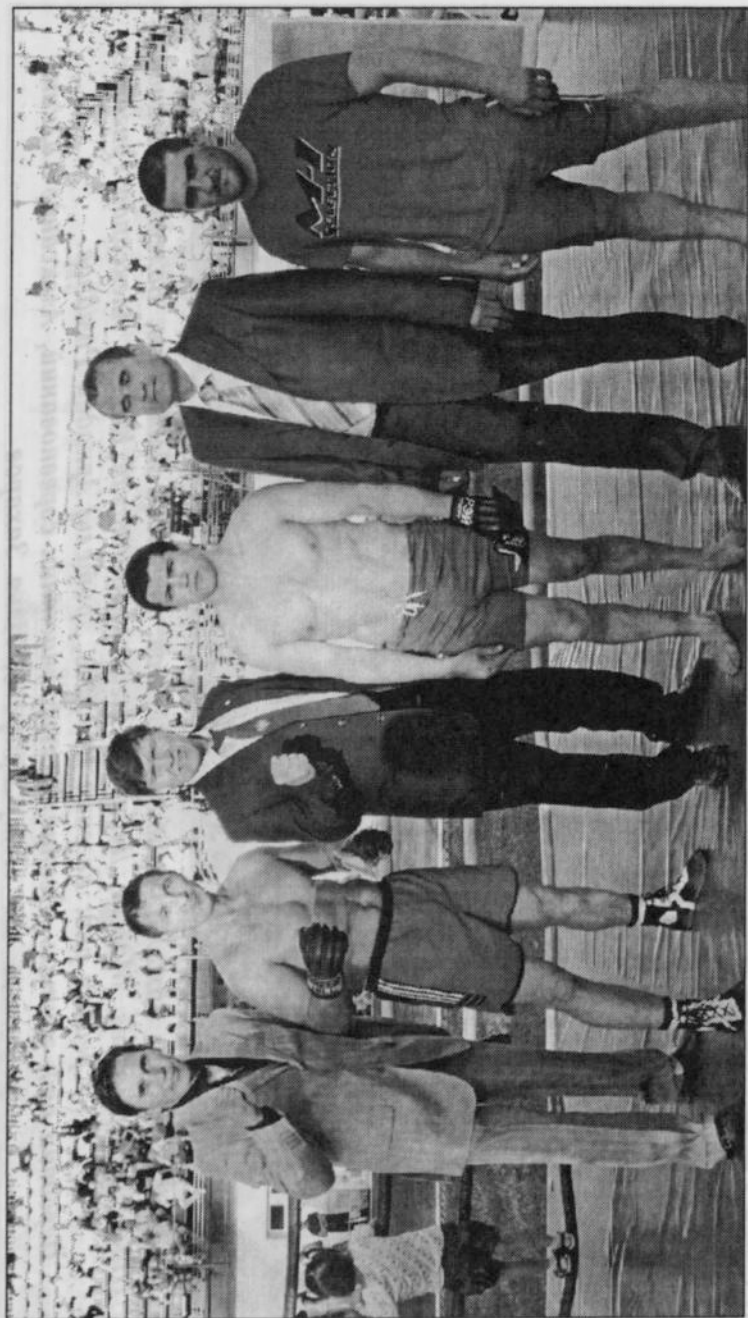
Юрий Спиридонов, Юрий Николаев, Людмила Николаева, Аркадий Романов, Валерий Романов, Анатолий Князев, Петр Ерофеев, Евгений Ерофеев, Анна Романова, Юрий Захаров, Надежда Жирнова, Наташа Романова, Александр Жирнов

*Задний ряд: Олег Захаров, Анатолий Волков, Геннадий Дмитриев, Валерий Романов,
Шамиль Нармагаев, Малый, Дебиром Загиров, Анатолий Князев, Александр Григорьев.*

Средний ряд: Евгений Ерофеев, зритель, Аркадий Романов.

*Передний ряд: зритель, Леонид Князев, участник соревнований, Александр Галкин,
Петр Ерофеев, Илья Захаров*

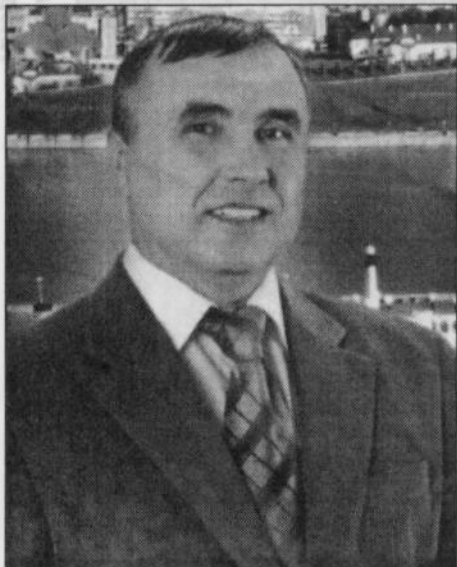

*Олег Захаров, Геннадий Дмитриев, Малый, Дебиром Загиров,
Анатолий Князев, Шамиль Нармагев*

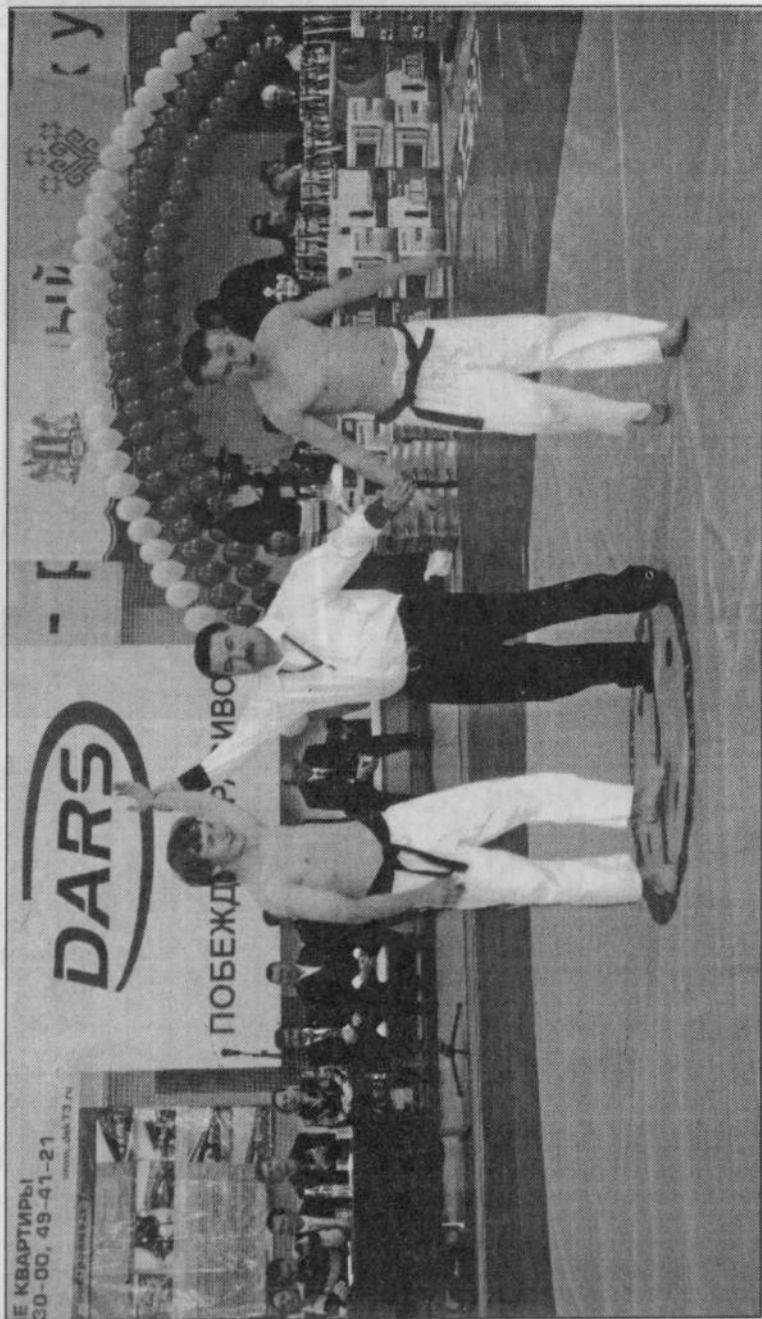
...в...
 ...
 ...
 ...

*Михаил Игнатъев и
 Анатолий Князев*

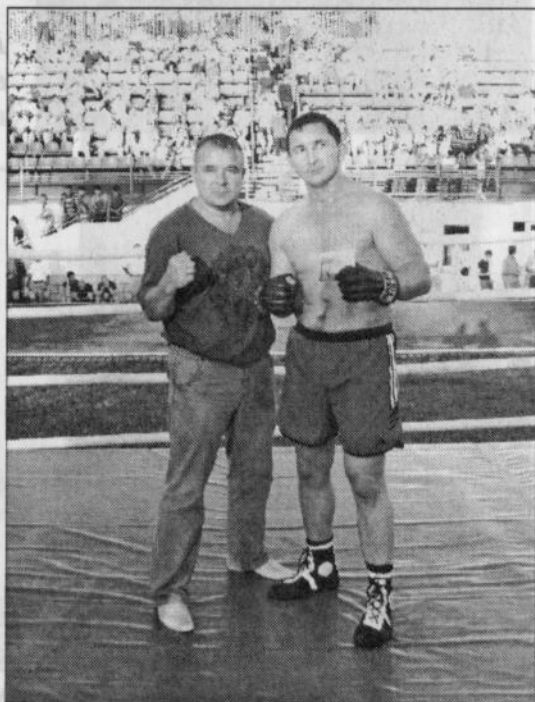
Николай Столяров

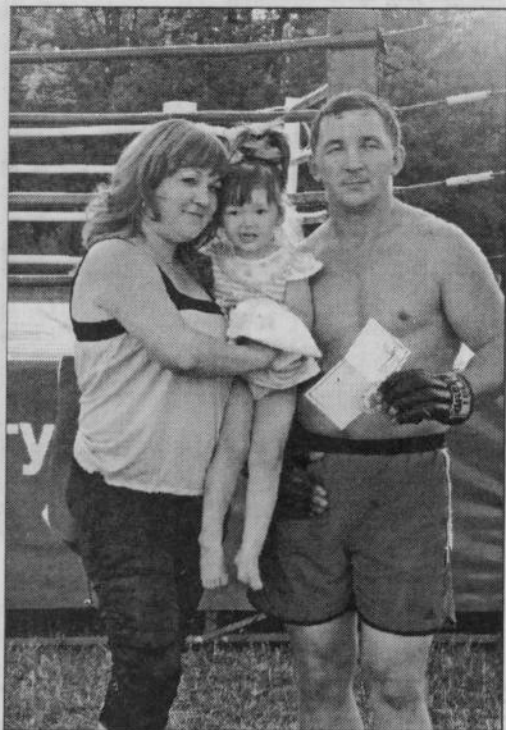
Никита Бестов, судья международной категории по борьбе на поясах Виктор Васильев и Андрей Петрянкин

Поздравление Геннадия Дмитриева с победой

*Валера Романов
и Геннадий
Дмитриев*

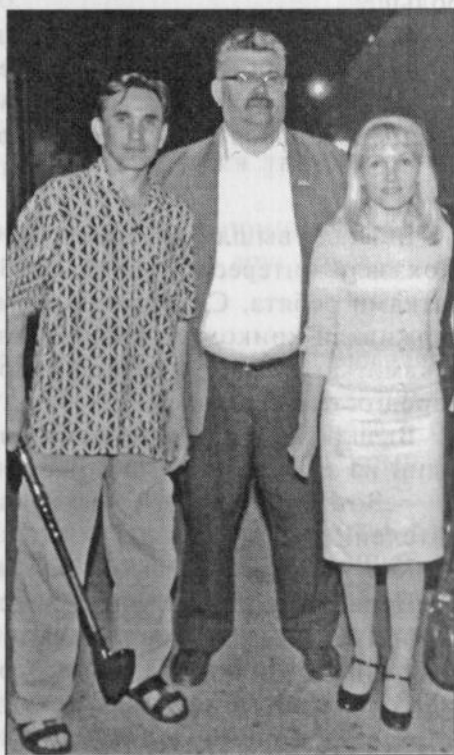
*Геннадий Дмитриев
вместе с женой
и дочерью*

Илья Захаров с артистками

Александр Евтихеев, Юрий Сан, Афалек Энтипе

*Олег Захаров,
Олег Викторов,
Алёна Иванова*

XVI

Впереди во втором ряду освободились места. Не выдержали мужики такую жару — пошли пить холодную воду.

Сверху спустился Матур, занял свободное место, расположился поудобнее, чтобы хорошенько видеть этот ринг.

Заметила тетя Зина его присутствие сзади них, повернула голову, обратилась к нему с большой радостью:

— Знакомься с моими детьми. Рядом со мной дочка, живет в Изамбаево, другая, что посветлей, работает в школе директором в Янтиково, нам с Ананием в радость. Живет младший Миша со снохой у нас, остальные все живут в Чебоксарах, начиная со старшего сына Ильи подполковника, конечно, кроме Олега, который проживает в Москве.

— Вы должны гордиться своими детьми. Просто молодцы — ничего не скажешь!

— Рада не знаю как. Если бы знала, еще нарожала побольше!

С довольной улыбкой обвела всех своих чад:

— Само собой, в этом вопросе нет у меня слов.

Прижала с одной стороны Мишу, а с другой — дочь. Очень довольная тетя Зина смотрела на ринг.

XVII

Вначале вышли молодые, им было где-то около 14 лет. Показали интересный бокс, особенно активно махали перчатками ребята. С таким азартом наблюдали зрители, поддерживали криком со своих мест. Они еще пуще работали руками. Этим выступлением подрастающего поколения весь народ остался доволен.

Вышли асы, с припущенными бровями, на площадку. Один из зрителей прямо с места в приветствие крикнул:

— Вот пошли волки, настоящие жеваные, взгляды победителей!

Кто успел услышать эту реплику «покатились» от смеха.

Первым на ринг ступил Александр Галкин, чемпион Чувашии. За ним Загиров Дебиром из Чеченской Республики, участник чемпионата России. Сошлись, начался бой. Прошла одна минута двадцать секунд. По баллам впереди был Александр Галкин, но ему хотелось быстрее завоевать эту

встречу. Галкин Александр активной начал наступать, о своей защите совсем забыл. Накинулся Галкин на Загирова, получилось так паршиво. Сам же Галкин попал в ловушку, получил прямой удар в нос. Хлынула кровь. Остановили бой. Прибежали медики, дали вату с нашатырем понюхать, чем-то помазали, вроде остановилась кровь. Судья дал команду снова начать драться. Как по закону подлости, опять получил по больному месту Галкин. Прекратили бой. Уже совсем было не приостановить эту кровь. Дальше продолжить бой не мог. Отдали победу Загирову без всяких слов.

Дальше пошла пара — белорус и москвич. Проиграл белорус, был менее активен в этом бою.

Между паузами играла музыка. В этот момент выходили девочки в купальниках, очень красивые, стройные, на вид как куклы. Над собой держали плакаты с номерками.

XVIII

Солнце успело перевалиться давно на западную сторону. Все равно еще яркий свет грел трибуну. Было интересно, притом ни малейшего ветерка. Получалось как на сковородке: разогрелось внизу, и сверху такая жара. Из своих карманов люди повытаскивали платки, мочили водой. Некоторые поливали водой свои головы, спасаясь от горячих лучей.

Не могла спокойно сидеть на одном месте и тетя Зина, то и дело поворачивалась по сторонам. За то время, пока шло соревнование, несколько раз уже она поправила свой белый платок, вышитый узорчатым чувашским орнаментом: то спустит на лоб, то поднимет наверх.

Вздыхнула тяжело, больше не хватило терпения сидеть на этом месте. Топнула ногой, вся возбужденная:

— Ой, больше нет терпения париться на солнышке, в этом пекле.

— Видел сам несколько раз, как в колхозном поле женщины работали, не разгибая спины, не выпуская мотыги, притом, — все рассказывала тетя Нина, — чтобы богател колхоз «Победа».

— Притом в то время была намного моложе, и у нас всегда на открытом месте находились посеы свеклы, продавало со стороны реки Булы.

— В этом плане вы правы: всегда веяло оттуда снизу от воды.

— Правильно, что вспомнили про свою тетю Нину. Ох, какая она была боевая женщина, притом бригадирша.

— Помню ее. С характером! Но быстро отходила.

— Мы с ней, работая в колхозе, столько всего перелопатили.

Тетя Зина кивнула несколько раз, вспоминая свое прошлое.

— Жаль, конечно, одно: прожила одна, без детей, на этом свете.

— Зато жила в одном доме, воспитала двоюродных очень строго, начиная смотреть за ними с малых лет.

Оба замолчали, думая каждый о своем.

— Ничего не поделаешь, если выдался такой очень жаркий день.

— Наверно, я пойду туда, где сидели мы с вами внутри помещения.

— А там же ничего не видно, нет обзора ринга.

— В таком нервозном состоянии от жары больше не могу находиться здесь.

Переговорила со своими детьми, те согласно кивнули. Встала со своего места тетя Зина, самостоятельно спустилась вниз по каменной лестнице.

XIX

В это время подошел Захаров Миша, очень возбужденный:

— Вначале не знал. Увидел своего знакомого. Оказывается, там наверху собираются яльчикские ребята. Пойдем к ним, Матур?

— Всегда готов общаться, знакомиться с людьми с большим удовольствием.

— И меня очень устраивает такой расклад.

— Еще больше расширится круг общения.

Моментально встал на ноги Матур, бегом последовал за Мишей по ступенькам.

Заметил издали самого высокого — Чермакова Сергея из Изамабаево. Он облокотился на изгородь. С ним еще не-

сколько парней из Яльчиковского района. Рядом на верхних двух рядах расположились все яльчикские.

С ходу подошел Чермаков Сергей, чуть ли не в объятья:

— Свои люди. Надо же, здесь откуда ни возьмись появился наш Матур!

— А вас тут сколько собралось! Увидев такое скопление, душа радуется!

Матур протягивал руку, здоровался со всеми. Старался каждому пожать руку очень крепко, с невероятной радостью. И улыбка не сходила с лица. Перекинуться хотя бы словом с каждым человеком старался Матур:

— Рад видеть вас со всеми вместе, парни.

Выскочил в середину такой малый и шустрый, невысокого роста, по мужским меркам был красив:

— Сегодня собрался приехать сюда в Кугеси. И на автовокзале приключилось такое.

Поправив свой чуб, поглаживая ладошкой несколько раз:

— Подъехала маршрутка. Мы с другом — шмыг, заняли место.

Несколько раз прокашлял в руку, вытер платком губы. Взяв у ребят бутылку минералки, глотнув несколько раз:

— Подходит молодая пара, просунув свою голову в дверь и спрашивают:

— Куда едет газель, по какому маршруту?

Ему я в ответ:

— Через Ибреси, прямо в Кугеси.

— А далеко находятся Ибреси?

— За сотню километров отсюда.

— Мне сказали, что Кугеси рядом с Чебоксарами. Надо же, как далеко. Боже мой!

Развернулись они, пошли обратно. Находившиеся в маршрутке пассажиры «покатились» от смеха, не смолкая несколько минут. Смеялся весь салон.

Немного сделался серьезным рассказчик:

— Услышали за собой хохот и вернулись.

— Что ты хамишь, не можешь ответить нормально?

Сжав свои кулаки с места крикнул его друг:

— Ты когда-нибудь получишь за свои приколы!

— Жить однообразно, однотонно мне очень скучно.

Перекинулись мужики на другую тему. Наговорившись, Матур спустился вниз к семейке Захаровых. Здесь было невозможно находиться в одном расположении.

XX

По микрофону объявили 20-минутный перерыв. Все ринулись с большой радостью в одну сторону.

Матур решил посмотреть, не сидит ли там тетя Зина.

У центральных дверей, куда входили во внутрь этой трибуны, столкнулись чуть ли не лбами с Угасловым.

— Надо же, даже не думал здесь встретить Вас, Угаслов!

— Наверно тоже люблю посмотреть на зрелище!

— Почему же тайными путями от людских глаз?

— Надоели некоторые, со своей спонсорской помощью лезут, не вмещается ни в какие рамки!

Прямо на глазах весь переменялся:

— Что я, печатаю деньги, что ли? Их надо зарабатывать!

— Видно, тебя доконали до конца!

— Особенно женщины. Им тяжело отказывать.

Зыркнул по сторонам, побежал совсем в другую сторону от людей.

Удивленно покачивая головой Матур, последовал по своему маршруту. У самой изгороди встретил Николая Столярова, очень хорошего знакомого. Поднимался с низов, с продажи меда. Его фирма «Нектар». Его отцу Аркадьевичу было 79 лет, все еще работал, держал улей в Карабай-Шемурше, снабжал своих детей медом.

Удивительно было с его стороны: как некоторые не халпал, не воровал у государства. Честным трудом зарабатывал со своими братьями. Начинал с малого, постепенно. Взяли в аренду магазин под продажу запчастей. Сам построил новую торговую точку в городе по улице Б. Хмельницкого. От него веяло доброй энергетикой, он улыбался. Моментально располагал к себе, радовал человека.

— И ты здесь, Матур! Как замечательно получилось увидеть тебя!

— Тем более мне, повстречав близкое лицо.

— Теперь, Матур, куда же держишь путь?

— Как все, в одну сторону. В горле пересохло от такой жары, хочется промочить горло чем-нибудь.

— Заодно пройду с тобой за компанию.

— Вдвойне радостно общаться нормально!

Посмотрев прямо:

— Если бы у нас нашлось хотя бы человек 50, болеющих за свой народ, как ты, то наша республика процветала и богатела бы.

В ответ просто улыбнулся, его глаза посветлели, доброта передавалась другому собеседнику. Вместе вышли за ворота на большую площадку. Прямо тут стояло несколько юношей. Слегка так кулачком в бок, любя, Столяров:

— Глянь, это мои сыновья. Их двое!

Пальцем показал, которые из них, на высоких стройных ребят.

— Смотри-ка, Столяров, сам невысокого роста, а они почти на голову обогнали тебя, добрые молодцы!

— Современные дети всегда тянутся ввысь, перегоняют своих родителей.

— Мой тоже сын на целых 10 см выше меня.

— Давай-ка не будем мешать молодежи, пускай сами общаются между собой. У них свои заботы, взгляды другие.

Направились к разноцветным палаткам, где толпился народ, парясь на солнце.

Люди занимали очередь со всех сторон за прохладительными напитками.

— Пойдем, Матур, вон туда, где стоит холодильник. Наверняка можно взять попрохладней.

— Правильно мыслишь, Столяров, недаром ведешь умно свои дела в торговле.

Моментально улыбнулся Николай Столяров. Посмотрели друг на друга и успокоились. Хотелось подойти поближе к продавцу и встать, но оказались самыми последними. В ухо шепнул Матур, озираясь, чтобы не слышали другие:

— Не лучше ли нам пойти в магазин? Тут наверняка не успевают остывать эти бутылки, а там, кажется, наверняка холодная минералка, да еще народу поменьше окажется.

— Дело говоришь, Матур. Согласен с тобой полностью, на все сто процентов.

Направились к зданию. Оказывается, стояла на территории церкви торговая точка.

— Это поставил Кудрявцев Геннадий, сам-то он из Ибресей.

— Все ты знаешь, Матур. Даже удивительно.

— Строить рядом каменную церковь сильно помогает глава Анатолий Пантелеймонович.

— А эту деревянную куда денут?

— Вот уж этого не знаю.

Разговаривая между собой, зашли во внутрь. И здесь народу было не меньше, чем на улице, толкались у прилавка.

— Что ты думал, Матур, мудрее всех? Оказывается, тоже есть люди умнее нас.

— Если попали сюда, теперь нечего дергаться, надо брать. А то действительно пробегаем туда-сюда, только потеряем уйму времени.

— Может ты и прав, больше ни слова.

К удивлению, быстро продвигалась длинная очередь. Девочки быстро обслуживали клиентов, успевали считать деньги. Стоял Матур, просматривая витрины, думая, что приобрести. Остановил свой взгляд на простой минеральной воде за 15 рублей. Закончив свой разговор с каким-то мужчиной, Столяров Николай встал рядышком, указательным пальцем ткнул прямо:

— Предложение такое: возьмем вон тот напиток. Он с чаем, хорошо утоляет жажду, за 56 рублей.

— От этого предложения я не против.

— Одно только не забудь — взять одноразовые стаканы.

Взяв литровую бутылку, вышли на улицу. Отойдя немного, остановились прямо напротив церкви. Выпили с ходу по одному стакану.

— Смотри-ка, очень холодный, даже ломит зубы от боли.

— Ничего, потихоньку, помаленьку успеешь оприходовать всю эту емкость.

Даже держать было не в состоянии, потому приходилось с руки на руку перекидывать.

— Недавно пригласил Кудрявцева Николая к себе домой, и мы послушали твои песни чувашские на магнитофоне. За душу берет, внутри все выворачивает наружу.

— Это всего лишь первый. Сейчас вместе с композитором Жуковым записываем третий.

— Делаешь ты, Николай, от всей души, потому всем нравится.

— Плохо делать не привык в своей жизни.

— Одно хочу сказать: если человек талантлив, этого у него не отнять!

— Хочется делать добро, оставить после себя хорошее имя.

— Смотрю, у тебя, Николай, получается шикарней, чем ты думаешь о себе.

Народ возвращался обратно, последовали за ним.

— Меня все время удивляет: как ни посмотришь, одни яльчикские богатыри чувашские.

— Могу сказать так: это гены. Еще идет со старых времен. Когда-то стояла крепость Большая Таяба. В ней жили князья. Охраняли богатыри свое жилище.

Разговаривая, зашли на стадион, тихонько шагая, прислушиваясь друг к другу очень внимательно.

Увидел Матур скамейку возле стены, как раз под тенью. Сидела одна белокурая женщина, которая своими песнями чувашским открывала соревнования.

— Видишь месторасположение? Пойдем туда. Будет в самый раз.

— Расположился там наверху, да притом со мной рядом самые близкие люди.

— Мое дело предложить, а твое — отказать.

Пошел по лестнице Столяров Николай наверх, то и дело здороваясь с людьми на своем пути. Оказывается, очень много было у него знакомых, даже на удивление.

XXI

Решил пройтись немного Матур, размять еще свои ноги перед началом. Выскочил Захаров Олег из дверей, чуть было не сшиб на пути Матура. Шмыгнул прямо за территорию стадиона. Ничего не понимая, Матур удивленно пожал плечами в догадках, что с ним случилось. Прошел мимо женщин, стоявших в одном кругу. Они громко говорили, что было слышно и ясно доходило до ушей Матура.

— Надо же, попался Диомидов Павлик прямо в лапы гаишникам на перекрестке.

Передернуло всего Матура, развернулся к ним, смотря в упор:

— Скажите, причем тут Захаров Олег? Не скорая помощь — всех жалеть и вытаскивать!

Фыркнула своими тонкими губами женщина. Другая совсем изволила высказаться с таким пренебрежением:

— Побежал выручать Диомидова Павлика, вытаскивать оттуда.

Развернувшись, Матур бегом, сколько есть силы, последовал за Захаровым Олегом. Хотелось догнать, с ним хотя бы присутствовать или чем-нибудь помочь. Но там вдали уже и след простыл в этой толпе. После этих слов женщин как-то стало не по себе, неприятно в душе у Матура.

XXII

Заканчивался второй этап борьбы между финалистами, самый интересный момент у них. Напоследок вышла сильная пара - яльчикский Дмитриев Гена из Чувашии с Загировым Дебиромом из Чечни. Народ собрался посмотреть на сильнейших из всех. Неожиданно было для всех, что так быстро закончился бой. Дмитриев уложил своего противника Загирова за 45 секунд. И все, конец этого раунда. От радости невероятной заскочил Захаров Олег, взяв резко за пояс Дмитриева, кинул на мат его, по-свойски, любя. Взорвался весь стадион, зрители вскочили со своих мест, хлопали, свистели, кричали от радости невероятной. Нескончаемое было тогда ликование. Дружеские объятия, притом улыбки у всех, на кого не посмотришь.

Народ не хотел отпускать своих яльчикских героев. Стояли Дмитриев и Захаров. Гордились люди своими земляками.

Особенно был горд Анатолий Князев за своего деревенского богатыря из Лаш-Таябы, в одной школе учились. Вручил за первое место конверт — 20 тысяч рублей Дмитриеву Геннадию.

— Как рад за своего односельчанина лаш-таябинского парня, даже когда говорю, голос мой дрожит от волнения.

Скромно стоит Дмитриев Геннадий, улыбнулся ему в ответ:

— Меня родная чувашская земля поддержала.

Оба улыбнулись, прижались крепко по-мужски, по-свойски. За второе место — 15 тысяч рублей Загирову Дебирому. Третье место досталось борцу из Республики Дагестан — Нармагаеву Шамилю 10 тысяч рублей. Конец самого приятного мероприятия — боев без правил на этом стадионе.

XXIII

Навстречу идет Романов Альберт, в руках держит две коробки сока, а в подмышке — кейс. Чувствовались одни мускулы, настоящий мужчина выглядел в самом расцвете сил. По-свойски махнул рукой, с улыбкой доброй:

— Привет, Матур. Куда-то торопишься?

— Да нет. Пока маленький перерыв, хотелось пройтись.

— Тоже, смотрю, встретиться хочется со своими земляками, поговорить.

— Вижу, тебе, Альберт, тоже нет покоя, что даже из Москвы приехал сюда.

— А ты как думал! Надо земляка Захарова Олега поддержать, если надо, финансами и морально, если нужно сделать вовремя.

— Ты такой оригинальный в этом вопросе, Альберт.

Посмотрел на него сверху донизу, оценивая взглядом. Стоял перед Матуром плотный человек, изамбаевский богатырь Альберт. К нему с таким уважением, сам стараясь узнать побольше.

— А ты ведь, Альберт, занимался рукопашным боем у тренера Ильина?

— Было такое, не спорю с тобой.

Довольный такой, трясся весь от смеха.

Невзначай резко к нему:

— Будешь клюквенный сок, Матур?

— Нальешь — не откажусь, притом в такую жару много жидкости хочется пить.

Матур, рассматривая на упаковке красные ягоды:

— В первый раз вижу клюквенный сок, да еще на удивление в бумажной упаковке.

— Надо знать места, где брать!

— Никакого секрета нет. Наверно, прямо из Москвы везешь?

— У тебя голова, Матур, хорошо соображает.

— В этом ума много не надо. Если у нас не делают, значит — привозной.

Альберт, повертев пустую коробку с руки на руку, смотрел, куда ее бросить. Оказалась перед самым носом урна для мусора.

Более деловым видом Альберт обратился к нему:

— Хочется одного: собраться вместе со всеми изамбаевскими.

— Где, например, предлагаешь, Альберт?

— Думаю, вот нам неплохо бы собраться тут рядом, в клубе кугесинском.

— Слишком большое помещение только для нас, изамбаевских.

— Да ты неправильно понял меня, Матур. Там, наверняка будут все участники боев без правил, гости, конечно, организаторы, глава Чебоксарской администрации Анатолий Князев.

— Видишь, сколько народу соберется там.

— А мы, изамбаевские, вместе в одном углу.

— Теперь тебя прекрасно понял, Альберт. Очень хорошее предложение. Да, я не против. Обеими руками за общение.

Хмыкнул радостно Матур, появилась улыбка, даже на щеке ямочка.

— Даже будет шикарно поговорить со своими, очень приятно.

Повернули ко входу в спортзал, сразу же оказались внутри помещения, в коридоре. Прямо здесь наткнулись на трех стоящих симпатичных девочек, которые выходили в нижнем белье, держа над головой таблички с номером следующего раунда.

Сейчас девочки выглядели совсем по-другому: в легких разноцветных платьях, по-своему еще более привлекательно.

Слегка кивнул головой Альберт:

— Сейчас, минуточку, Матур, подожди немного, если тебя не затруднит.

— Это твое дело молодое, как хочешь, так и поступай.

В миг оказался Альберт рядышком с ними. Что-то сказал Альберт девушкам, они улыбнулись, с интересом смотрели на него. И у них завязался свой разговор, девочки успевали стрелять глазами в его сторону. Сами девочки стеснялись, опускали глаза вниз.

С левой стороны коридора показался Васильев Виталий, успел скинуть желтую футболку с надписью «Судья». Видно было по нему, что успел помыться в душе — лицо его блесело от чистоты.

— Видишь, какие ребята яльчикские! Им только подавай первое место, ни на какое другое не согласны.

— И надо же — одержал победу Дмитриев из Лаш-Таябы.

— Давай же выпьем за наших яльчикских! Не оскудела земля Чувашская силачами.

С ходу налил ему в стакан клюквенного соку. Тот, не раздумывая, сразу опрокинул его.

— Надо же, какой вкусный. На ходу утоляет жажду.

Неожиданно Альберт вытянул шею в сторону — кого-то заметил. Наверно, знакомого человека.

— Сейчас подойду сюда, Матур, прошу, не теряйся из виду.

Пулей выскочил Альберт наружу, на стадион.

Девочек увезли на микроавтобусе с затонированными стеклами. Куда-то незаметно смылся Виталий Васильев. Матур остался один стоять по середине этого вестибюля.

Отвлекло его появление Захарова Ильи, дышащего тяжело в такой духоте.

— Где Романов Альберт? Ищу, не могу найти. Витя Васильев сказал, что в этом районе находится должен.

— Да, обещался подойти. Все его нет.

— Надо было срочно решить один вопрос с ним.

Повертев головой по сторонам, Илья:

— Примерно в каком направлении ушел Альберт?

— Вылетел на стадион, с каким-то мужчиной пошли в левую сторону.

Про себя подумал Матур: «Срочно понадобятся финансы для вливания в банкет». Постоял немного Матур. Мимо него проходили люди, но ни одного знакомого человека.

Медленно шагая, вышел на стадион, на ту же прежнюю скамейку. Устроился теперь очень удобно. От солнечных лучей укрывал этот эстрадный шатер.

XXIV

На сцене появился вокально-инструментальный ансамбль, где у них все было приготовлено заранее, подключено к аппарату-усилителю. Взяв гитару, руководитель группы «Советские ребята»:

— Кугесинцам просто завидую белой завистью. Всего лишь поселок чувашский, а как все шикарно организовано, просто на удивление проходит все очень гладко. Вижу такое впервые в своей жизни.

И начал на соло-гитаре вести:

— Люди встречаются, люди влюбляются...

Семидесятых годов, брала за душу ностальгия о прошедших временах. Поэтому не выдержали, все зрители хором поддержали:

— В свой вагон вошла она, улыбнулась из окна...

Пели такие песни мелодичные, затрагивало у всех сердца. Из-за угла трибуны, с левой стороны главных ворот, показалась тетя Зина. Показывал мимикой Матур, она не поняла — пришлось махать рукой несколько раз. Наконец заметила этот жест, довольная вся, она подошла к нему.

— У меня не хватает терпения сидеть на этой трибуне под палящим солнцем.

Вздохнула тяжело несколько раз, как будто ей в наказание.

— Пойду туда во внутрь, где мы с вами находились до всего этого.

— Зачем уходить, тетя Зина? Пожалуйста, присаживайтесь со мной рядом. Видите, здесь тень.

— Ты, Матур, хорошо придумал здесь устроиться. Давно надо было это сделать.

— Вы же сами: хочу находиться вместе с детьми, места занял Миша.

— И что? Мог бы предложить сразу сюда.

— Думал, обидитесь на меня за такое предложение.

— Хватит глупости пороть. Мы за все время ни одного глупого слова не сказали.

— В этом правы, с вами не спорю.

Вскочил Матур, уступил место тете Зине. А сам устроился с другой стороны, с краешка, куда еще немного проходили яркие лучи.

— Мы со свсним сыном Мишей поели шашлыки, прямо на улице. Но что удивительно, оказались очень вкусные, мягкие. Обычно ешь на дорогах — попадают а ж сырые, приходится долго жевать.

Со всеми вместе тетя Зина хлопала в ладоши, припевала по-своему.

Подъехала инвалидная коляска, в ней находился мужчина с большими усами. Увидел такое Матур: его толкал знакомый из Малой Таябы Морозов Лева, заслуженный деятель искусства Чувашской Республики, замечательно игравший на гармошке, а также на баяне.

— Ба! Надо же, какие знакомые люди!

Чуть ли не в объятия с ним, но все равно Морозов Лева похлопал по плечу, приветствуя.

Посмотрел с сожалением. Всегда вызывало тревогу внутри за человека в таком состоянии.

— Интересно, Лева, кто это у тебя будет?

— Брат мой родной. Ему тоже хочется посмотреть на все это представление. А как узнал, что победил парень из Лаш-Таябы, невозможно было удержать его.

— Надо было пораньше сюда придти.

— Поздно узнали об этом, сейчас просто рвался.

За ним следовала женщина, похожа была на двоюродную сестренку Матура, которая жила в Изамбаево.

— Познакомься, это моя самая старшая сестра.

— Хорошо это получается, когда вместе собирается вся родня.

— Об этом нет слов. Говоришь, Матур! Когда встречаю своих вместе, и душа на месте.

— Прошу присесть на мое место, рядом с тетей Зиной.

— Что вы! Неудобно получается: выживаю вас с насиженного места!

— Знаете, здесь все свои. Нечего стесняться!

Смотрели на сцену, как пели «Советские ребята». Тем временем женщины нашли общий язык, болтали всюю, а

уши в сторону сцены. А мужики только слушали песни. Не заметили, как закончился концерт. Отдохнули с большим удовольствием.

Все встали, пошли в сторону главного входа.

Рядом шли два мужика. Один из них, что постарше, говорит:

— Какой все-таки молодец Анатолий Пантелеймонович — организовал такой праздник для всех — диву даешься.

— А ты посмотри на него: открытое лицо. Видать, добрый Анатолий Князев.

— Потому некоторые пользуются этим, тянут его в нехорошую сторону.

— Чего нам судить. Голова у него на плечах, пока плохо про Анатолия Пантелеймоновича не слышал.

Обсуждая, направились к своим машинам.

XXV

Но Матур даже не думал об этом. Направился в сторону помещения, думая о своем.

Здесь в вестибюле заметил Дмитриева Гену, занявшего первое место в боях без правил, молодца из Лац-Таябы. С такой своей открытостью, от души:

— Все-таки как ни говори, самородок яльчикский. Просто на удивление вырастают феномены, настоящие богатыри.

— Не только нужна сила, но необыкновенное упорство над собой.

— Это могут чувашки, наш народ очень трудолюбивый. Это редкий дар.

— В этом прав, потому без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Еще раз крепко сжал его руку. Очень было приятно ощущать сильные его пальцы.

— Хочу подарить свою книгу на память чувашскому богатырю.

Быстренько вытащил из своей сумки книгу. Было написано на чувашском языке «Родня», сходу вручил Дмитриеву Гене.

— Я-то думал — вообще больше не печатаются книги на родном языке.

Сам Дмитриев Гена с уважением внимательно рассматривал книгу.

— А почему без автографа, Матур?

— О чем может быть разговор? Мне намного приятней! Сейчас, минуточку, будет все сделано!

Перелистав обложку, прямо на первом листе чиркнул пару слов: «Гене — победителю от автора».

— Одно хочется знать: как в настоящее время выпускаются книги?

— Очень тяжело приходится: на свои финансы печатать, а потом самому продавать.

— Самое главное забыл — надо иметь ум, чтобы написать.

— В этом деле тоже как у тебя упорство в борьбе.

— Смотрю я, у тебя одиннадцатая книга. Значит, любит тебя Бог в твоём творчестве.

— Хочется сказать про твоего односельчанина Василия Сидорова-Эктеля. Рано ушел, еще много бы своих произведений успел выпустить на свет. Земля будет ему пухом. Лежит на кладбище со своими в родном селе.

— Приезжал в Лаш-Таябу, была встреча с Эктелем, в нашей школе писатель гордо звучал на слуху.

— Он еще успел при Советском Союзе напечатать книги в издательстве. Тогда на эти деньги можно было купить машину Жигули.

— А почему не сдаешь в книжные магазины?

— Знаешь, там берут 35% от продажи, значит выпускать книги получается бесплатно.

— Лишь теперь становится понятно, что тебе приходится мучиться.

Залез в свой карман, оттуда вытащил сотню:

— Это тебе, за твой невероятный труд.

— Да не надо было этого делать. Просто хотел сделать подарок победителю.

— Сегодня же я получил за свой выход 20 тысяч рублей, а ты будешь раздавать бесплатно. Так не годится. С чем останешься? А тебе тоже надо жить.

Молча Матур взял, больше не стал отнекиваться.

— Каждый человек должен быть поощрен за свою работу.

— В этом, конечно, ты прав. С тобой больше на спорю.

— А твою книгу на досуге обязательно прочитаю.

В миг подбежали к нему знакомые яльчикские люди. Среди них оказалась девушка, лейтенант милиции. Не дали дальше с ним спокойно поговорить.

XXVI

Дальше ступал по горячему асфальту в сторону выхода. Матур не успел оказаться за воротами, как натолкнулся на Столярова Николая. Вместо костюма на нем, заметил он, было спортивное трико, прибежал весь запыхавшийся.

— Пока все выходили со стадиона, я успел сходить домой, переодеться и сделать круг пробежки.

— Знаю прекрасно, какой ты неординарный человек, при том очень талантливый.

Довольный собой Столяров слегка улыбнулся. Аккуратно указательным пальцем провел по лбу. Несколько капель прямо скатились на землю.

— Сам с братьями продвигался. Упорством, старанием создавал свой бизнес.

Подшли к ним двое мужчин примерно его возраста. Видно, знакомые близкие. Запросто завели речь о своем. Понял момент Матур, да и не хотелось слушать чужой разговор. Чувствовал себя неудобно, не в своей тарелке.

XXVII

Издавдалека Матур заметил Романова Валеру, расположившегося между двумя микроавтобусами иностранного производства одного завода, белого и синего. Вежливо ладошкой позвал к себе:

— Подходи сюда, только не мимо, и без всяких стеснений. Не вздумай другого делать.

Сам Романов Валера с доброй улыбкой по-свойски располагал к себе. При виде его, успокаивалось внутри.

— Чего такое творится у вас тут, Валера?

— Собрался тут наш изамбаевский народ.

Только сейчас заметил Матур: в белой машине открыта средняя дверь. Оттуда были слышны веселые голоса. Особенно звонко разносился голос тети Зины.

Прямо тут на улице вовсю разливали водку «Хамар Ял». Выделялся Чермаков Сергей. Здесь без всяких стеснений общались очень громко, больше никого не замечая вокруг себя.

— Гуляет Изамбаево наше вовсю.

Высунулась голова в окошко автомобиля.

— Че, только ваша деревня? И наше село Янтиково.

— Значит, все яльчикские празднуют.

Стоять было неудобно Матуру, прямо был рядом. Отошел в сторону, к бамперу машины. Это заметил Романов Валера, тоже направился с ним.

— Что-то не вижу твоего брата Альберта?

— У них свои дела с Захаровым Олегом.

— Скажи, пожалуйста, одно, Валера, сам Альберт участвовал в каких-нибудь соревнованиях?

— Само собой! Чемпион по Приволжскому военному округу по рукопашному бою.

Немного сузив глаза, Валера смотрел на Матура:

— Почему спрашиваешь про него?

— Смотрю, крепкий парень, притом мускулистый.

— С этим спортом Альберт давно связан.

— Сегодня только спросил, занимался ли он у тренера Ильина.

— Случайно там не икает Альберт, вспоминаем его.

Оба улыбнулись, поняли с полуслова друг друга.

XXVII

В сторонке стояла у Валеры жена Наташа — веселая, задорная. Ее голос на слух был приятен, тембр чувашского языка. С ней еще знакомая женщина Надя Жирнова — болтали о чем-то своем или смеялись вовсю. К их компании еще подошел мужчина, успевший где-то загореть.

— Баринов Славик из Кушке, по-русски скажешь Куликеево, некоторые люди даже не знают этого названия.

— Мой сосед тоже Баринов Коля, а его жена Рая.

— Это мой брат двоюродный.

А сам Баринов Слава в тот момент повернулся к женщинам, обратился к Наташе Романовой:

— Вас, Наташа, видел на свадьбе у своего друга.

— Этого не может быть. Наверно, с какой-то девушкой спутал, — четко, без запинки ответила Наташа Романова.

И в момент у них развязался разговор.

Баринов Слава начал перечислять своих молодых знакомых, которые были на этой гулянке. Со стороны с большим интересом наблюдал Романов Валера с такой легкой улыбкой.

XXVIII

Матур обратился к Романову Валере:

— Случайно ты не в курсе, что случилось с моим братишкой троюродным Диомидовым Павликом?

— Все нормально, без всяких последствий.

— Ну слава Богу, если так получилось.

— Знал ли ты, что мы с Павликом кумовья?

— Конечно нет, но теперь буду знать — близкие друзья.

Незаметно к ним подошел мужчина. Очень был похож на старшего брата матери Никандра, на его сына Володю. Хотя прекрасно знал Матур, что Володя живет в Москве, недалеко от метро Коломенское, примерно в 500 шагах до его дома.

Валера подвел за руку к нему:

— Знакомься. Вот твой однофамилец — Жирнов Саша.

— Интересно. Хочется знать, кто твой отец?

— Знают все, если скажешь, бывший секретарь парткома.

— Значит, получается мы с тобой братья, Саша Жирнов.

— И надо же! Живем в одном городе и не знаем своих родственников на этом свете.

— Раньше как-то бывало собирались на праздниках, на свадьбах, а сейчас стали как чужие. Живем рядом, редко видимся — нам не простительно.

— В этом ты прав, Матур, нисколько с тобой не спорю.

Переглянулись между собой. Без слов все поняли прекрасно.

— Поговорил с тобой, сразу стало как-то намного легче в душе.

— Все время мне про тебя, Матур, говорит Валера из Старой Тойси Батыревского района.

— Знаю я его прекрасно, живем в одном доме. Он еще учился с моим братом двоюродным — Беззубовым Олегом.

Довольный такой, Матур задвигался на одном месте:

— Надо же, вот наконец-то встретились с тобой, Саша.

У обоих радостно загорелись глаза в этот миг.

— Отец твой живой что ли, Саша?

— Нет, умер несколько лет тому назад.

— Жаль. Видишь, даже не знал об этом.

— Общаемся так со своими близкими людьми изредка.

— Видел в последний раз в Бай-Батырево твоего отца. Ездил тогда к своему двоюродному брату Николаю Спиридонову, в тот раз он гостил у Львовых.

— Есть такие люди в нашей родне через матушку.

— В то время и встретились с твоим отцом и Львовым. Вместе втроем гуляли по дороге, все никак не могли наговориться.

С легкостью вспоминал о прошлом, с таким настроением Матур:

— В то время не чувствовалась усталость. Прошагали, наверно, несколько километров туда-сюда по улице Бай-Батырева, с интересом разговаривая.

Посмотрел Матур теперь грустными глазами на Жирнова Сашу. Пересохло во рту, кашлянул несколько раз и тихо проговорил:

— Очень жаль, Саша, твоего отца. Толковый был человек.

Веселый такой примкнул к ним Чермаков Сергей. В этот раз стал угощать коньяком Жирнова Сашу. А про себя повторял Чермаков Сергей одни и те же слова, покрикивал:

— Гуляют сегодня Яльчики! Неимоверно радостный день.

Сам Чермаков Сергей дальше продолжал с другим одно-разовым стаканом обходить людей:

— Матур, выпей за нашу встречу, а то я за рулем!

— И мне больно-то не хочется пить, притом в такую жару.

— Ради нашего рода, всего лишь с братишкой.

— Если так, то можно символично.

В этом стакане было где-то граммов тридцать. Одним глотком опустошил до дна.

XXIX

– Саня, дети у тебя есть?

– Конечно, обижаешь, брат.

Посмотрел на него с гордостью.

– Сын у меня Павел, 1999 года рождения.

– Чем он занимается?

– Живу в Новочебоксарске. Повезло мне, что рядом находится дворец спорта. Повел его туда. С шести лет стоит на коньках.

– Надолго ли хватило у него терпения заниматься спортом.

– Тьфу-тьфу-тьфу. Дай Бог, занимается уже 5 лет во дворце спорта «Сокол».

– Напорством похож на Жирновых, из него получится толковый игрок. Участвует во многих турнирах и чемпионатах.

Более веселым тоном, захватывающим:

– Сам уже заболел этим хоккеем, не пропускаю ни один матч. Чтобы было в дальнейшем все хорошо, чем могу, тем помогаю.

Посмотрел Александр Жирнов куда-то вдаль, сказал более спокойным голосом:

– Есть у меня одно желание – перевести Павлика в клуб «Торнадо», пока всего лишь идут переговоры.

– А что, в Новочебоксарске не нравится?

– Почему? Тут все отлично, но там играют знаменитые команды Высшей лиги, наберется больше опыта, заодно мастерства.

– Исполнились бы твои мечты в реальности – только этого тебе желаю, братишка.

Переглянулись между собой с добротой в глазах.

XXX

Со стороны стадиона примкнул сюда Захаров Олег вместе с Дмитриевым Геней, победителем сегодняшнего дня. Радостные такие, с их лиц не сходила улыбка. Поздравляли их, каждый старался пожать руку с большим удовольствием.

– Держите свою марку, молодцы, ребята!

Спокойные оба молча принимали пожелания. Постепенно продвигались к машине, заглянули оба в дверь, во внутрь. О чем-то разговаривал возбужденным тоном со своей родней Захаров Олег. Рядом стоявший Дмитриев Гена поддакивал. Сам все отказывался от угощения, пригубил только, рюмку отдал, уважив их. Здесь не стали задерживаться Захаров Олег и Дмитриев Гена. На прощание помахали руками, после этого оба куда-то заторопились в сторону центра Кугесь.

Рядом стоявший Романов Володя тоже заторопился:
— Надо ехать на своем микроавтобусе, проводить артистов из Москвы, ансамбль «Советские ребята».

Виден был аккуратный автомобиль Фольксваген, сидений оказалось на 12 мест.

— Смотрю, твоя машина, Романов Володя, а там у тебя всю гуляют.

Показал рукой на другой автомобиль:

— Да нет, вон мой стоит, такой же марки синего цвета.

— В прошлый раз видел в Изамбаево у дома твоих родителей такой же, приезжал на Симек.

— Это же техника не моя, а из соседнего села Янтиково, у учителя физкультуры Баранова.

— Тогда же на чем приезжали, скажи на милость, Володя?

— Есть такой же у брата Валеры, вот на нем были в Изамбаево.

— Спроси у него — стоит рядом Валера.

Сам Романов Володя запрыгнул в кабину, сходу завелся. Вырулив, Романов Володя выехал на дорогу в центр.

Неподалеку находившийся Романов Валера слышал весь разговор с его братишкой.

— Мой автомобиль стоит на стоянке в Чебоксарах.

— Теперь мне становится все понятно в этом деле.

Удивленно Матур, успокоившись наконец, перевел свой разговор:

— Нечего этим поражаться. У нас в семье 15 детей.

— Об этом слышал от жителей Изамбаево.

— Сам я на улице Хевешской держу небольшой магазин «Еврозапчасти».

— Оказывается, ты, Валера, не такой простой, как я думал, а головастый мужик.

— Фольксваген — самая дешевая машина, а качество отличное.

— Вон, оказывается, в чем причина иметь такой марки машину.

— И вся родня, и друзья, и земляки — им стараются сделать подешевле.

Стоял Жирнов Саша, внимательно слушал.

С одной стороны Слава втянулся в разговор с женщинами, спорил, доказывал им свое. Около машины Чермаков Сергей общался через проход двери с семейством Захаровых. Только тут в сторонке разговаривали мужики спокойно и рассудительно, по-своему. Был с ними Матур. Все никак не хотелось никому расставаться на этом пятчке у ворот стадиона.

XXXI

Давно ушло солнце за лес. Только на небе светлела синева, постепенно угасала, становилась темнее.

Подумал Матур, как добраться ему отсюда до дома.

— Давайте-ка будем прощаться, а то точно до утра не разойдемся отсюда.

Высунулась голова тети Зины, вся красная, наверно, нажарилась целый день на солнышке. Махнула рукой перед собой и крикнула:

— Если будешь в Изамбаево, то обязательно, Матур, загляни к нам в гости. А без этого не смей уезжать из деревни.

— Ладно уж, тетя Зина. Чего там загадывать?

Довольный такой Матур улыбнулся ей в ответ.

— У тебя самой десять детей, без меня хватает забот выше головы.

— Все равно ты мне понравился. Как со своим сыном общалась с тобой все это время.

— Видно будет, тетя Зина. За приглашение большое спасибо.

Старался Матур со всеми проститься, пожимая руку. Прижав тихонько к себе Жирнова Сашу, аккуратно сунул ему клочок бумаги.

— Это мой телефон домашний. Обязательно позвони. Надо встретиться отдельно, поговорить по-родственному, по душам.

— С тобой согласен, Матур, в этом нет спора.

Еле расстались с братишкой, еще раз обнявшись по-мужски, крепко хлопая ладошкой по спине.

— Давай не забывать друг друга, общаться чаще.

XXXII

Зашагал Матур по ночной дороге Кугесь. Где-то местами было темно, хоть глаз выколи. Ступаешь и не знаешь: кажется яма, а там наоборот ровно, думаешь другое — чуть ли не падаешь на землю носом. А где светло, идешь себе спокойно по дорожке. Наконец добрался до места. Здесь на остановке никого не было, только изредка мимо пролетали машины на большой скорости, освещая ярко фарами. Было так душно, совсем не спадала температура воздуха, успевшего разогреться на солнце.

Вдруг с противоположной стороны из ночной темноты появилась девушка, цокая туфлями. Показалось Матуру, что она как бабочка порхала сюда. С таким трепетом, с неожиданностью Матур спросил:

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, когда последняя маршрутка?

— Должна быть по расписанию в 11 часов 15 минут.

— А время сколько сейчас?

Вытащила сотовый телефон, мелькнул свет в темноте в углу.

— Ровно 11 показывает.

— Понятно без всяких. Придется ждать еще 15 минут.

Опять молчание. Хотелось пообщаться Матуру, не знал, что говорить. Наобум:

— Девушка, что так поздно? И не боитесь в такое время?

— Была у подруги в гостях. Она говорила: «Оставайся». Почему-то не захотелось.

— Однако, как посмотрю, Вы — рискованная особа.

В это время с конца дороги подъехала газель.

Сели вдвоем, сзади никого. Потом еще подбежали трое. Почти полная поехала маршрутка дальше, собирая людей на остановках.

А здесь как со старой знакомой болтал Матур с девушкой. Вынула она деньги, отсчитала, хотела передать. Слегка убрал ее руку в сторону, нежно посмотрел ей в глаза:

— Будьте добры, дайте мне заплатить за Вас как мужчине.

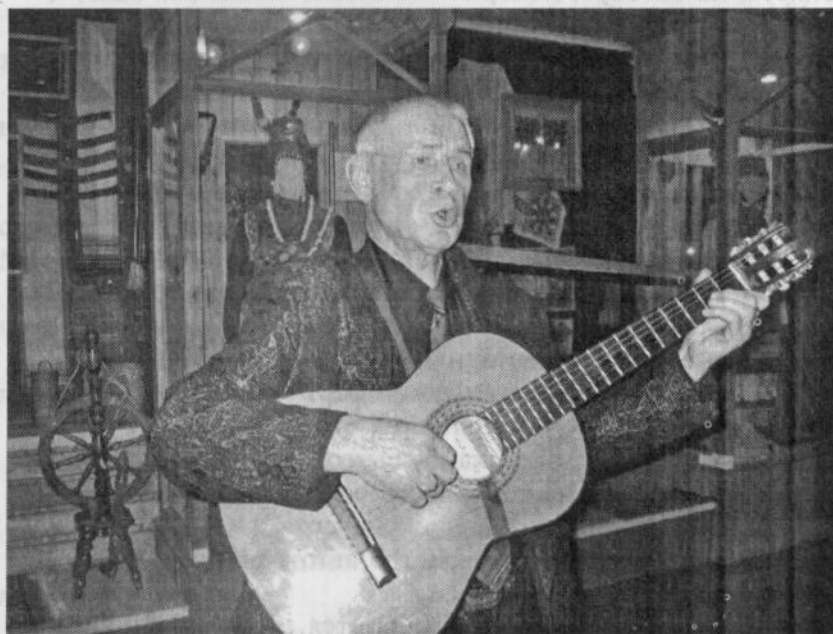
Приветливо улыбнулась, разжала свои маленькие губы, деньги положила обратно на место.

Маршрутка ехала спокойно по свободной дороге. Матуру было легко на душе. За сегодняшний день увидел столько знакомых людей, сколько за год не встретишь.

— Это все дело молодое, как человек, так и искусство.
— И не надо бояться, что вы будете стареть. И не надо бояться, что вы будете стареть. И не надо бояться, что вы будете стареть.

Душа отдыхает

— Давно не слышал, как вы поете. С удовольствием послушаю. С удовольствием послушаю. С удовольствием послушаю.

Своего рода народный артист. Но в молодости он был не народным артистом, а просто человеком, которого любили люди, но ни одного знакомого человека.

I

Как обычно, Мигула каждый год ездил в деревню Изамбаево на Симек, на кладбище — поклониться своему дедушке и бабушке, брату родному, и, конечно, с почестью всей родне, что лежала в этой сырой земле, уважить их покой.

В этот раз Мигула набрал конфет — тартинки шоколадные. Они были очень удобные, вафли не крошились как печенья, и приходилось давать конфеты, а тут все в одном — тартинки. Угощать будет удобно, со спокойной душой. Как в прошлый раз, не стал брать водку. Знал, что родные тетки будут ругаться за спиртное. Потому Мигула всего лишь взял трехлитровую бутылку пива «Букет Чувашии» с зеленой этикеткой.

С поднятым настроением собрался Мигула в Яльчики. Сейчас не было проблем насчет транспорта, ходили друг за другом газели. В прошлые годы приходилось заранее брать билеты на автобус, который набивался битком, и так приходилось добираться до села Яльчики.

Очереди на вокзале были небольшие. Пристроился к одной из них, ждал, когда дойдет до места.

Впереди стоявший мужчина ругался громко, что обратили внимание на него. А он даже притопывал ногой об пол:

— До Москвы билет стоит 500 рублей, расстояние 670 км.

Повернули головы к нему, он еще пуще прежнего:

— А тут каких-то сто тридцать километров до Яльчиков — плати двести рублей.

Рядом стоявшая светленькая, стройная женщина:

— Правильно говорите, мужчина. Я с вами согласна полностью. Считаю, почти половина стоимости.

Послышался из окошка кассы голос молодой девушки:

— Что вы тут мне говорите, предъявляете претензии?

Кассирша показала пальцем наверх:

— Это все решает руководство автотранспорта — где повышать тарифы, а где нет.

— Так-то оно правильно говорится. В душе болит, когда прямо на глазах залезают в твой карман, среди белого дня грабеж.

Причмокивая губой, мужик мотал головой от недоумения.

— Прошу мне с утра не портить настроение.

Вытянула кассирша в его сторону голову.

— Еще здесь работать целый день.

Все замолчали, настала тишина. Только было слышно, как компьютер выдавал билеты.

— С вас двести пять рублей, мужчина.

— И мне тоже в ту сторону, в Яльчики. Спешу вовремя попасть на кладбище в Симек.

— Сегодня же четверг. Обычно народ ходит в воскресенье.

— Но в Изамбаево, Байдеряково и еще нескольких местах сегодня.

— Странно, однако, у вас проходят эти дни.

Взяв билет, Мигула посмотрел, когда отходит газель. Взглянул на настенные часы — уходила через 15 минут.

А сзади него слышались голоса, кому куда надо ехать.

Удивительно было — подъехал вовремя на место.

II

Без всяких приключений, аварий добрался до Яльчиков. Когда ступил на землю, стало спокойно на душе. Все равно была внутри какая-то сумятица. По этим местам когда-то ходили твои предки, это было дорого. Прямым ходом в гору, в районную библиотеку.

Проходил мимо старинного двухэтажного здания. Про этот дом говорила тетя Маня:

— Твой дед и мой отец — братья — часто захаживали сюда к Беловым продать подороже свой сельский урожай. Общались богатые яльчикские люди как со своими.

Теперь в этом строении Беловых находился краеведческий музей. Помнит Мигула, как в прошлом году приезжали сюда на 35-летие. Тогда Бахмистов обещался привезти сюда на своем микроавтобусе. Этого не вышло. Сам Бахмистов был в Москве, в командировке. Сообразил тогда быстро Петр Петрович Сидоров-Лаштай. На машине своего сына вместе с женой Людой. Остановились на заправке в селе Комсомольское. Жена его угощала пирожками.

— Люда моя молодец, готовит хорошо.

— Видно. Какие вкусные пирожки испекла и румяные на вид.

Запив чаем, продолжили свой путь.

Вместе с Мигулой приехали сюда. Собралось здесь все районное руководство, связанное с культурой: от Малышкина Николая до сочинителя песен, который пел на ура, Христофорова Вячеслава. Говорили теплые слова насчет музея. Особенно не забыли упомянуть добрым словом Сидорова-Лаштая:

— Если бы не был так активен Петр Петрович Лаштай, то и не бывать этому музею.

— В то время был молодой, энергичный, хотелось создать свою историю Яльчикского района. Ездил по деревням, собирал старые вещи.

— Потому спасибо тебе, Петр Петрович-Лаштай. Все тут собрано по крупицам.

Вручила ему женщина большую коробку с красивой оберткой. Дали слово Мигуле. Перед всеми выступил:

— Еще хочется сказать о сделанном: большое дело в Чебоксарах, много сил вложил для создания Яльчикского землячества Петр Петрович Лаштай, ему помогал братишка Эктель и, конечно, все, кто отсюда родом. Теперь председательствует Викторов Олег Николаевич, профессор.

Прямо с места высказался Молостов, видный был, с красивой бородой:

— Говоришь правильно, Мигула. Обоиими руками за. Твои слова поддерживаю.

Подарил Мигула свои книги с автографом для музея.

После торжественного чаепития направился в библиотеку. Вначале Мигула вручил несколько книг разных жанров для читательского зала. Оставшиеся попросил женщину продать.

Прошел год. Хотелось узнать, реализовали ли его книги или нет. С большим нетерпением рвался сюда. Вошел в здание, поднялся на второй этаж, прямиком в кабинет директора. Хватаясь за ручку, нажимая несколько раз, торкнулся в дверь Мигула.

Рядом была комната. Сидели женщины за столом. На середине стола был большой торт. Мирно беседуя, пили чай. Оттуда был хороший обзор. Встала полная женщина, прямо к нему:

— Что вам надо здесь, мужчина?

— Да вот оставил свои авторские книги на продажу сюда.

— Скажите, пожалуйста, как ваша фамилия?

— Жирнов.

Встала, подняла голову наверх, о чем-то думая:

— Вспомнила, ваши книги лежат на месте.

— Почему это так, без движения?

— До меня работала другая. А теперь постараюсь дело довести до конца, все как положено.

Взяла со стола чистый лист бумаги, обратилась вежливо к нему:

— Диктуйте ваш номер телефона — городской или сотовый.

— Мой домашний 64— — городской в Чебоксарах; начало и конец — одинаковые цифры.

— Хорошо запоминается.

Аккуратно отложила ручку в сторону. Сама спокойно продолжила:

— Если что, обязательно позвоню вам. А моя фамилия — Зайцева.

— Теперь мне становится все понятно, с кем разговариваю.

— Может изволите к нам, к столу, отведать угощение?

С улыбкой вежливо протянула руку вперед.

— Сегодня у нашей подружки день рождения.

— Со стороны как погляжу на вас, собралось женское общество, выглядите наилучшим образом, приятно посмотреть.

Обвел взглядом всех женщин Мигула.

— Что вы говорите. Наоборот, украсите наш цветник.

Оба улыбнулись. Довольный такой Мигула, вежливо раскланиваясь:

— Спасибо, женщины, за приглашение. От меня ей крепкого здоровья, удачи во всех задуманных делах.

Посмотрев в свою черную сумку, Мигула:

— Сию минуту. В вашем кабинете, Зайцева, лежат мои книги?

— Есть такое. Ничего на скажу. Написано про яльчикских людей.

— Дайте одну из них, пожалуйста, под названием «Симек». Поднесу вашей подружке в подарок с днем рождения со своим автографом.

— И на добром слове, за подарок необычный спасибо от души.

Сама довольная такая положила книгу в дамскую сумку.

— Честно говоря, боюсь еще опоздать на Симек в Изамбаево.

— Да, это проходит в нескольких местах в нашем Яльчикском районе.

Больше без слов Мигула не спеша спустился вниз по лестнице. Открыл дверь. Прямо в лоб ему брызнули яркие солнечные лучи. После помещения Мигула прикрыл свой лоб ладошкой, просматривая вокруг. Вся площадь изменилась к лучшему за последнее время. Кругом одни цветы посажены. А посередине стояла часовня, выложенная из красного кирпича ровно, чисто, как будто плиткой. Смотря на все это, отдыхала душа человеческая. Спокойно Мигула зашагал в сторону вокзала. Поглядывал по сторонам на обновленные частные дома. Улицы стали чище, и приятнее ходить по ним.

По пути около магазина встретились Геннадий Туманов и Александр Осипов, что-то бурно обсуждали. Подошел к ним с боку:

— Добрый день ветерану гиревого спорта!

Оба развернулись и улыбнулись.

— И так же в ответ большое пожелание доброты души судье Мигуле.

Крепко пожали друг другу руки, в глазах горели огоньки.

— Куда это ты собрался, Мигула?

— Сегодня праздник Симек. Иду по дороге, душа отдыхает у меня.

— Это замечательно, дело нужное для нас.

Слегка ударил ладошкой по груди Геннадий Туманов:

- Чтобы внутри ладить с самим собой.
- Поэтому всегда, хотя бы раз в год, собираемся со всеми родственниками.

Получилась небольшая пауза между ними.

- Геннадий Туманов, Вы все еще поднимаете гири? Когда считаю, сколько раз поднимаете, всегда делаю это с уважением к Вам.

Взбодрился старичок, повертел головой туда-сюда.

- Пока есть силы, почему не выступить, не показать молодежи?

– Вам же 71 год.

– Есть такое, не спору.

Подъехала иномарка, начала сигналить. Александр Осипов помахал рукой.

– До следующей встречи, Мигула.

Махнув рукой, Геннадий Туманов молодежато зашагал к ним.

После общения с ним внутри осталось тепло на душе.

Билеты продавали в какой-то железной будке. Вокзал обновляли, заодно поднимали второй этаж.

Мигула взял билет в маленьком окошке, нагибаясь к кассе. Без всякой толкотни сел в автобус. Пригляделся – в салоне набралось человек десять. С большим удивлением посмотрел: совсем полупустой оказался внутри. Вспомнил Мигула, как в прошлые годы автобусы всегда были битком. Может народ разбогател, имеет свои автомобили. Немного погодя вспомнил, что настал кризис в экономике и ударил большинство людей – работяг и пенсионеров – по кошельку. Снова обнишал в этом году простой люд.

Напротив Мигула села девушка, приятная на внешность. Чувствовалась чистокровность чувашского рода. Поразила его, чем-то напоминала его матушку: белая коса, голубые глаза. Обратился Мигула к ней с осторожностью:

– Можно вас спросить, девушка, об одном?

Смотрел на нее прямо в упор, что скажет она.

– Говорите, если начали, до конца высказывайтесь.

– Вы, наверно, едете в Изамбаево почтить близких на Симек?

– Как вы узнали про это, мужчина? Интересно знать.

Повернулась с лукавством, чуть сузив глаза.

— Вы, случайно, не гадаете?

— Упаси боже от такого. Не знаю всего дела.

— Все-таки почему хочется знать обо всем?

— Всего-навсего какое-то свое родное разглядел.

— А сами кто будете? Впервые Вас вижу.

— Просто не сталкивался с вами. Сам я Жирнов. А наш коренной дом находится, где живет мой родной дядя Авдик.

— Теперь становится понятно. Вы немного похожи на него.

Смутилась девушка, в полголоса сказала:

— Моя фамилия Суркова, еду в гости к своим родителям.

— А сами где живете, Суркова, в настоящее время?

— В Чебоксарах, работаю в Чувашснабе. Очень довольна своим положением.

Разговаривали между собой, как будто давно знал ее. Вел с ней разговор по-свойски, добродушно. Добрались незаметно для себя, с интересом до Изамбаево.

— Шеф, можно здесь тормознуть? Прямо вон у того дома.

— Надо было заранее предупредить об этом.

— Раньше было строго только на остановках.

— Сейчас круто изменилось. Видите сами — езжу полупустой, каждый пассажир дорог.

— Становится понятно, почему такое отношение сейчас.

Добродушно Мигула махнул несколько раз рукой в сторону водителя.

— Спасибо на этом. Чтобы больше людей садились в ваш автобус.

Собеседница поехала дальше молча.

Выскочил Мигула, ступил на землю изамбаевскую. В момент внутри что-то шелкнуло. А это просто отдыхала у него душа. Остановился на месте Мигула, с таким блаженством дышал этим воздухом. Думал по-своему о прошедшем времени. Здесь прожили бабушка, дедушка и несколько поколений старше в его родне. Представил себе Мигула,

как его родная матушка девочкой бегаёт по этой улице Изамбаевской. Сколько радости приносило им в этой жизни! Еще больше грело внутри, отдыхала душа.

III

Медленно рассматривая, Мигула вошел в коренной дом. Встретил дядя Авдик. Расположился прямо на ступеньках, еле дышал, все ему не хватало воздуха, задыхался, был бледен. Ему исполнилось вот только недавно 80 лет, справил свой день рождения.

— Здравствуй, дядя Авдик. Хочу к вам присесть и поговорить. Все-таки не виделась целый год.

Посмотрел в его сторону равнодушно, еле растягивая слова:

— Представляешь, племяш, в последнее время нет сил. Наверное, долго не протяну в этой жизни.

— Перестаньте болтать чепуху. Еще проживете как сестра с десяток лет.

— Нет, я пожил. Было ли худо, или хорошо. У меня семь детей. Что-то все равно оставлено на земле, не зря прожил данное мне время.

— Это очень хорошо с вашей стороны.

— Нет больше сил, пойду лягу на кровать.

— Если надо, идите, пожалуйста. Я нисколько не против вашего желания. Делайте свое дело по-своему.

Шустро Мигула, взяв за подмышку, хотел было помочь. Убрал руку, сам, медленно шагая, направился в спальную. Старался дядя Авдик держать свою осанку прямо.

IV

Сняв туфли в сенях, Мигула, осторожно ступая по деревянному полу, прошел вперед. Переступив порог, оказался в гостиной. Бросился в глаза накрытый богато стол. Встретила одна Вера, по середине комнаты, вся такая ядреная женщина, горели красные щеки.

— Во-первых, Вера, прошу прощения, что не смог приехать на твоё 50-летие, весь в делах.

— К тебе приезжала на твой полтинник в ДК Тракторостроителей.

— Веская причина — искал автобус везти людей на родину Эльгера в Большие Абакасы, отметить его день рождения в школе.

Еще более убедительно проговорил Мигула.

— Спасибо Вячеславу Васильевичу — дал транспорт. Пришлось возглавить делегацию.

— Так и быть, как брату, прощаю. Народу у меня было предостаточно в Тойсях на именинах.

— Подарю тебе, сестренка, вышедшую в этом году свою книгу с автографом на чувашском языке «Родственники».

— Про нас, что ли?

— Нет, про саратовских чуваш.

— И на этом спасибо, брат. И так рада увидеть тебя здесь, в нашем доме.

Аккуратно положила книгу на подоконник. Сама с такой вежливостью протянула руку.

— Пожалуйста, присаживайся к столу, ничего не стесняйся, располагайся, самое главное, по-свойски.

— Вера, хочу тебя поздравить словами.

Весь выпрямился Мигула, глаза стали чистые, как на небе сейчас.

— Желаю всего хорошего от всей души.

Улыбнулась своей неотразимой улыбкой, с таким видом.

— Давай-ка хоть в щеку поцелую.

— Что ты, брат, не надо. Очень смущаюсь!

Покраснела, стеснительно отвернулась в сторону Вера. Все равно Мигула успел задеть губами горячие щеки. Посмотрел Мигула по сторонам.

— А где все наши сегодня, сестренка?

— Мой муж на работе. Нынче было тяжело, поехал на заработки в Москву.

— С этим кризисом не знаю что творится у нас в жизни, в мире человеческом.

— Не вспоминай-ка, брат, и так тошно становится.

Преподнесла Вера полную рюмку.

— Лучше понемножку выпей эту водку, а потом спокойно поговорим по душам.

— Вначале скажу несколько слов сестренке.

Коронная улыбка слетела с лица. С серьезным видом смотрела она.

— Дай Бог тебе здоровья, Вера. Чтобы с мужем Николаем всегда находилась в согласии. У твоих двоих сыновей всегда была удача. И чтобы вот такой, как сегодня, был богатый стол всегда в этом доме и у тебя.

Опрокинули рюмки, закусили ширтаном. В окне показалась женская фигура, шла по дороге. Вытянув шею, Вера рассматривала, кто такая.

— Сейчас, минуточку, брат. Я приду.

Выскочила на улицу, начала болтать с женщиной в веселом тоне. Собеседница была в ее годах. Чувствовалось, эмоциональная, что даже размахивала руками.

Стало скучно. Мигула приехал сюда не в одиночестве коротать время.

V

Походил по избе туда-сюда. Попутно взял свою сумку, слегка закрывая за собой дверь. Оказался около дома у забора на скамейке.

А здесь, оказывается, не было Веры. Посмотрел на центральную изамбаевскую улицу. Почти около каждого двора стояли машины. Это приехали дети к своим родителям, или братья, внуки и т.д.

Напротив жил когда-то дедушкин брат Никодим. А теперь там одна сноха живет, жена у дяди Василия. Увидел Мигула, как у ворот мужчина косил траву. Подошел ближе к нему. В нем узнал мужа тети Насти.

— Спокойно не можешь находиться здесь, Корзаков? Хотя бы сегодня отдохнул.

— Ты знаешь, Мигула, все не хватает времени приехать сюда и помочь.

Поставил косу наоборот, травой начал чистить лезвие.

— А тут выдался случай, промежуток небольшой — надо помочь своим.

Отвлекли посторонние голоса. Повернулся туда. По дороге шли Марковы. Среди них увидел Мигула знакомую. Шумкова Лида, по мужу, их дочь, работала в газете «Хыпар». Вела их матушка Мира Пантелеймоновна.

Загальдеди они, махнули руками.

— Чего задерживаетесь, соседи? Пора быть на месте.

— Сейчас и мы пойдем. Выйдет хозяйка как дожарит блины.

В ответ улыгнулись Марковы, дружно пошли всем семейством наверх.

— Одно хотел спросить: как-то рассказывал Князев Валерий — правда ли татары хотели грабануть Яльчикский банк?

— Было такое. Князев не врет. Тогда он был директором этого государственного учреждения.

— И что дальше было? Интересно знать, Корзаков.

— Вовремя заметили, обошлись без жертв.

Сзади них хлопнула калитка. Появилась тетя Настя — двоюродная сестра матери Мигулы.

— Все-таки как ни говори, ты молодец, Мигула, каждый год приезжаешь сюда на Симек, не забываешь свои корни.

— Разве можно не уважать своего деда Мигулу и бабушку Маню.

— А вот моя старшая сестра Маня никак не могла приехать. Если бы не ноги... Болели они у нее.

— Ходил к ней с тортом на 14 сентября. Ей исполнилось ровно 80 лет.

— Об этом она мне рассказывала при встрече с ней.

— Говорила тетя Маня с большим сожалением. Если бы кто-нибудь из племянников довез на своей машине, с радостью согласилась бы.

— Жаль, конечно, этого желания не исполнилось. Недавно умерла.

Посмотрела с грустью на голубое небо тетя Настя.

— А ты, Мигула, чего не был в последний день прощания?

— Говорила тетя Тоня, звонила мне, но никто не брал трубку. А у меня первые цифры номера сменились с 64 на 54.

— Теперь становится понятно твое отсутствие на похоронах.

— Тетя Маня всегда говорила: «Хорошо было бы лежать вместе с матерью и братом Павликом».

— Похоронили в Чебоксарах. Сюда везти в Изамбаево очень большие растраты, а там в городе почти все близкие люди живут.

Разговаривали Мигула с тетей Настей. Молча слушал Корзаков. Попадались люди, с ним здоровались за руку. Если находились далеко, приходилось наклонять голову, приветствовать друг друга. Таким макаром дошли до места.

VI

Встретился такой здоровый мужчина, чувствовались через футболку мускулы. Сразу видно, что он спортсмен. Подходит: на груди золотая цепочка и крест поблескивает на солнце желтизной. Обращается к нему:

— Здравствуй, Мигула, давно хотелось с тобой поболтать.

— Почему бы не поговорить с приличным человеком.

Внимательно еще раз посмотрел на него.

— А ты чей будешь, такой молодец?

— Романовых. Один из них. Альберт.

С улыбкой доброй, открытый весь, притягивал к себе. Спокойно заговорил с ним дальше:

— Сегодня будем играть в футбол с ребятами из Лаш-Таябы. И там заодно хочется побеседовать с тобой в спокойной обстановке наедине.

Посмотрел Мигула по сторонам — валил народ на кладбище с авоськами. Стояли они у ворот, только успевали здороваться со всеми своими земляками.

— Не забудь, Мигула, обязательно приходи. Есть что обсудить с тобой.

— Конечно, не прочь с хорошим человеком посидеть пообщаться, буду очень рад.

Разошлись в разные стороны по рядам своих близких похороненных людей.

В этот раз Мигула немного опоздал. Батюшка успел прочитать молитву со всеми женщинами. Весь народ расходился по могилам своих родственников почитать со сладостями, поминать их. Первым делом Мигула пошел туда, где лежали дедушка и бабушка, и все близкие люди своего коренного рода. Успели собраться на поляне, где сгнили

кресты. На этом месте росла ярко-зеленая трава. Все близкие этого рода приветствовали, слегка кивая головой. Руку на кладбище никто не подавал — так не здоровались. Считалось в народе — плохая примета. Это еще слыло издавна. Собрались все Жирновы на этом святом месте. Среди них самый старый был дядя Соти из мужчин. Приходила самая старшая Демидова, сестра тети Насти, умер ее муж Василий, не было тети Еланьи из Янтиково — редел род. В этот раз даже приехал Ваня — сын старшего брата Ивана, отпросившийся с работы в Москве на три дня. Все время Ваня не выпускал из рук свою маленькую дочь. Рядом стояла сноха — красивая, скромная, только опускала свои длинные ресницы. На удивление появился здесь братишка Жирнов Володя. Его родители жили на углу улицы, куда заворачивали на кладбище. Посмотрел на остальных — везде близкие лица, что тянуло нутром, хотелось общаться с ними. Близкие люди стали угощать друг друга чем могли. Полез в свою черную сумку Мигула. В этом году не стал брать водку, чтобы не слышать ворчания своих теток. Вытащил большую баклашку с пивом «Букет Чувашии» с зеленой этикеткой. Шустренько разливал всем пиво в одноразовые пластмассовые стаканы, по солнечному кругу проходил. Заодно угощал тартинками (вафлями в шоколаде), старался Мигула каждому дать в руки. Одной из теток дал стакан. Та, попробовав, фыркнула:

— Думала лимонад, оказывается — пиво.

— Зато свежее и пенится как!

Стоявший рядом двоюродный брат у Соти, Жирнов Василий, протянул бокал:

— Лучше попробуй наше изамбаевское домашнее пиво.

Глотнув несколько раз, Мигула, довольный такой:

— Что бы ни говорили, свое крепкое, ядреное, домашнее пиво ни с чем не сравнишь.

— А ты как предполагаешь, Мигула? Это по рецепту наших предков.

Они были у прадеда дети: у Соти отец Петр Иванович, у Василия — Георгий Иванович.

И тут же тетя Настя угощала блинами с медом. Другая тетя — изюмом и рисом.

Разговаривали негромко, чтобы было слышно между собой. Помянули, собрались дальше навестить своих родственников.

VII

А Мигула собрался в одной компании со снохой старшей Лидой, племянником Ваней и его женой на могилу к брату Ивану. По-другому было здесь: новый забор вместо деревянного, открывалась без всякого скрипа калитка.

— Молодец, Ваня, что сменил изгородь своему отцу.

— Вчера еще, как из Москвы добрался, прямо по пути заглянул в Яльчики, в похоронное бюро. Купил все это в одном отделе. Вместе приехали на газели, все поставил на место.

Сам со спокойной душой положил на памятник сладости, конфеты, печенья.

Двинулись по своему ряду Жирновых.

Вышел со старого кладбища, направился на новое. Огорожена большая территория. За калиткой, прямо как войдешь, стоял небольшой деревянный аккуратный домик. И здесь народу оказалось много. В глаза сразу бросалась мраморная плита Романова — черная, блестящая.

В конце находился такой же памятник, там покоился Захаров Геннадий. Воевал в Афганистане, приехал в Изамбаево — вся грудь в орденах. Выжил на войне с душманами. Отправился в Москву и там помер. Ушел один из сыновей Захаровых.

Остановился у первой могилы Мигула, где на деревянном кресте четко было написано «Жирнова Елена». Присев на скамейку, облокотился на стол, сделанный из того же материала. Положил тартинку и поставил бутылку оставшегося пива. Здесь оказалось спокойно, душа отдыхала. Вдруг неожиданно со стороны входа появился знакомый Верблюдов, не ожидал увидеть его здесь.

— Ба, а ты как оказался здесь, Мигула?

Взглянул резко на крест, прочитал фамилию:

— Теперь все становится понятно, почему здесь.

Больше ничего не говорил Верблюдов, последовал за Захаровым Олегом в другой конец.

Расположился на этом месте Мигула, ничего не думал. Вспомнилось одно: когда после армии заглянул сюда в Изамбаево. Тогда все было по-другому: многие еще живые, доводилось общаться с ними.

Мимо этого места проходили люди. Окликнул голос мужчины — такой спокойный, уверенный.

— Что сидишь один здесь, Мигула?

— А, дядя Ананий! Доброго здоровья вам на многие лета!

— Давай-ка лучше пошли с нами, нечего грустить в одиночку.

Встал Мигула, пошел не спеша с ним рядом по траве зеленой, ровной. Начал тихо вести свой разговор Ананий:

— Очень жалко, до глубины души, но ничего не могу сделать. Совсем еще молодой!

— С вами согласен, спору нет. Ему, честно говоря, еще бы жить да радоваться!

Стояла большая мраморная плита, на ней был выбит портрет Гены — выглядел как живой. А вокруг этого места стояли его матушка тетя Зина, ее сын Миша, с другой стороны дочка, работающая в Янтиково директором школы, другая — жила в Изамбаево. Даже был сын Олег, приехавший из Москвы сразу сюда. Среди них оказался Верблюдов. Нежно, по-свойски толкнул Ананий в бок Мигулу и показал на стол:

— Прошу отведать угощения. Чем богаты, тем и рады.

— Мне самому становится неудобно. Скажут еще люди — хожу, собираю рюмки.

— Брось ерунду городить. Мы же свои люди — изамбаевские. Какой может быть разговор?

— Спасибо за предложение. Увидел всех, заодно узнал, где похоронен Гена.

Слегка пригубил с краю стакана, отдал обратно в руки Ананию, откланялся Мигула, развернулся обратно, не спеша разглядывая могилы, где собравшиеся люди поминали своих близких. Возвратился на то место, где лежала тетя Лена. Сюда успели подойти двоюродные сестры Вера, Ира, ее муж и ребятишки.

— Слава Богу, наконец-то пришли. А то одному было не по себе.

— Ты что, брат, так думаешь.

Даже Вера изменилась в лице, обиделась, видно, на его слова.

— Пока мы свою маму не навестим, никуда отсюда не пойдем.

— Что-то с вами не вижу сестренку Риту.

— Нынче задержалась в своем Нижневартовске. Сын у нее последний год учится, сейчас сдает экзамены в школе.

— Теперь ясно.

Стараясь говорить более спокойно, Мигула:

— В последнее время каждый год встречались, особенно было приятно общаться с мужем Риты Николаем и Сомаковым Володей.

Остатком пива угостил всех. Взяла Вера стакан, встала перед крестом:

— Мама, лежи спокойно. Мы тебя не забываем. Вот пришли твои дочери, внуки и брат Мигула почтить.

Молча слушали Веру, склонили головы перед могилой.

Хотел было Мигула выкинуть пустую тару, но в это время Ира протянула руку:

— Сюда не надо выбрасывать. Я сама все вынесу в мусорный ящик.

— Просто хотел в одно место положить, потом поступить как ты, Ира.

Собрав все в пакет, Ира поставила его на землю.

— Спасибо, сестренка, за уважение к старшему.

Незаметно примкнули к ним Ваня, все еще держа на руках свою дочь. Рядом была сноха и их матушка Лида.

— Получилось хорошо, что вместе собрались у тети Лены.

— А ты, Ваня, наверное устал держать свою дочку?

— Соскучился по ней. Притом своя ноша не тянет.

— По правде сказать, сама-то соскучилась по сыну, — тихо проговорила Лида, ласково глядя на Ваню.

После этого начали говорить добрые слова про тетю Лену.

VIII

Вместе с Ваней, который наконец отпустил свою дочь на землю и держал ее за ручку, впятером направились в деревню Изамбаево. Дружно, спокойно шли по дороге.

— Дядя Мигула, вначале сходи в свой родовой дом к своему дяде Авдику.

— Это само собой. Без посещения, конечно, никуда не собираюсь.

— Будь любезен, потом обязательно к нам приходи.

Настойчиво смотрел на него.

— Единственный братишка у отца, не хочешь появляться у нас.

— Всегда приятно быть у вас, Ваня, — сделал правильное решение, — так и поступлю, племянш.

Вчетвером они завернули к себе, в свой двор. А Мигула прямо направился в родовой дом. Добрался до места, никого не оказалось в гостиной. Посмотрел в спальную. Здесь расположился дядя Авдик, спал на кровати под толстым одеялом, хотя было жарко на дворе.

IX

Посмотрел в окно Мигула, увидел дом Марковых. Почему-то сразу вспомнил, как в позапрошлом году встретились здесь в Изамбаево. У своей машины волги стоял Чермаков Петя с другой женой из Белгорода. Необычно было видеть его со второй женой. Привык Мигула видеть дядю Петю рядом с первой женой. Но она скоропостижно скончалась. Прежняя была избахтинская, такая веселая, душа компании. В те прежние годы встречались в Москве у дяди Коли Жирнова. Заводила всех за столом со своей настойчивостью. Обычно на пару пели с тетей Ритой. Приезжали к ним много людей: изамбаевские, байдеряковские, тинчуринские и т.д. — все яльчикские. Где теперь та связь родная, близкая по крови? Раньше бывало, запросто могли собраться в Москве или здесь в Яльчиках.

Все равно собрались в том году осенью. Позвонила Шумкова Лида (Маркова), чтобы приехали к ней в гости. Появились у них, а там, оказывается, был юбилей у матери Лиды, тети Миры. И народу — все изамбаевские, лишь одна семья байдеряковская. Ладно хоть взяли гостинцы — грибы и бутылку водки «Хамар Ял». Чуть было не попали впросак — не знали, что тети Миры был день рождения. И тут встретились с Чермаковым Петей, пошли в спальную, пока женщи-

ны готовили к столу. В это время с дядей Петей не могли наговориться наедине. Вспоминали, как в Москве собирались у дяди Коли Жирнова — веселая родная компания.

Позвала к столу Шумкова Лида. Стол накрыт был шикарно. Устроились рядом вместе с женой своей, с другой стороны с дядей Петей. Здесь были одни теплые речи в сторону Миры Пантелеймоновны в честь ее юбилея. Все никак не могли наговориться, напеться вдоволь. Даже опоздали на последний троллейбус, пешком пошли домой.

Х

Прошел в гостиную, сел на стульчик спокойно. Отдыхала душа у Мигулы. Представлял, как здесь собирались дедушка, бабушка, их дети вместе со своей матушкой. Наверно, ссорились, мирились — была дружная семья. Где теперь все эти люди? По свету разлетелись.

Никого не дождавшись в этом доме, Мигула медленно направился на улицу, спокойно, не спеша рассматривая строения, прямо к дому брата Ивана. В калитке столкнулся с двоюродными сестрами.

— А ты где ходишь один без нас, брат?

— Как всегда, в вашем доме.

— А мы вот гостили здесь, — с улыбкой ответила Ира. Обычно у нее была манера держать руку на поясе.

— Что теперь, пошли обратно к нам, брат?

— Нет уж, больше отсюда никуда, дорогие мои сестренки.

Всей толпой они зашагали по дороге к своему дому.

— Пожалуйста, заходи, дядя Мигула. Будешь для нас дорогим гостем.

— В честь чего это такое уважение к моей персоне?

— Как же, у отца братишка один ты родной.

— Прав, Ваня, не спорю с тобой.

— Сколько ни приезжаешь — ни разу у нас не остаешься ночевать.

Поняв свою вину, Мигула промолчал.

— Все время стремишься в свои Чебоксары, скорей уезжаешь после посещения кладбища.

— Видишь, Ваня — такое дело: в четверг всегда рабочий

день, приходится всегда отпрашиваться на один день у начальства.

– Сегодня, наверно, останешься ночевать у нас?

– Сейчас свободен, как птица в полете.

Открыв дверь, Ваня пропустил вперед Мигулу. Встретили две женщины, очень мило и приветливо. Одна жена брата, другая – сноха молодая.

– Проходите сразу на кухню, – показала пальцем на табуретку сноха Лида.

– Присаживайтесь прямо в центре, на почетное место.

Молча присел Мигула на указанное место. Шустро Ваня разливал вино собственного приготовления.

– Очень рад, дядя наконец согласился у нас ночевать.

– Мне самому приятно быть у вас. Душа отдыхает. Все замечательно, без всяких проблем получается жизнь в этом доме.

Подняв рюмку перед собой, Ваня:

– За тебя пьем, дядя родной, что ты у нас есть.

– А мне хочется за вас, мои дорогие близкие.

Выпили до дна кроме молодой снохи.

– Ой, совсем забыла. Дырявая башка!

Вытащила из печки курицу, поставила по середине стола. Курица была покрыта поджаристой корочкой золотистого цвета. До чего был аппетитный вид! Ловко Ваня разделил на части. Взял один кусок Мигула. В носу щекотало от аппетитного запаха. Во рту оказалось нежное мясо. Съел с большим удовольствием.

Обратился Ваня с уважением и довольный собой:

– Сегодня еще с раннего утра затопила матушка баню, ждала меня.

– Значит, любят. Ждали тебя, видно, с нетерпением, племяш.

– Успел сходить помыться, заодно попарился хорошо.

Приоткрыв рубашку, показал свое белое тело Ваня.

– Может и ты изволишь сходить в баню, пока не успела остыть?

– Предложение очень кстати. Очень люблю париться, особенно в деревенской бане. От этого получаю огромное удовольствие.

— Тогда что думаешь, дядя? Вперед! Никаких отказов больше не принимается!

В момент появилась сноха, держа в руках махровое зеленое полотенце.

— Остальное, что нужно, найдется там в бане.

— Спасибо и на этом, что уважили меня.

Быстро взяв что надо, через двор, за несколько шагов оказался в предбаннике. Скинув с себя одежду, заскочил во внутрь. Действительно, тут еще было тепло. Махом залез на самую высокую лавку. Посидев немного, ладошкой потер тело — отлетали все шкворушки. Ополоснулся весь холодной водой прямо из ведра. Взяв ковш, открыл банку с домашним пивом, смешал его с теплой водичкой — плеснул на горячие камни. В нос ударил такой запах хлебный и хмельной, чуть далось в голову. Залез на самую высокую доску, растянувшись на ней, запросто забалдел Мигула. Постепенно медленно начал хлестать двумя вениками по телу. Под конец так раскопегарился, что выбился из сил. Вышел в предбанник. Повторил этот процесс несколько раз, пока у него хватило терпения в этой парилке. В последний раз Мигула еле вылез — ползком добрался до скамейки. Полежав несколько минут, медленно отошел, пришли силы, заработала, наконец, голова, все ясно стало. Подумал про себя Мигула: «Все-таки молодцы были наши предки-чуваши. С древних времен у каждого была своя баня, несмотря ни на что в этой жизни». Напоследок ополоснулся водой, тело стало розовое. Ободрился весь, как будто скинул с себя пуд грязи. У порога встретила молодая сноха с большой кружкой домашнего пива.

— Отведайте нашего изамбаевского, немного по-своему избахтинского, что учила моя матушка.

— Спасибо вам всем за баню. Притом прекрасный напиток — ядреное, лучше этого еще нигде не пробовал.

— Рецепт приготовления пива передается из старших поколений нам.

— Да уж, ничего не скажешь. В городе такого не попробуешь.

С таким удовольствием вздохнул Мигула.

— Может, приляжете, немного отдохнете?

— Разумное предложение, в самый раз. Соглашусь с вами.

В гостиной стоял большой угловой диван. С ходу плюхнулся сюда на мягкое, свободно разлегся на всю длину, вытянулся. Почувствовалась внутри такая благодать, стало так хорошо Мигуле, что еще сильнее, чем прежде, захотелось жить на этом свете. Лежа на мягком месте, размышлял по-своему. Очень был похож Ваня на своего отца — копия. Лицом такой же белобрысый и характер взрывной, как у Ивана. Прямо на удивление, всем точь-в-точь одарила сноха Лида на этом свете своего сына.

Сноха ушла в спальную, укладывать внучку. Молодежь — в свою комнату. В доме настала тишина, только из форточки было слышно, как проезжали автомобили. Лежа на диване что-то совсем не хотелось отдыхать. Наоборот — освежился, прибавилось силы в теле. Телевизор совсем не хотелось смотреть, надоел еще в городской квартире — каждый день одно и то же. И без этого было много эмоций. Рассматривал весь большой дом, каждую частицу. Жаль было только одно — что не успел Иван пожить в этих хоромах. Помнит, когда был еще мальчишкой, стояла у них маленькая избушка. Жили в ней брат и сноха, еще совсем молодые, но видно было по глазам: такие счастливые и довольные. Умер брат Иван, сноха осталось с животом — сыном. Больше не выходила замуж Лида. С большой любовью вырастила дочь Розу и младшего сына Ваню. Сумела поставить их на ноги, воспитала не хуже других людей. Еще хватило силы построить такой большой дом. Ей только одно — хвала и уважение мудрой женщине.

Все не лежалось на одном месте на мягком диване, когда была ностальгия, хотелось видеть, походить. Все дома отдыхали. Тихо ступал по доскам Мигула, чтобы не скрипнуть, не потревожить никого. Оказался во дворе, походил здесь. Залаяла собака, чтобы замолчала, вернулся обратно на кухню, собрал все кости куриные, дал этой дворняжке. Накинулась на еду, все равно рычала, грызя мослы. Больше было не интересно находиться здесь. Открыв калитку, вышел на дорогу.

XI

Увидел рядом дом Соти. В последний раз Мигула был у него с братишкой Сашей несколько лет тому назад. Вот как это происходило.

Приехал из Чебоксар Мигула вместе с сыном Володей и прямо к дяде Авдику. К сожалению, никого не оказалось дома. Оставил гостинцы на веранде. Мигула знал, где работает Саша — с утра заправив всю колхозную технику, целый день свободен. А братишка решил время зря не тратить, а еще подрабатывать в кооперативе. При въезде в село Янтиково находилось длинное белое здание. В цеху одни обрабатывали шкуры. А в отдельной комнате расположился Саша, на своей машинке «Зингер» строчил меховые изделия. Как увидел Саша, раскинул руки по сторонам:

— Здорово, что приехал, Мигула!

Обнялись крепко, по-мужски, братья. Взглянул в сторону. Около дверей стоял Володя.

— А это что за шкет?

— Мой сын младший.

— Дай-ка я ему сделаю свой подарок — сошью на голову чего-нибудь.

Где-то примерно через 15 минут спешит к нему с готовой шапкой.

— Ну даешь, братишка. У тебя руки золотые.

— Пришлось научиться. Жизнь заставила.

Позвав Юру из цеха, Саша вытащил из-под полы бутылку коньяка.

— Дали клиенты за мою работу.

— Об этом ты, Саша, ничего не говорил.

— Думал, после работы, Юра, оприходуем с тобой.

Махнув в сторону, где стоял Мигула:

— Приехал брат. Кстати, познакомься с ним.

Пожав руки друг другу, разошлись в разные стороны. Выпили на троих прямо с ходу по стакану.

— Хватит на сегодня, шабаш. Брат приехал ко мне в гости!

Направились прямо в Изамбаево, разговаривали, весело вышагивали по дороге.

Остановились у двора Соти — большого строения в этой деревне.

— Заглянем к нашему дяде. Наверно, ты ни разу не был?

— В этом, Саня, угадал. Но как-то неудобно. Притом мы с тобой выпившие.

— Ничего, в самый раз. Немного подогрелись, язык теперь подвешенный.

Сзади такой голос недовольный:

— Вы про меня забыли. Чтобы вам не мешать, пойду к дому коренному. Чего мне с вами рассиживаться?

— Умное предложение, ничего не скажешь.

Вдогонку Володе крикнул Саня:

— Там жена должна быть. Она тебя покормит.

Вдвоем завернули в калитку. А тут полный двор скотины. Зашли вовнутрь. Никого не было видно. Громко так Саша:

— Есть ли кто-нибудь здесь?

Из-за перегородки показалась голова Соти.

— Не кричи, не в лесу. Все нормально слышно.

Увидев их, Соти им навстречу с большим уважением:

— Проходите, присаживайтесь, мои племяши.

— Спасибо вам. Прямо сходу такой чести удостоились.

— Все-таки свои. Ничего не скажешь.

Присели на стульчики со всеми вместе. Появилась его жена, поздоровалась, ушла на кухню. Оттуда притащила бутылку и нарезанное шматками мясо на большой чашке. Соти всем налил по полрюмки.

— Что ты делаешь, дядя? Давай-ка нам по полной, до самых краев.

— Если хочешь, об этом даже разговора нет.

Весь возбужденный, привстал Саша со своего места.

— Это обижаешь нас, недолюбливаешь.

Спокойным тоном, как будто ничего не бывало:

— Могу налить, сколько хочешь за раз.

Посмотрев на него, более уверенный в себе:

— Запомни. Полный наливают обычно непрошенным гостям: выпьешь полный, перевернешь свою посуду и уйдешь.

Уверенный в себе Соти с улыбкой спокойной, отнесся с добротой к своему племяннику:

— Почему налил вам по полрюмки? Потому что хочется общаться с тобой и Мигулой, а во время беседы буду подливать, чтобы длилось дольше наше общение.

Буркнул себе под нос Саша:

— Все равно. Я-то не привык тянуть время.

— Честно говоря, мне с вами, племяши, не хочется с ходу расставаться, хочу поддержать чувашские традиции.

Подняв палец перед собой, Соти:

— Учил этому мой отец Петр Иванович.

Еще более уверенный в себе Соти:

— Правда, раньше не пили водку, а угощали пивом, подливая в бокалы.

Поняв его, стало стыдно Саше за свой бестолковый разговор. Опустил глаза, порозовели щеки. Даже в себе неуверенный, шокированный Саша опять присел на прежнее место. Ему как прежде полрюмки. Только теперь довольный, успокоивший свой пыл. Повел свой разговор Соти:

— Вспоминаю свои юные годы, когда был вдалеке от дома. У нас здесь в Изамбаево красивые места, протекает река Була. Обзор хороший. Не наглядишься на родные поля — так и тянутся! А душа отдыхает — нет конца эмоциям!

С тех пор Мигула ни разу не был у Соти.

XII

Видит, у ворот стоит дядя Соти, машет рукой:

— Подойди сюда, племяш. Надо с тобой поговорить, а то живешь в городе, редко видимся.

— Ничего не поделаешь, становится еще трудней с этим кризисом.

— Дерьмово живем в настоящее время.

— В этом, конечно, прав, дядя.

— Бывало раньше — соберемся до единого всей родней Жирновых.

— Теперь встречаемся только на Симек.

— Зайдем ко мне. Нехорошо получается встречать гостей на улице, не по-нашему, не как у Жирновых.

Вначале было неудобно с пустыми руками заходить.

— Когда была у твоего брата Ивана свадьба, целую неделю гуляли, ко всем родственникам заходили, и, конечно, меня посетили.

— Уговорил, раз такое дело — надо уважить своего дядю.

— Правильно мыслишь в этом вопросе, племяш.

Пропустил вперед дядя Соти своего племянника. Встретила тетя, еще с ней рядом была какая-то женщина в гостинной.

— У моей жены двоюродная сестра. Тоже живет в Чебоксарах, на Чапаевском поселке.

Приветливо тетя с улыбкой спокойной:

— Как раз вовремя появились у нас. Успели накрыть на стол. Без разговоров присаживайтесь с нами.

Быстро Соти налил по рюмке, успел взять и привстал:

— Давай за наш род, процветание Жирновых.

Пробасил Мигула, вставил слово:

— Еще за Изамбаево, чтобы стояло веками на этом месте без всяких изменений.

Заулыбались все, остались довольны этой речью. С ходу гостю положили на тарелку кусок ширтана. С удовольствием Мигула начал жевать чистое мясо.

— В настоящее время чем занимаетесь, дядя Соти?

— Давно на пенсии, но все просят, чтобы в колхозе как прежде был бригадиром.

— Это как в старые времена, что ли?

— Получается так, как говоришь, племяш.

— Пора отдыхать, дядя. Сколько можно работать безвылазно?

— С удовольствием бы расслабился, но ведь молодежь, особенно мужская половина, не хочет работать за копейки, уезжают работать в Москву. Я тут у себя на родине, надо поддержать.

Озабоченный был вид у Соти. Причмокнул губами несколько раз.

— Порядок перевернулся в нашем государстве. Никак не пойму: раньше работы — непечатый край. Наш колхоз «Победа» шумел на всю Чувашию, даже по России не умолкала слава, всегда в передовиках.

— Помню, тогда председателем был Евтихеев Александр.

— В то время было много денег в колхозе, но руководство из министерства сельского хозяйства не давало полностью развернуться. Да еще Евтихеев Александр слишком был честный человек.

— Видел наяву своими глазами, как шепетилен в этом деле.

Старался Мигула говорить более спокойно, но внутри всего бесило от несправедливости.

— Приходил ко мне дядя Саша, посидели у меня, угостил грибами. Потом решили пойти в гости к дочери. Живет от нас неподалеку, рядом с универмагом «Шупашкар» в девятиэтажке в секционке. Со своей честностью даже не смог купить квартиру хотя бы кооперативную своей родной дочке.

— У нас изамбаевских есть такая порядочность, особенно у старых. Знаю я непонаслышке. Каждый день встречаюсь с ними и раньше их встречал с малых лет.

Взбурдаженный весь дядя Соти в этот момент:

— Повторим еще раз по маленькой, по полрюмки.

— В прошлый раз приходили с братишкой Сашей, все понемногу. Накачались, что еле ушли отсюда.

— Ведь хочется угостить своих родственников. Заодно поговорить от души.

— В этот раз уважил вас, дядя Соти, выпил полрюмки. С меня этого раза вполне хватает.

— Может немножечко? Вон стоит в серванте шампанское, прямо глядит на нас.

— Спасибо за уважение, дядя. Вкусное угощение было, но сегодня собрался на футбол. Назначено в шесть часов. Пригласил один из Романовых — Альберт.

— Наверное, который спортсмен в рукопашном бое?

— Угадали правильно, дядя Соти.

Взглянул на стенные часы, резко ткнул пальцем:

— Смотри-ка, как раз подошло время.

— Интересно знать, кто с нами собрался соперничать?

— Обещали, говорят, приехать ребята из Лаш-Таябы.

Развернулся Мигула уходить, сзади послышался голос сестры тети:

— Возьми мой телефон. Начнем созваниваться с вами.

— Надо было вначале самому предложить. Не догадался сразу. Минус с моей стороны.

— Ничего, со всеми бывает, когда получаешь положительную энергию.

Обменялись номерами телефонов.

На прощание Мигула махнул рукой, не спеша вышли на веранду с дядей Соти.

— Больше не смею задерживать, племяш.

Сам прикоснулся к голове Мигулы, крепко на прощание обнял.

— Старайся не забывать меня, старика. Нас осталось мало Жирновых — одни девочки. И у самого две дочери.

— Все понял. Больше нет слов в ваш адрес, дядя.

С ходу со двора прямо на улицу вылетел Мигула.

XIII

Направился в другой конец деревни Изамбаево, в сторону села Янтиково. Проходил мимо дома Романовых — крыша покрыта совсем новая. Здесь прямо около их ворот стояло несколько машин, даже джип с московскими номерами. Вокруг этого места бегала детвора, всю шумели, слышен был издали веселый смех. У забора на скамейке расположилась маленькая женщина — матушка Романовых Ольга Кузьминична. Слегка так в приветствие махнул рукой ей.

— Будь здоров, мужчина.

— И вам тоже желаю этого, доброй женщине.

Удивительно, у нее было радостное лицо — прямо сияла вся. Чуть ли сама не готова бегать с внуками. Подбежал мальчишка, весь потный:

— Бабуля, помоги мне снять футболку, заодно и шорты.

С радостью взяла за край майки, подняла, сняла, шмякнула на доску.

— Хоть выжимай, весь мокрый!

Сама провела ладошкой по спине несколько раз:

— Надо же, Аркаша, весь промок. Хватит, наверно, бегать в такую жару?

— Бабуля, дорогая, можно сходить сзади нашего огорода, искупаться в Буле?

— Не знаю, ничего не могу сказать с ходу вот так, — посмотрела на окно своего дома, — пойду спрошу у сына Валеры или у снохи Наташи.

Подбежала девочка, обняла ее:

— И я тоже хочу с братом пойти на реку.

— Успокойся, Аня, сейчас все разужнаю конкретно у своих.

Поднялась со скамейки, направилась в дом. За ней последовала вся ребятня.

Смотрел вслед Мигула, подумал вот о чем: такая маленькая хрупкая женщина. Хватило силы у нее родить 15 детей. Надо же еще было поставить их на ноги. Это, конечно, подвиг, да притом в наше время настоящий героизм. Вот кому надо ставить памятник при жизни.

XIV

Дальше не торопясь вышагивал Мигула по изамбаевской дороге. Дойдя до конца улицы, завернул налево. Открылся простор до самой реки Булы. Прямо у самого берега стоял белый домик. Строение прошлого. Когда-то был электростанцией, работал на воде, давал свет. Теперь стояли высоковольтные железные опоры, показывая современный жизненный быт здесь. С левой стороны находилось Изамбаево, а справа — Янтиково. Раньше тут собиралась молодежь, устраивали Акатуй, водили хороводы, плясали у костра. До самого утра не смолкал веселый задорный смех. С рассветом уходили по парам в разные стороны.

Рассказывала матушка, как была у нее первая любовь здесь. Не успели пожениться, жениха забрали на войну в 1941 году. Не дождалась своего любимого — сгинул на чужбине, в сырой земле. Горевала долго матушка, вообще не хотела выходить за другого, думала остаться старой девой, беречь в сердце первую любовь. Только через три года вышла замуж.

XV

Теперь здесь было видно издали футбольное поле. Бежали ребятки, гоняли мяч, во всю свою прыть забивали голы. Длинная скамейка совсем была пуста. В сторонке

ходил Захаров Миша, на его футболке была надпись большими буквами «Лаш-Таяба». К нему подошел Мигула, спросив:

— Где твои друзья, Миша? Назначено было на шесть часов вечера, а сейчас уже половина.

— Обещали приехать лаш-таябинские, сыграть с нами в футбол. Все что-то нет.

Он посмотрел в сторону, где находилась деревня. Подошли две девчонки, совсем молодые, высокие. Как говорят мужчины, ноги растут от самых ушей. Видно сразу, что они городские по их одежде, по манере себя держать, высоко задрал нос. Приехали, видно, со своими родителями. Обратились к Мише, что-то спросили у него. В ответ он им сказал пару слов со своей довольной улыбкой. Болтая между собой, сели на скамейку почти рядышком с Мигулой. Со стороны присоединились к девчонкам такого же возраста мальчишки. Видно было, их знакомые. О чем-то вели беседу в поднятом настроении. Мигула не прислушивался к ним, к их пустому разговору.

Мигула посидел на одном месте где-то с полчаса. Надоела вся эта скукота. Встал, медленно зашагал обратно в Изамбаево.

XVI

Дошел до дома Чермаковых. Стояла пассажирская газель, вовнутрь набивались люди.

Увидел знакомое лицо — Зося. Махнул рукой с веселым настроением.

— Поехали с нами в Чебоксары, как раз для тебя есть одно место, прямо как по заказу.

В ответ спокойно, без эмоций Мигула высказался:

— Обещался Романову Альберту посмотреть футбол, поговорить как положено с ним.

— Посмотри на время. Уже восьмой час. Какая там может быть игра?

Махнув рукой на небо, с веселыми эмоциями высказался Зося:

— Вон с той стороны, где Старые Тойси, надвигаются темные тучи. Как затянет весь горизонт, начнется дождь.

— Об этом можешь не беспокоиться, сейчас лето. Да притом в этом месяце самые длинные дни.

— Тебе виднее, Мигула. Предложить хотел как лучше. Безвольно сморщив свое лицо, Зося:

— И мой племянш Серега помешался на этом футболе. Остался, хочет посмотреть, по возможности поиграть.

— Приезжал твой брат дядя Петя летом. Остановился у племянницы, у Шумковой Лиды.

— Это она по мужу Шумкова, а так в девичестве Маркова.

— Слушай дальше: у нас в Чебоксарах в поликлинике работает янтиковский Овчинников Иван Иванович.

— Знаю я, твой племянш — Иван Иванович, певец Христофоров — Иван Иванович и Овчинников — Иван Иванович — и все яльчикские.

— Бывает такое редкое совпадение.

— Слыхал я, про Овчинникова слава идет — хороший протезист.

— И потому приехал дядя Петя сюда даже из Москвы вставлять зубы у Овчинникова.

— Позвонила Шумкова Лида, что приехал дядя Петя, ждет меня у них.

— И чего там у вас получилось?

— С ходу, нисколько не раздумывая, поехал к нему, встретились. С такой радостью показывал свои зубки, шелковая ими. Говорит, что сидят, как будто они и были здесь давно.

— За встречу выпили хоть немного что ли?

— Достал из холодильника бутылку водки «Акатуй». Говорит: «Нельзя пить. Еще не до конца сделал зубы. С похмелья будет пахнуть неприятно, неудобно будет лежать перед Иваном Ивановичем с открытым ртом».

— Знаю брата — скажет, как отрежет.

— Само собой, и я отказался пить. Что, псих-одиночка что ли — лакать, а все будут смотреть на меня. Поставил бутылку на место в холодильник. «Появлюсь здесь через три месяца, как раз осенью золотая пора. Посидим на природе, мирно побеседуем».

— Это было бы замечательно — со своими общаться.

— Ему говорю: «Дядя Петя, вы не возражаете, если позову Евтихеева Александра и заодно Кудрявцева Николая Николаевича?». «Наоборот, рад».

— Конечно, и я бы пришел с большим удовольствием.

— В итоге так и не приехал дядя Петя, даже нынче не был на Симек.

— Наверно, финансовый кризис.

— На пенсии, еще работает. Какие могут быть у него трудности?

— Не знаю, ничего не могу сказать. Может, детям помогает?

Сзади Зосю толкнула его жена кулачком в бок. На вид оказалась здоровая женщина, больше его.

— Хватит. Своей болтовней бестолковой не задерживай людей.

Еще раз подтолкнула его в сторону автомобиля. Схватился за стены газели, запрыгнул вовнутрь Зося, уселся у входа.

— Ладно, увидимся в городе. У тебя есть мой номер телефона? В случае чего созвонимся, поговорим спокойно, без нервов, по-человечески.

— Замечательное предложение! Поддерживаю.

Захлопнулась дверь машины. На полном ходу вылетела на дорогу, поехала в сторону Янтиково, Кушку, Старый Тойси, Батырево и в Чебоксары. Стоял в раздумьях Мигула: куда пойти, в какую сторону?

Увидел знакомое лицо — Зося. Махнул рукой с вызывающим настроением.

XVII

В это время по дороге мимо него промчалась иномарка с московскими номерами. Без промедления Мигула последовал за машиной. Проходил около дома, где на фронтоне висел динамик, говорило радио. Хлопнула калитка, оттуда вышел мужик плотного телосложения, с ходу к нему:

— Кто проехал на автомобиле? Из наших земляков?

— Даже не знаю что сказать. Внимательно не успел посмотреть.

— Жаль, конечно. Обязательно хотелось увидеть Романовых и поговорить с ними.

— А что за вопрос срочный такой, можно узнать?

— В прошлом году день деревни спонсировали братья Романовы, Захаров Олег, Валера Федоров, Саша Жирнов.

— Ясененько. Теперь мне становится понятно, почему спешите.

— В прошлом году приглашали Ивана Христофорова и Сергея Кувшинова.

— Замечательно получилось у вас. Значит, в этом году будет не хуже.

— Дай Бог, чтобы исполнились твои слова.

Даже засветились у него глаза, прибавил шире шаг.

— Тогда удивило меня одно: Кувшинов Сергей из Шемурши общался с нами, деревенскими людьми, запросто.

Вытер свой вспотевший лоб платком несколько раз:

— А наш яльчикский, задрав свой нос, промчался мимо нас, скорей уехал.

— Наверно, жена ждет, или у него дела неотложные. Как я знаю его несколько лет, за ним этого никогда не замечал: всегда общителен, ведет себя нормально, без всякого высокомерия.

— Что бы ни было, на полчаса мог бы и задержаться, ничего бы не случилось.

— А вы сами всегда в духе бываете?

— Нет, конечно. По-всякому случается.

— И у Ивана Ивановича, наверно, было паршивое настроение.

— Может, вы и правы в этом вопросе. Ничего не могу возразить.

Добрались до места игрового поля. Оказывается, сюда приехал Захаров Олег и вместе с ним фотограф Верблюдов. Сюда приходили люди посмотреть футбол, поболеть за своих изамбаевских. В итоге не появлялись здесь из Лаш-Таябы. Одни мальчишки гоняли мяч по полю. Посмотрев на все это, Захаров Олег расстроился, развернулся. Ребята подошли к нему с упреком.

— Где соперники? Время давно прошло, наступает вечер.

— Сам не знаю. Ничего не могу поделать, земляки. Обещались приехать, не сдержали обещание.

— А нам что делать? У всех настроения на нуле.

— Верю людям. Надеюсь на них.

Захаров Олег плюнул несколько раз в сторону со злостью. Прыгнул в свой автомобиль, опять поехал в Изамбаево. Оттуда прямо в село Лащ-Таябу, поговорить с молодежью и пригласить сюда.

Постоял на одном месте Мигула, поразмышлял по-своему. Наверно, сегодня не будет никакой игры. Медленно, не спеша пошел он в деревню.

XVIII

Прошел больше половины пути, осталось немного дойти до дома брата. Встретил по дороге Евтихеева Александра.

— Куда спешишь, дядя Саша, на ночь глядя?

— Побыл в Изамбаево, иду к другу. Пригласили к одним в Янтиково — к Иванову Володе.

— Всегда, что ли, у них бываете?

— Да нет, раньше всегда останавливался у Тарасова Николая — фельдшера-хирурга. Его жена медсестра.

— Сейчас что случилось, дядя Саша?

— Умер года три тому назад. Очень жаль — хороший был человек.

Переглянулись между собой мужики.

— А сам куда собрался, Мигула? Должен находиться за столом со своими близкими людьми.

— Организовали футбол, а самих не видать. Сейчас приезжал Захаров Олег, недовольный уехал.

— Знал хорошо Михаила Капитоновича. Знатный был у Олега дедушка.

— В чём это его неординарность?

— Михаил Капитонович служил в царской армии в Иркутске.

— Далеко же его забросило.

— Офицеры чрезмерно обижали солдат. Больше не выдержали побоев, восстали в 1905 году за свою правду, справедливость.

— Похож на деда, такой же боевой внук Олег.

— Слушай дальше, Мигула: собрали самых активных в одну группу, приговорили к смертной казни и держали их в Александровском центре.

Першило в горле у Евтихеева Александра. Кашлянул несколько раз.

— Вот он говорил: «Каждое утро ждали, что их поведут на эшафот».

— Надо же. От этого могут побелеть волосы.

— Случился неординарный поворот в жизни. Приехал из Санкт-Петербурга генерал и дали пожизненно сидеть в тюрьме. Очень обрадовались этому решению.

— Интересная, оказывается, была судьба у Михаила Капитоновича.

— Началась революция. Их выпустили из каталажки на волю. Радостный приехал в Изамбаево.

— Надо же, удачно получилось у них.

— Выбрали Михаила Капитоновича делегатом на съезд. Рассказывал, как видел Ленина, слушал его выступление.

Слушал внимательно Мигула, стараясь не пропустить ни одного слова Евтихеева Александра.

— Появился здесь Михаил Капитонович, организовал свой колхоз из пяти домов.

Замолчав, Евтихеев Александр смотрел на землю.

— И что дальше было у Михаила Капитоновича?

— Приехало руководство. Он им говорит: «Вы не должны забирать весь урожай, лишь только излишки». Они ему с недовольством наотрез отказали. Михаил Капитонович им в ответ: «Вы неправильно ведете политику. Ленин говорил совсем по-другому. Нельзя губить хозяйство под корень». Они ему с угрозой такой: «Бери свои слова обратно». «Чего надумали меня учить? Когда я уже состоял в партии, вы еще ходили пешком под стол». «Ты — настоящий эсер. Если не возьмешь назад свои слова, из рядов коммунистических исключим». «Своими словами не разбрасываюсь. Что сказал, то и делаю».

Молча прошли несколько шагов, не смотря друг на друга.

— Какой был человек исключительно честный! Погубили его.

— Какова дальнейшая судьба Михаила Капитоновича?

— Исключили из своих рядов. Много переживал. Последние пять лет ему пришлось тяжело. Ослеп, умер мучительно.

– Тяжелая участь выпала на долю Михаила Капитоновича. Что, у него не было друзей?

– Как это? Их было трое в Изамбаево. Еще до революции вели здесь подпольную работу. Один из них, Куропаткин Федор Петрович, в городе Буинске военкомом работал, другой друг его Евтихеев Тимофей Евтихеевич, был командиром полка во время Гражданской войны, в мирное время – первый председатель исполкома.

– Смотри-ка, какими большими людьми были изамбаевские. Михаил Капитонович мог бы попросить их выручить из создавшегося трудного положения.

– Не в его характере унижаться перед ними.

– Дядя Саша, от этого рассказа теперь у меня в душе нехороший осадок остался.

XIX

Теперь не хотелось Мигуле идти по своему пути.

– Давай-ка вас провожу, дядя Саша, немного.

– А что случилось у тебя?

– Растревожили душу. Хочу немного пройтись, успокоить себя.

Продолжали молча идти по дороге в сторону Янтиково.

– Смотри-ка, у Романовых стоят машины, даже прикатил Захаров Олег на своей. Наверно, не будет никакого футбола. Гуляют всюю.

– Не знаю, ничего, Мигула, не могу сказать.

Повернулся в ту сторону Евтихеев Александр, с гордостью какой-то проговорил:

– Замечательные ребята у Аркадия Григорьевича. Был старый домик. Они, видишь, сделали красивый дом, как на картинке.

– Сегодня же заметил новую крышу, такой ни у кого нет в деревне.

– Что можно сказать, когда у Аркадия Григорьевича и Ольги Кузьминичны 15 детей.

– В нашей жизни, конечно, это встречается крайне редко.

– У них отец Аркадий Григорьевич был классным трактористом. Перепахал за свой век нашу землю изамбаевскую несколько раз вокруг.

— Отец живой что ли у них?

— Где-то в семидесятых годах заглянул к ним — лежит на постели Аркадий Григорьевич. Я ему говорю: «Что-то ты совсем раскис». А он мне в ответ: «Александр, наверно, больше не смогу сесть в кабину трактора». А я ему: «Брось хандрить. Еще погуляем на свадьбе у твоих сыновей». «Да, жалко очень. Совсем еще маленькие дети, не смогу им помочь. Все заботы остаются на плечах моей Ольги». Старался взбодрить его своими шутками. На прощание сказал: «Наверно, не выживу».

Глаза тоскливые опустил вниз.

— И что, жил после этой встречи Аркадий Григорьевич?

— Действительно, на следующий день умер.

— Сегодня, дядя Саша, невеселые истории рассказываешь.

— Все реальные, что видел в Изамбаево.

Прошли главную улицу. Обогнали несколько машин, перед самым носом завернули налево, поехали прямо на поле.

— Давай, дядя Саша. До встречи в Чебоксарах.

— И тебе всего хорошего, Мигула.

— Пойду посмотрю, что там будет твориться.

Разошлись в разные стороны.

XX

Из своих машин вывалились несколько крепких мужчин. Братья Романовы Альберт, Валера, Володя. Самый высокий из них Чермаков Сергей. Командовал всеми Захаров Олег.

Не дождавшись гостей из Лаш-Таябы, свои изамбаевские разделились на две команды. Против молодежи выступило старшее поколение. Мужики были с большими животами. Один только среди мужчин своего возраста, Захаров Олег, был строен, как стручок, без лишнего веса, как молодой.

В это время подошел Романов Альберт с добродушной улыбкой к Мигуле, с удивлением к нему:

— Смотри-ка, терпеливый оказался Мигула. Смог прийти сюда!

— Обещался, надо сдержать. Должен своим словам быть хозяином, все-таки мужчина.

Еще больше поднялось настроение у Альберта, когда со всеми вместе выбежал на поле. После свистка началась игра. Бегали старшие с таким рвением, на удивление всем, старались ни в чем не уступать молодежи.

Одно удивляло Мигулу: здоровая масса у Альберта, а носился по полю легко, непринужденно, как мальчишка. Столько было энергии у него.

Постепенно народ начал собираться, с большим интересом скапливаться здесь, даже появились женщины. Более старшее поколение заняло всю длинную скамейку. Встала молодежь безмолвно, образуя свой полукруг. Слышно было, как молодые хохотали с интересом в сторонке. В момент присел прямо рядышком с Мигулой мужчина высокого роста. Бросались в глаза аккуратно поправленные усы, выглядело со стороны очень красиво, как из индийского фильма «Бродяга». Посмотрел в сторону Мигулы:

— Кто ты такой? Почему я тебя здесь ни разу не видел?

— Потому что здесь впервые, если сам был бы изамбаевский, то знал.

— Это правильно говоришь.

— Успокойся, пожалуйста, ради Бога. Здесь начинается мой род Жирновых.

Более убедительно выговорил Мигула:

— Мой брат Иван в нашей семье родился первым, а я третий — Мигула.

— Помню Ивана. Учились в одной школе в Янтиково. Они были постарше нас, одноклассники с Михайловским Михаилом.

— Кажется, Михайловский Миша на один месяц старше моего брата.

— Такие подробности! Тогда все понятно с тобой.

Погладив свои шикарные усы, с улыбкой выпрямив спину:

— Родом я из села Янтиково — Баринов Саша.

— Знаю одного Баринова Колю, мой сосед из Кушки, а его жена в девичестве Смирнова Рая, из вашего села она.

— Да, есть такое. Мой двоюродный брат Коля.

— Теперь мне все понятно.

Со стороны были слышны голоса: молодежь свистела, выкрикивала. Спокойно было невозможно разговаривать, пришлось прибавить тон. Успокоились немного мальчишки, и начали кричать в поддержку девчонки и визжать.

— Сам-то, Саня, где живешь в настоящее время?

— В родном Янтиково, но приходится ездить на заработки на север. Как развалился наш мощный колхоз «Победа», пришлось искать, где платят деньги. Это уже у меня продолжается несколько лет подряд.

— Об одном еще хочу узнать: очень хорошего моего знакомого Барина Юру знаю давно.

— Это мой родной братишка, на два года младше меня.

— Умный человек, потому учился в второй школе-интернате с математическим уклоном в Чебоксарах.

— Головастый он у нас, все изобретает всякую технику.

— Из Яльчикского района учились 75 человек. Руководители, половина из них — ученые.

Подошли к ним два мужика. Один из них, что пошустрей, невысокого роста, вытащил из-за пазухи бутылку водки «Хамар Ял» и подсел к Барину Саше. А он сходу повернулся к нему:

— Будешь с нами по чуть-чуть, по грамму?

— Нет, ребята, при всем уважении к тебе, Саня.

Положив правую руку на сердце:

— Огромное спасибо за такое предложение, Саня.

— Хотелось уважить тебя, Мигула, еще поболтать немного. Вижу, что ты нормальный человек.

— Я тут рядом, никуда не ухожу. Об этом можешь даже не беспокоиться.

Посмотрев в его сторону, подмигнул Александр:

— Может, все-таки за компанию?

— Видишь, Саня — вон бегают по полю Альберт. Мне еще с ним надо поговорить.

— Знаю я его хорошо. Еще мальчишкой был шустрый малый.

— Он будет выглядеть трезвый, а я пьяный. Разве приятно ему будет общаться с человеком в таком состоянии?

— Понял, не дурак. Больше мне не надо объяснять, Мигула!

Втроем ушли подальше с этого места, от людских глаз, особенно стараясь от молодежи, чтобы не показывать плохой пример. Сидя на скамейке кричали даже люди старшего поколения. Некоторый раз не выдерживали нервы, вскакивали со своих мест, махали руками.

С другой стороны стояла молодежь, свистели вдогонку, кричали, что есть силы, надрывая горло:

— Давайте, ребята, бейте точнее по мячу!

Если не получалось у кого-нибудь из игроков, с большим сожалением вздыхали. С таким раздражением выкрикивали наблюдавшие за футболом:

— Ну мазила! Сапожники совсем никудышные!

С недовольным тоном:

— Наверно, ноги кривые, обходишь мяч, не можешь попасть в ворота.

С разными криками со всех сторон проходила игра.

Появились тучи теперь со стороны Буинска, соединились с батыревскими. Затянулись над Кушкой и Янтиково дождевые облака. На поле становилось совсем темно, плохо видно было мяч. А счет был два-два, никак не менялся. Никто не хотел уступать в этом соперничестве. Когда совсем стемнело, обе стороны наконец решили назначить пенальти.

В итоге счет стал три-четыре. Победило старшее поколение. Взрослые мужчины радовались как маленькие дети, обнимали друг друга, поздравляли с победой, благодарили за хорошую игру, хлопая ладошкой по спине — были очень довольны. В это время Верблюдов начал фотографировать: молодежь отдельно, и там же старшее поколение. Потом закричал Романов Альберт:

— Присоединяйся к нам, народ, в одну изамбаевскую артель.

— Да ладно, Альберт, мы же не играли.

— Зато поддерживали нас, и мы смогли выиграть этот матч.

Подбежал Альберт к скамейке, почти каждого из присутствующих выводил за руку в общую кучу. Когда собра-

лись все воедино, успевал только нажимать на кнопку фотоаппарата Верблюдов. Радостный Альберт из своего джипа вытащил несколько бутылок. В темноте не было видно этикетки водки.

— Давайте за наше Изамбаево, необыкновенно дружное. Одно хочется сказать: молодцы, не пали духом, что не приехали из Лаш-Таябы.

Поднял над собой пластмассовый стакан и крикнул несколько раз вместе со всеми рядом стоящими:

— Ура! Ура! Ура!

Выпил со всеми Мигула. Оказалось — водка как вода. Немного погодя ударило в голову, так нежно, незаметно. Легко, туманно стало.

— Мы, старшее поколение, все-таки победили молодежь. Есть еще порох в пороховницах.

Женщины сидели на скамейке. Одна из них ехидным тоном обратилась к Захарову Олегу:

— Попробуй у вас выиграй. Тогда точно накостыляете молодым.

Она развернулась, выставив грудь вперед:

— Один ты чего стоишь, Олег, чемпион международных боев без правил.

— Ну у тебя язык, Еланька. Как сверло буришь, трогаешь за самое больное место.

Еланька немного сузив свои глазки:

— Что, неправду говорю? Альберт — мастер по рукопашному бою, махом всех повырубает, настоящий богатырь.

Улыбаясь, Еланька шелкала семечки без остановки, еще пуше вытянула свою мордочку вперед. Рядом сидевшая соседка толкнула локтем в бок с неприязнью:

— Брось, Еланька, критиковать наших парней. Вон они какие молодцы — приехали из Москвы, себя не посрамили.

— Если такие замечательные, то их целуй и поздравляй!

— И стану. Мне этого делать не зазорно. Должны мы гордиться, что у нас такие изамбаевские ребята. Хоть куда с ними можно пойти, не страшно.

Легко выпрыгнула подружка со своего места, с нежностью, с благодарностью поцеловала в щеку Захарова Олега:

– А ты, Олег, поменьше ее слушай. Хорошо знаешь, какой у нее язык противный – всем достается.

– Ничего подобного. Надо немного позлить, а то совсем носы свои задрали и сверху «кто мы такие».

– Да ну тебя, Еланька! С тобой болтать – нервы портить, время зря терять.

Мотнул головой Захаров Олег, пошел в другую, общую компанию мужиков. Присоединившись к ним, Захаров Олег вместе со всеми начал смеяться от всей души. Разносился звук веселья, задорные голоса по всей округе в ночной тишине. Наигравшись, уставшие стояли, никому не хотелось уходить с этого места.

Весь спокойный Романов Альберт, расположивший к этому настроению общество, с легкостью из своей машины взял с сиденья часы, одел на руку. Видно было по лицу, что Альберт доволен сегодняшним днем, что так удалось провести время, ни на одну минуту не оставили его без внимания. Со стороны скамейки к нему подошел Мигула. Открыв свою сумку, достал книги «Родственники» на чувашском языке, начал раздавать каждому из участников.

– А что такое, Мигула? Не понял я, – вертел в своих руках книгу Альберт.

– Это только победителям от автора.

– Теперь понятно.

– Все-таки молодцы, Альберт, не стали унывать, что не приехали ребята из Лащ-Таябы играть, организовали по своему усмотрению мудро.

– Главное – участие.

Выглядел совсем по-другому: спокойно, всего лишь отдыхает душа среди своих в Изамбаево.

– Что интересно, твои братья Валера и Володя в одной команде поддержали, бегали не хуже молодых.

– Как же, мы все-таки Романовы – всегда дружная семья.

– Радует меня одно: ребята Изамбаевские в этом плане очень классные.

Вздыхнул полной грудью Альберт, голову поднял наверх. На небе сверкали звезды. Раскинул руки по сторонам.

— Это — родная земля моя, изамбаевская, — посмотрел вокруг себя, — много сил дает во всем. Приезжаю сюда в отчий дом испить живую воду из колодца.

— И у меня, когда навещаю дом, где родилась моя матушка, просто душа отдыхает.

— Подумать только, что стоит глотнуть изамбаевского воздуха!

— Нравится еще одно: попить молока парного, почувствовать себя прекрасно в тот момент.

Мигула поддержал разговор с Альбертом.

Теперь такой довольный был Альберт, видно было со стороны невооруженным глазом.

— Приезжай-ка в Изамбаево, Мигула, на день деревни 18 июля.

— Предложение хорошее, очень радует меня. Спасибо за приглашение сюда.

— Если будешь, обязательно дадим тебе выступить перед нашими изамбаевскими земляками.

Весь опешил Мигула, даже отошел на шаг от него в сторону:

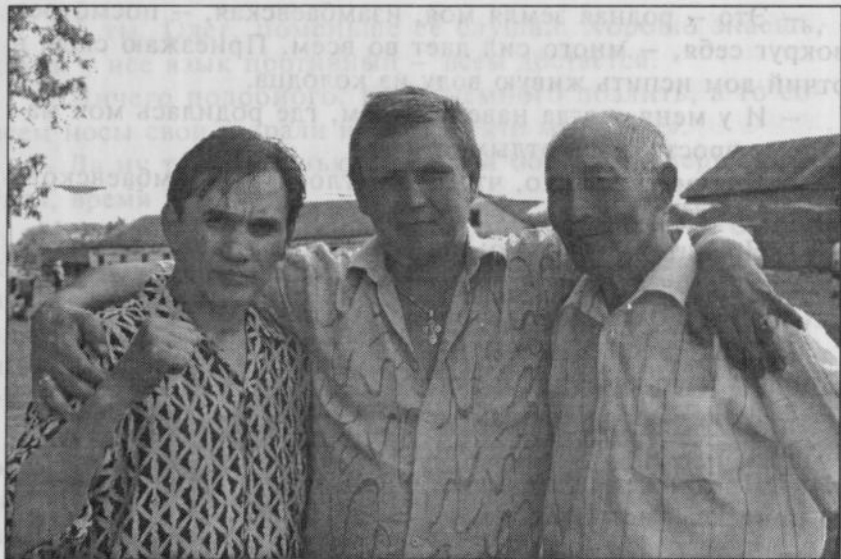
— Даже не знаю, что и сказать. С бухты-барахты, вот так сразу?

— Удивляешь, Мигула. Неужели не найдешь слов? Не мне же вас учить общению.

— Времени предостаточно. Надо подумать хорошенько над этим, Альберт.

— Видишь, сам же ответил на свой вопрос.

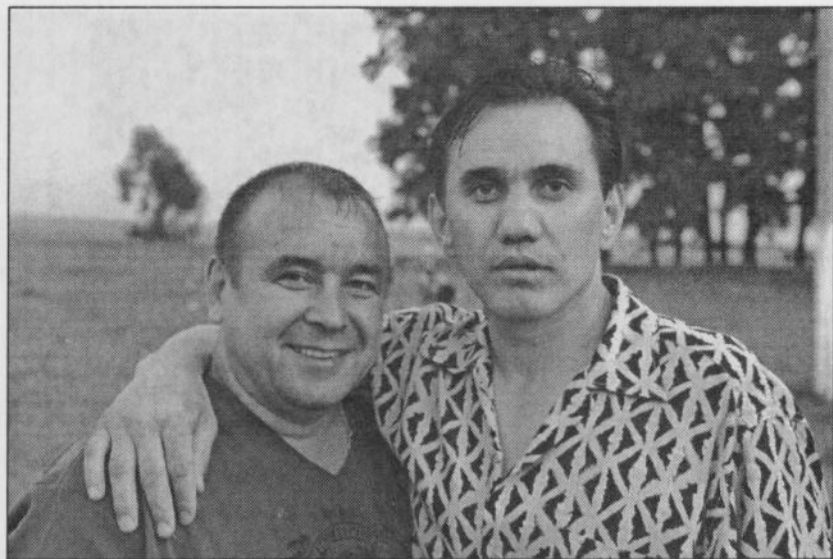
Оба улыбнулись по-свойски, стало легко внутри. По-знакомились вроде сегодня только у ворот на кладбище, а стали очень близки, доверительно относились друг к другу, как будто знакомы были давно. И что-то тянуло обоих к душевно близкому отношению, наверное, родная земля. Наверно, рядом ходили предки, через них передавалось доброе расположение. Наверно, потому доходило близкое отношение. Раньше бывало в Изамбаево нельзя было сходить с одной деревни. Обязательно должны были быть люди с другой местности, чтобы перемешивалась кровь. За этим в Изамбаево строго следили старики.

Олег Захаров, Александр Осипов, Геннадий Туманов

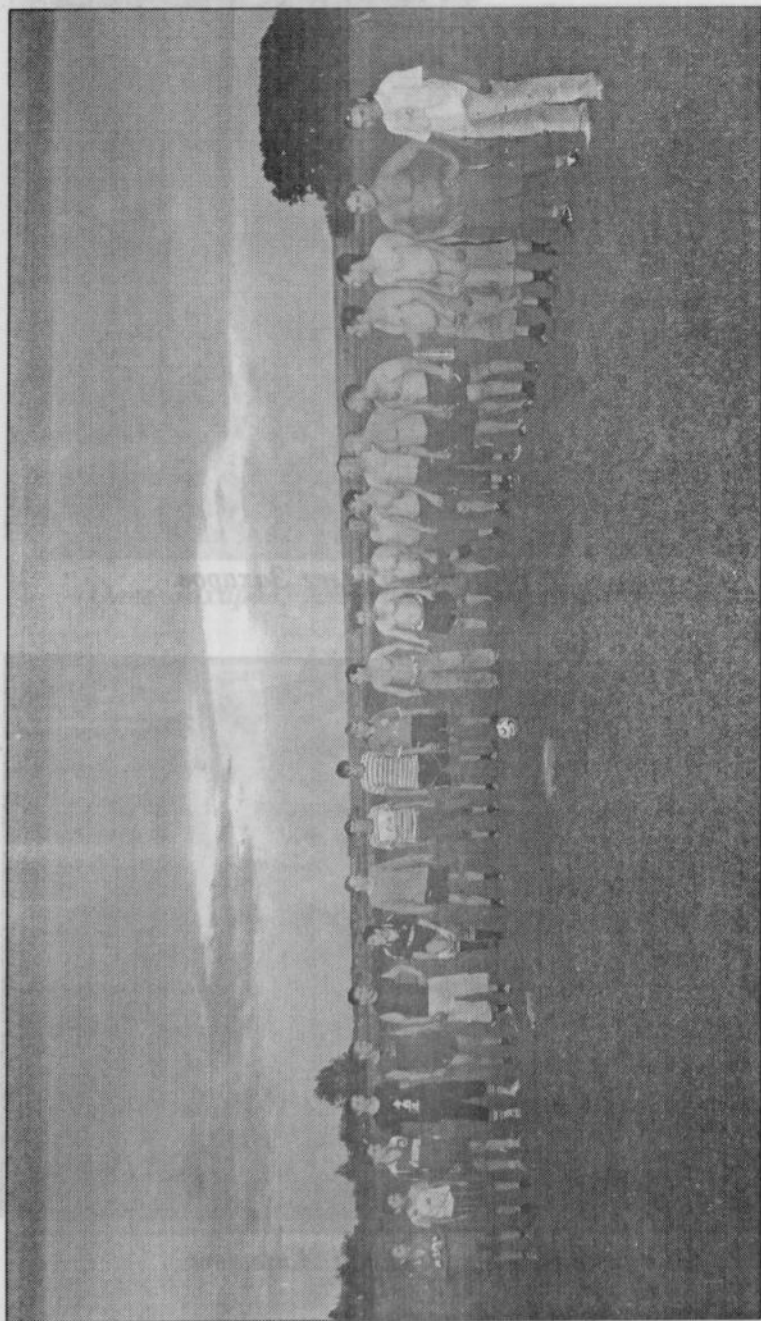
Река Була

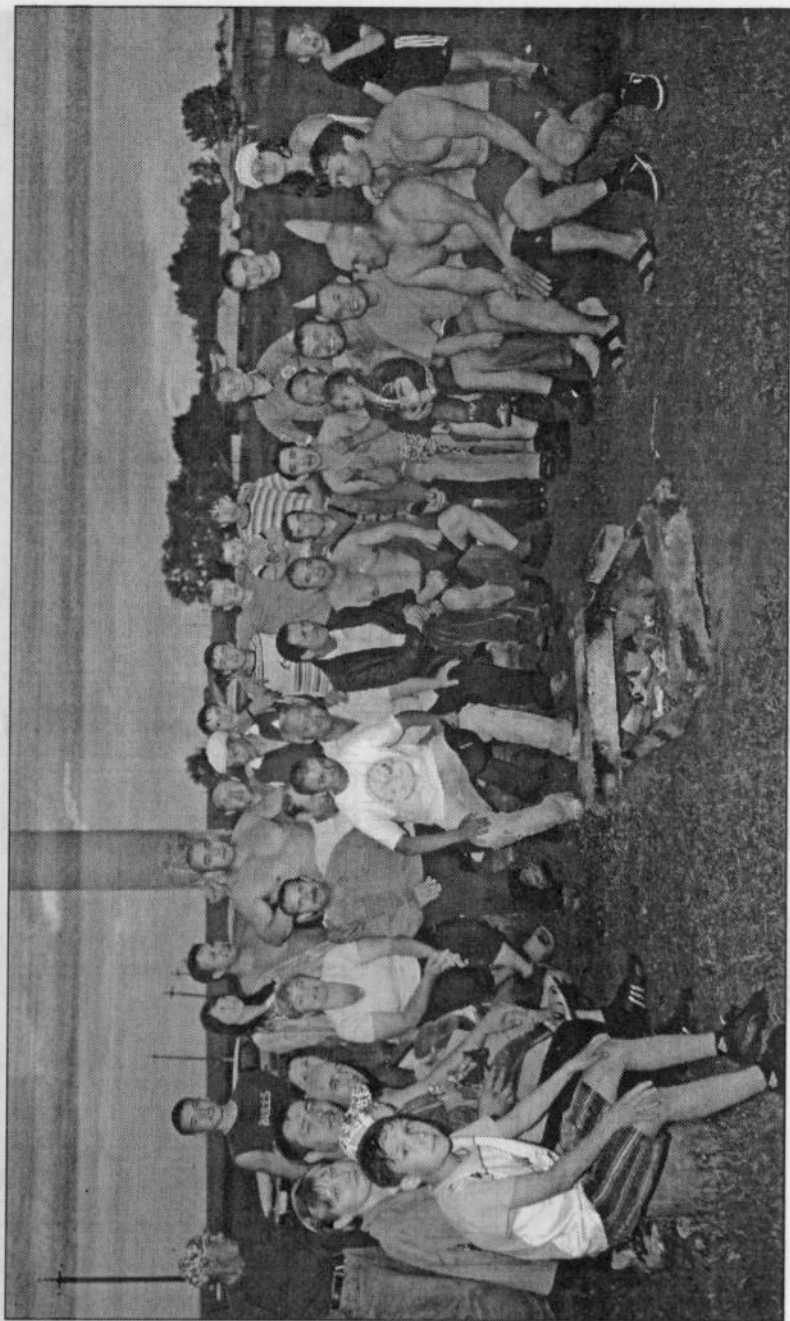
Валера Романов и Олег Захаров

Вячеслав и Василий Жирновы

В деревне Н. Изамбаево перед началом игры в футбол между молодежью и старшим поколением

После игры в футбол, старшее поколение обыграло молодежь со счётом 4:3

*Ольга
Романова —
«Мать
героиня»,
мать 15 детей*

*Александр Жирнов
(Сотти)*

*1 ряд: Людмила Максимова, Лидия Шумова, Петр Чермаков, Елена Масюрова,
Минадора Маркова. 2 ряд: Александр Шумов*

XXI

С другой стороны от ребят подошли братья Валера и Володя. С поднятым настроением, оба улыбались, особенно Валера со своим добродушным характером.

— Как не хочется уходить. Может быть, еще раз сыграем?

— Давай, не прочь. Еще есть сила у меня, Валера.

— Это хорошо, когда есть чувство юмора и силы, парни. Переглянулись между собой все здесь стоящие.

— Ну что, поехали домой?

— Конечно, куда еще в такой поздний час, мои дорогие?

Со спокойствием, большим уважением обратился Альберт:

— Что стоишь, Мигула? Присаживайся на переднее сиденье со мной. Довезу, куда надо тебе.

— Большое спасибо за благородное предложение, — вытянув руку, показал в сторону деревни, — хочу пройтись пешком в эту ночь по изамбаевской земле предков. Давно не было такого удобного случая.

— Говорит о том, что надо бывать почаще, не задумываясь приезжать сюда, не надо забывать своих бабушек и дедушек, свой коренной дом.

— Кто бы говорил, Альберт! Сам-то как посещаешь Изамбаево?

— Сегодня, когда сидели за столом все Романовы, как назло зазвонил сотовый телефон, отвлек меня от пиршества. Отдыхала душа всюю без забот.

— А не мог, что ли, выключить свой аппарат, чтобы не мешали?

— Нельзя. Дела могут возникнуть неотложные.

— И дальше что случилось там у тебя?

— Чего боялся, то и случилось. Позвонили из Москвы — срочно надо ехать.

Хлопнул глазами несколько раз, качнул головой:

— Видишь сам прекрасно, Мигула: все не хватает времени спокойно отдохнуть по-людски, в своем родном доме.

— Понимаю, что ты занятой человек.

— Пойди, Мигула. Чуть было не забыл, — начал рыться в бардачке в своей машине.

— Что так усердно ищешь, Альберт?

— Бумажку. Хотел свой номер телефона записать для тебя. Сегодня все визитки раздал землякам изамбаевским.

— Можешь об этом не беспокоиться. У меня всегда есть с собой.

Быстро ширкнул замком в одну сторону, достал белый листок и ручку, подал Альберту.

С ходу чиркнул свой одиннадцатизначный номер:

— Звони в любое время, если нужно тебе.

— Всегда будет приятно перекинуться несколькими словами.

Сбоку подошел Валера с таким предложением:

— Заодно мою возьми визиточку. С одной стороны номер моего магазина, с другой — прямой мой сотовый. Всегда ношу с собой, держу связь.

С вежливостью подал Валера прямо в руку Мигуле:

— Правда, я не живу в Москве, зато в Чебоксарах работаю успешно.

— Интересно знать: в магазине продавцом что ли, Валера?

— Да нет, всего лишь арендую небольшую площадь под запчасти.

— Понятно. Сразу видно, шустрый. Тоже надо иметь умную голову и смекалку в каждом деле, когда свой бизнес.

Скромно улыбнулся Валера, пошел к своей машине. Еще раз обернулся он, на прощание крикнул:

— Обязательно заходи ко мне в гости, поболтаем. Не стесняйся, Мигула.

— Буду эту мысль всегда держать в голове.

Скрылся в ночной темноте Валера.

Слегка ладошкой провел Альберт по сердцу, с тревогой такой высказался:

— Надо к теще заехать, ждет меня, наверняка, с нетерпением и тревогой.

— Удачи в твоих делах, Альберт. Ну пока, до следующей встречи.

В ответ махнул рукой, захлопнул дверцу своего джипа и поехал. Моментально стало темно под ногами, хоть глаз выколи. Ничего не видно, только чувствовалась под ногами мягкая трава. Сверху светили только яркие звезды и освещали этот мрак. Направился на главную улицу Изамбаево. Сзади и спереди были слышны резкие голоса, разносившиеся по всей долине.

XXII

Вышел на дорогу Мигула, по асфальту вниз. Здесь на столбах висели фонари, было светло. Особенно так казалось после темноты. Шлось спокойно, отдыхала его душа. Торкнулся в дверь. К радости оказалось открыто, не надо было стучать, беспокоить родственников, отдыхавших в этой ночной тишине. Зашел только в дом, у порога сноха:

– Тише, пожалуйста. Все спят после бурного дня.

Говорила сноха шепотом по-свойски:

– Что так долго пропадад, Мигула?

– Ждали целых два часа приезда ребят из Лаш-Таябы.

– Ну и что с ними случилось?

– Непонятно, конкретно никто не знает об этом.

– Значит, что-то не так, если не появились здесь.

– Все равно изамбаевские шустрые оказались: разделились на две команды – старшее поколение против молодежи, не пропало время даром, никто не испортил праздничного настроения у людей.

– Это у нас могут, никогда ни в чем не унывают наши изамбаевские.

Посмотрела сноха еще раз на Мигулу с гостеприимным видом:

– Проходи-ка к столу, Мигула. Наверно, за это время успел проголодаться?

– Вы что, Лида. Время уже позднее, никогда в такое время я не ем.

– А что случилось с тобой, Мигула, непонятно.

– В настоящее время пытаюсь сбросить лишний вес.

– Ну и как, получается у тебя?

– Пока с трудом, но успел скинуть десять килограммов.

– В любом виде человек хорош, какой бы не был.

— Ноги стали болеть, вены распухать, тяжело ходить с таким лишним весом, носить впустую.

Более веселым тоном Мигула дальше повел беседу:

— Теперь стало намного легче ходить, чувствую прилив сил и молодею.

— Если все так, значит замечательно.

Лида еще с большим уважением обратилась к нему:

— Постелила в гостиной все чистое белье, можешь отдыхать спокойно у своих.

Повела его сноха, показала на угловой диван.

— Спасибо вам, Лида, за заботу обо мне.

— Спокойной ночи, чтобы снились в нашем доме приятные сны.

— И вам того же желаю, Лида.

Тихо ступая по полу, чтобы сильно не скрипнули доски, пошла в спальную, пристроилась рядом к своей внучке. Молодые, Ваня со снохой, в другой комнате вовсю дрыхли, слышно только было сопение носом. Здесь было просторно, и воздух был свежий, прямо дуло сюда из форточки. Слышно было, как на улице капал дождь. За день произошло много встреч, тело устало, спокойно отдыхало на мягком диване. Но почему-то в голове крутились мысли, не было спокойствия.

XXIII

Вспомнил Мигула, как приезжал сюда каждое лето в коренной дом. В жару Иван любил есть суп с галушками. Там было много зелени: лука, укропа, яиц, заправлял все сметаной, быстро поедал и скорей убегал из дома в колхоз.

Скучно было одному Мигуле. Девочки свои играли в куклы в одном месте. Решил пойти Мигула посмотреть, что делает брат родной Иван. Оказалось, запряг лошадь в телегу и на ней возил сено в колхозный двор. Со стороны наблюдал Мигула с таким невероятным любопытством на все это, происходящее здесь.

Сзади него послышался голос приветливый и добрый:

— Давай присоединяйся ко мне, запрыгивай сюда на телегу, Мигула!

– Откуда знаете меня, даже по имени?
– Мы же соседи с дядей Авдиком.
– Теперь вспомнил. Мы к вам ходили с матушкой в гости.

– Тетя Анисья – моя крестная.
– Если мне память не изменяет, ваша фамилия – Пчелов?

– Держи мой кардан. Меня звать Володей.
Крепко пожали руки, по-мужски.
– Ко мне хорошо отнеслись, даже очень странно смотреть со стороны.

– Чего удивляться? Мы с Иваном друзья, еще с детства бегали вместе.

– Теперь все становится понятно, как дважды два.
Возили всю со стороны Избахтино сено на конный двор. Запасались кормом на всю зиму.

В желудке было пусто, очень хотелось есть. Неожиданно повернулся Пчелов с улыбкой доброй к нему:

– Наверно, проголодался Мигула за это время?
Промолчал, потому что он попал в самую точку.

– Вижу все невооруженным глазом.
Около своего дома Пчелов резко дернул вожжи на себя:
– Тпру! Стоять на месте!

Соскочил с телеги, забежал на свой двор. Не прошло пяти минут, хлопнула калитка, появился Пчелов. В одной руке держал крынку, в другой – два куска пирога.

– Пей уйран, в самый раз он утоляет очень хорошо жажду!

Поступил так Мигула, с ходу опрокинул вовнутрь все содержимое.

– Ты прав был, Володя, очень приятно и, кстати, с кислицей такой – похоже на квас.

– Сейчас минуточку, еще принесу.
Опять появился с полной крынкой, сверху видно было белое. Сел спокойно на скамейку около забора. Ел хуплу. С таким наслаждением, аппетитом запивал уйраном. Все это в момент съели. Еда оказалась очень сытная. Поглаживая свой живот, Мигула остался очень доволен.

– Ну теперь живем, Мигула.

Хлопнул несколько раз по-дружески по плечу Пчелов. После этого случая еще ближе стал к нему Мигула. Поехали на конный двор, разгрузили сено вилами. Больше не поехали в сторону Избахтино. Распрягли телегу. Хомут и вожжи повесили на место. Вначале Пчелов посадил Мигулу на лошадь, потом сам запрыгнул. Поскакали вдвоем прямо на речку Булу. Сначала тщательно помыли лошадь, до блеска. После этого сами искупались вдоволь. Отпустили лошадь в табун. Радостно поскакал к своей подруге жеребец.

Вечером Иван принарядился, одел рубашку, вышитую чувашским орнаментом тетей Ниной. Покрутился у зеркала, поправляя свой белый чуб несколько раз. С улицы трижды послышался свист. Выскочил Иван, пошли вместе с Пчеловым Володей на Акатуй кадрить девчонок. Ринулся за ними Мигула, получил по носу шелчок.

— А ты куда, малец? Там тебя на веранде ждет постель. Хохоча, друзья зашагали в сторону Янтиково.

Запомнилось одно надолго в это время: запах сена. Жаль было, досадно, как брата убили. Попал Пчелов под гусеницы своего трактора во время обеда, спал под ним. Был Володя с открытой душой, таким и остался в памяти у Мигулы надолго, считай, на всю жизнь.

XXIV

Приснился сон, который был наяву когда-то давно. Все ясно, как прежде бывал в доме дедушкиного братишки Никодима. А там бабушка-хозяйка угощала медом цветочным. Накладывала полную тарелку, с охоткой Мигула уплетал, до чистоты дна. А бабушка с заботой спрашивала у него:

— Еще тебе, Мигула, положить меду?

— Ой спасибо, насытился. Впервые в этом году попробовал.

Отвлекло одно — во дворе бегал троюродный братишка Деомидов Николай, такой весь белобрысый.

— Хочется тебя, Мигула, угостить яблоками.

Посмотрел на бабушку, что она скажет по этому поводу.

– Не стесняйся, Мигула, мы здесь свои, у нас Коля-внук все лето здесь, знает где что, прекрасно ориентируется.

Побежали вместе в сад, набирали ранний сорт яблок белый налив. Рядом жужжали пчелы, но не трогали. Быстро заполнилась чашка, что даже не заметили. Понесли во двор, где стоял стол, а посередине него – самовар. Увидев все это, бабушка с такой простотой:

– Поступим, Коля вот так: отдадим все это твоему брату Мигуле.

– Конечно, я не против. У нас еще есть – на дереве полно.

– Отнесите Авдику, у них нет яблонь, а пустую чашку принесите обратно.

– Все понятно, бабуля. Будет сделано, как сказала.

Принесли, не знали, куда вывалить.

– Поступим вот так: вывалим все в бочку, откуда берем воду поливать грядки.

С ходу опрокинули, полетели брызги во все стороны. Увидели сестры, хохотали и брали яблоки. В момент перетаскали.

XXV

Проснулся Мигула ранним утром, прямо в глаза ударили яркие лучи, со стороны реки Булы светило солнце, приносило радость на эту землю Изамбаевскую.

Хлопнула дверь – с ведром направилась сноха доить корову. Открыла ворота, выгнала корову в стадо. Начала возиться сноха на кухне, слышно было, как шумела посудой. С боку подошел Мигула, посмотрел, что она делает. Выглядела, как будто совсем не спала – вид свежий.

– Чего рано встал, Мигула? Обычно городские любят долго спать.

– Хватит. Сколько можно дрыхнуть?

– Попей свежего молока – вот только что подоила корову.

– Это я люблю, особенно парное, никогда не отказываюсь от такого добра.

В момент сноха подала большой бокал. Взяв с осторожностью, Мигула без остановки опрокинул во внутрь одним махом.

— Еще что ли налить?

— С удовольствием, если нальете.

Повторил так Мигула три раза.

— Мои так не пьют, только с уговором.

— Куда же деваете излишнее молоко?

— Делаю сыр, сбиваю сметану, скиснет если — творог, останется сыворotka — пеку хлеб.

— Уходит все у вас в дело.

— В последнее время неохота топить печку. Сейчас газ — на всем готовом живем.

— Становится понятно, как стало вам легко с этим голубым топливом.

— Не говорите, Мигула. Прямо Божия благодать. Нет заботы о дровах, как раньше, нет головной боли, чем зиму перезимовать.

— Пора мне и честь знать. Только попрошаюсь с Ваней.

Как будто слышал, выскочил сам навстречу, протирая свои глаза на ходу. Выснулась голова белая перед ним.

— Дядя, прости меня, пожалуйста, что не могу проводить до остановки. Устал как собака в этой Москве. Пашешь как заводной с утра до вечера — нисколько не успеваю отдохнуть.

— Можешь, Ваня, не беспокоиться. Все было отлично, лучшего не пожелаешь, — посмотрел внимательно на него Мигула, — притом находился у брата дома, душа отдыхала преспокойно.

Хлопнул по плечу Ваня с благодарностью ему.

— А вам, сноха Лида, большое спасибо за такой прием.

— Всего лишь у нас побыли немного.

— И этого предостаточно, что побыл у вас.

Лида принесла и положила в черную сумку молоко в пластмассовой бутылке, творог в пакете, банку сметаны и даже небольшой круг сыра.

— Куда столько положила, Лида? Как я донесу все это?

— Об этом говорить стыдно. Сейчас кругом ходит транспорт. Это раньше бывало в Яльчики пешком ходили.

Все равно внутри остался довольный за заботу и гостинцы. Спокойно вышел из дома брата. С тревогой стучало сердце, чувствовал себя необычно. У самого душа отдохнула прекрасно: подпитался положительными эмоциями, доброй энергетикой, общением с родными.

XXVI

Неожиданно для себя Мигула вспомнил матушку. Это было еще в детстве. Приехали сюда в Изамбаево летом. Волосы распустила длинные, до самых пят, щеки розовые, румяные, по бокам ямочки, глаза у нее голубые, сливались с небом. Выглядела довольная после купания в реке Була. Прошлась по улице Изамбаево. Видел такую радостную матушку в первый раз в своей жизни. И этот момент запомнился надолго Мигуле. Неимоверно она радовалась своим Изамбаевом.

XXVII

Похожа была ее внучка Роза на матушку Анисью.

В этот раз почему-то не было на кладбище Розы. Рассказала в последнюю встречу такую историю:

— Когда расписывался ее братишка в загсе в Яльчиках, было девять пар. У всех уже невесты оказались с животами.

— Неужели все беременные? Не может быть такого.

— Правда, правда, в этот день торжества, — хохотнула Роза в кулачок, — надо же, как время изменилось.

— Да, ты права, Роза. Раньше бывало: пока не распишешься, в постель не ложились вместе.

— А сейчас проживут несколько месяцев. Если сошлись характерами, тогда только расписываются.

XXVIII

Успел дойти до остановки Мигула. К нему навстречу парень, что шустро крутил головой около серебристой десятки.

— Куда вам надо ехать?

— Одна дорога теперь — в Чебоксары, к себе домой.

— Если вас устраивает такой расклад — двести рублей, то пожалуйста, можете ко мне в салон.

— Что я, дурак, что ли, отказываться от такого комфорта.

— Правильно говорите. На автобусе до Яльчиков двадцать рублей, дальше на газели две сотни.

— Еще хочу сказать: свой баул туда-сюда перетаскивать.

— Лучше давайте-ка вашу сумку положу в багажник, чтобы не мешалась.

— И то дело говорите, молодой парень.

Устроился впереди Мигула. Все стояли на месте.

— В чем дело? Не пойму вас.

— Хочется еще взять пассажиров, чтобы пустому не ехать.

Со стороны Янтиково показался автобус. Парень крикнул людям, что стояли на остановке:

— Желающие, поехали со мной. За такую же цену доведу до Яльчиков.

Кинулись женщины на задние сиденья.

— Смотрите, сшибете еще мою машину.

С улыбкой довольной стоял смотрел парень. Успели трое присесть, занять места. Остались еще двое, но с напором на него:

— Может, и нас возьмете до кучи?

— Нет, одно слово. Не хочу ломать свою машину. Мне еще на ней ездить.

Заполнив свой автомобиль, тихо тронулся с места.

— Однако шустрый оказался ты парень, как посмотрю на тебя! — высказалась пухлая девушка, щеки были красные, как будто накрашены.

— Приходится таким быть в этот кризисный период, да еще учусь в университете — каждая копейка дорога для меня.

— Машину-то на какие шиши купил?

— Это постарались брат с моим отцом — сложились деньгами и купили, а сам он живет в Альгешево.

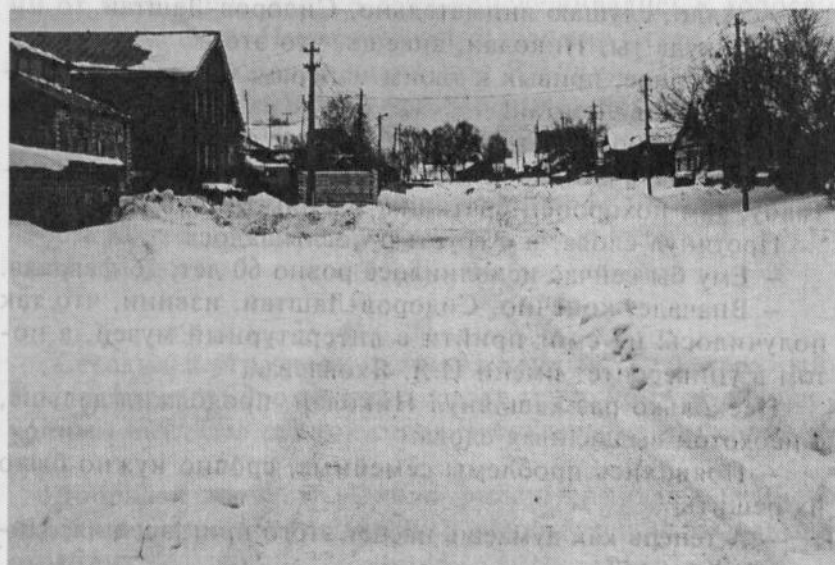
— Ты, парень, молодец. В жизни нашей тяжелой не пропадаешь зазря.

— Мы такие изамбаевские, на ходу не спим, как некоторые.

Все сидящие захохотали. Ехалось с приподнятым настроением прямо с утра.

Посмотрел на дома изамбаевские. Все было родное, в лицо знал многих Мигула. Уезжая, каждый раз с такой тревогой прощался с этим местом, зная, что обязательно еще приедет туда, где родилась его матушка Анисья. Всегда просто отдыхала душа. Видно, обладала целительными свойствами здешняя земля. Наверно еще потому, что здесь ходили дедушки, бабушки и пра-пра-прадеды.

Поездка в Лащ-Маябу

Встав в 5 часов утра, Николай приводил себя в порядок в ванной у зеркала. Только после этого, присев за стол, начал писать. Очень торопился — скорее хотелось закончить книгу. Написано было про яльчикских людей.

Когда уставали пальцы или глаза, чтобы немного отдохнуть от ручки и от напряжения, поглядывал в окно, а там, в стороне был Новоужный лесопарк. За деревьями было видно, как на небе начал появляться нежный, чуть синеватый оттенок. Постепенно, со временем, небо становилось все ярче, отчетливо виднелся горизонт, невероятно красивый, со стороны востока.

Зазвонил телефон, резко вздрогнул от неожиданности Николай. В это утренней тишине звонок нарушил покой мыслей. Подумал, кому это с утра понадобился. Вспомнил — кроме Сидорова-Лаштая так рано никто не беспокоил. Скорее побежал к тумбочке, схватил трубку. Чтобы не разбудить жену, тихо проговорил Николай Жирнов:

- Алло, слушаю внимательно, Сидоров-Лаштай.
- Откуда ты, Николай, знаешь, что это я?
- Наверное, привык к твоим манерам. Сколько лет дружим, Сидоров-Лаштай!

Сделав небольшую отдышку, быстро заговорил:

- Завтра надо ехать к себе на малую родину в Лашт-Таябу, там похоронен братишка Василь-Эктель.

Протянул слова, и с грустью послышалось:

- Ему бы сейчас исполнилось ровно 60 лет, 26 февраля.
- Вначале, конечно, Сидоров-Лаштай, извини, что так получилось: не смог прийти в литературный музей, а потом в университет имени И.Я. Яковлева...

Несколько раз кашлянул Николай, продолжил дальше, с неохотой выдавливая слова:

- Появились проблемы семейные, срочно нужно было их решить.
- А теперь как думаешь насчет этого приглашения, Николай Жирнов?

— В этот раз надо побыть обязательно, без всяких слов. Даже не заметил Николай Жирнов, как заговорил во весь голос:

— А то получается нехорошо: ни разу не был в вашем селе, да притом на могиле Василя-Эктеля, у соратника по перу.

— Если так, Николай Жирнов, давай-ка приходи в 8:30 в Чувашскую государственную филармонию.

Слышен был тон строгости в трубке:

— Прошу, не опаздывай. Там ждать не будем никого!

— Все понятно, Сидоров-Лаштай, без лишних напоминаний.

— До встречи, мой друг!

Положил трубку. Внутри стало спокойно у Николая Жирнова. В голове в момент мелькнула мысль, что же взять с собой в подарок в Лаш-Таябу, на юбилей Василя Эктеля. Что может дать писатель? Конечно только свое дорогое — это книгу. Посмотрел в шкафу — в самом низу был сложен маленький архив. Начал перебирать.

Первым попалась книга с желтой обложкой «Симек». Сидели женщины на посиделках: кто шерсть скручивал на веретено, кто вязал — пели свои старинные чувашские песни от всей души, только дети прислушивались к голосам своих родителей. Нарисовал это Владимир Агеев. Написано было на чувашском языке про Яльчики. Дальше «Дом матери» — ушла книга на ура. Средненько реализовались на русском «Деньги пахнут», «Любовь». С этим кризисом была продана только половина прошлогоднего издания «Родственники» — тоже на чувашском языке. Уложил в сумку, чтобы завтра с утра не нервничать, не искать — а просто взять в дорогу.

II

Сегодня с утра день оказался теплый, безветренный. После сильных морозов стало совсем по-другому, очень спокойным выглядел родной город Чебоксары на этих просторах.

Добрался до места. Около филармонии еще не было автобуса. Зашел через главный вход, спросил на вахте у охранника:

— Где Сидоров-Лаштай? Что-то не видать его.

— Да он у себя в кабинете на четвертом этаже.

— Понятно.

Поднялся Николай, прошелся по коридору в самый конец, где была настежь открыта дверь. Заглянул туда Николай Жирнов, а там около стола прохаживался Сидоров-Лаштай, нервничая, в руках держал какие-то бумаги. Резко повернулся, с озабоченным видом махнул рукой:

— Спускайся на второй этаж, Николай Жирнов, там все собираются!

— Все понял без лишних слов, Сидоров-Лаштай.

Видимо, очень переживал Сидоров-Лаштай за организационный процесс, его можно было понять.

Медленно, не спеша оказался в вестибюле. Тут в глаза бросались яркие красные цветы на тумбе — гвоздики и рядышком несколько пакетов. Стояли две женщины: одна — молодая журналистка Светлана Ермакова из «Хыпара», другая — артистка, певица Галина Воробьева. Каждая из них выглядела по-своему красиво.

— Давай присоединяйся к нам, а то нам скучно!

— С удовольствием! С вами, девочки, общаться приятно!

Образовалась тройня — круг общения.

— Время подходит, медленно собираетесь, мужики!

Сзади послышалось шарканье обуви по мраморному полу. Медленно продвигался, чуть похрамывая, Олег Андреев (Афалек Энтепе), спокойным тоном проговорил:

— Не видать Сидорова-Лаштая среди вас?

— Там наверху у себя расположился. Лучше к нему не подходить — не в настроении сегодня.

— Наверно, переживает за организационное дело. А мне по делу нужен.

Пошел Афалек Энтепе к Сидорову-Лаштаю.

К этому времени появился баянист — заслуженный работник культуры Чувашской Республики Петр Васильев. С улыбкой жизнерадостной, шевеля своими усами:

— Ба! Знакомые лица вижу!

— Мы же с Вами ездили в Лапракасы, в Ядринский район, чествовать известного чемпиона России Сергея Иванова.

— Помню, устроил соревнования среди своих земляков.

— Удивился тогда — бегали все от мала до велика, даже с бородой.

— Никого не обидел, каждому дал подарок: кому костюм спортивный, некоторым деньги.

Такие довольные стояли, как старые знакомые.

— С каждой встречей становимся намного ближе.

— Кивнул головой Николай Жирнов, согласившись с его словами. Направился Петр Васильевич в левую сторону к двери. Вытащил оттуда свой большой чемодан с концертным баяном.

По ступенькам медленно спускался Афалек Энтепе, в руке держал большой пакет.

— Передал вам сюда Сидоров-Лаштай это хозяйство.

— Случайно там тебя не обругал Сидоров-Лаштай?

— Он мне такого не может сделать. Я ему наоборот передал спонсорские деньги на бензин, чтобы заправить автобус ПАЗ.

— Теперь становится понятно, почему нервничал он.

— Даже обрадовался моему приходу Сидоров-Лаштай.

Медленно продолжал свою речь Афалек Энтепе:

— Сегодня я с вами не могу поехать, к сожалению, конечно.

— В чем дело, Афалек Энтепе?

— Должны приехать с проверкой к нам на работу.

Сам положил пакет в одну кучу с другими. Напоследок махнув рукой скрылся из виду Афалек Энтепе.

Присоединился к большому кругу народный художник Чувашии Николай Аристархович Енилин, доцент кафедры живописи государственного педагогического университета.

За ним следом журналист Александр Вражкин, таким веселым тембром поздоровался со всеми, присел рядышком к соратнице по перу Свете Ермаковой. С ходу начал рассказывать интересные истории.

Наконец-то появился Сидоров-Лаштай, посмотрел по сторонам, шустро сам крутил головой.

— Давайте присядем на дорожку, чтобы было все легко, без происшествий на нашем пути.

— Заранее не надо делать, все равно пока автобуса нет.

— Вы старше всех нас, Николай Аристархович. Ваше слово — закон.

Взял в свои руки инициативу Николай Аристархович. По его настрою было видно, что он собирается толкнуть длинную речь перед всеми.

В это время появился водитель. Моментально оживился Сидоров-Лаштай, посмотрел внимательно на пакеты — все ли взял, ничего не забыл ли.

— Поехали, мои дорогие, уже время поджидает.

Сам, взяв вещи в руки, торопясь вылетел из помещения на улицу. За ним последовали все. Перед парадным входом была крутая мраморная лестница. Боясь поскользнуться, все ступали по ней с осторожностью. Добрались до автобуса. Сев, в салоне Николай увидел рядышком знакомое лицо. Еще раз посмотрев, напряг свои мозги, хотелось вспомнить.

— Будем знакомы, меня величают Николай Сорокин. В молодости занимался борьбой.

— Теперь мне становится все понятно. Вас приглашал на соревнования несколько раз Сидоров-Лаштай.

— Да, он часто это делает. С Вами согласен полностью.

Николай Сорокин оживился, загорелся весь, размахивая рукой:

— Ему за это очень благодарен от всей души.

Не доезжая до художественно-графического факультета ЧГПУ, резко вскочив на ноги, Сидоров-Лаштай громко так скомандовал:

— Занести сюда бюст Василия Федоровича Михеева, моего земляка, легендарного героя, партизана Великой Отечественной войны, уроженца Лаш-Таябы!

Махнув рукой в сторону салона несколько раз, Сидоров-Лаштай:

— Чем больше народу, тем лучше.

Первым выскочил Сидоров-Лаштай, а за ним еще вышло пять человек.

Примерно минут через десять появились мужики. Один Александр Вражкин нес белую голову, а за ним в ряд следовали остальные.

Внутри салона смеялись люди:

— Кричал, что нужно много рук, а тут справился один Александр Вражкин.

В ответ Сидоров-Лаштай тоже с юмором, с улыбкой такой довольной:

— А кто знал, какой будет из себя бюст, во-первых, а во вторых, Александр Врашкин — перворазрядник по гиревому спорту, не хухры-мухры!

Поставил на первый попавшийся чемодан бюст.

— Смотрю с опаской: не раздавит ли случайно мой ящик для баяна? — слегка встав, проговорил Петр Васильевич.

Другой товарищ, Михаил Максимов — артист, певец — тыча пальцем:

— Может упасть и разбиться.

— Дело говоришь.

Взяв бюст, Сидоров-Лаштай положил его на сиденье рядышком с собой со стороны водителя.

Что-то вспомнил Сидоров-Лаштай, медленно привстал, обвел всех своим взглядом.

— Хотите, расскажу про Василия Федоровича Михеева, нашего героя лаш-таябинского, что с ним произошло в Яльчикском районе?

— Конечно, хотим знать, что за человек был.

Прокричали мужики со своих мест.

— Василий Федорович преподавал в нашей школе, был очень скромным.

Все смотрели вперед на Сидорова-Лаштая, слушали внимательно — только было слышно, как работал двигатель.

— Однажды проходит через деревню татарскую. Его окликнули два здоровых бугая:

— Эй, мужик, давай-ка сюда свой кошелек, — небрежно махнул, — а сам можешь катиться по своей дорожке.

Сидящие здесь вытянули шеи в сторону рассказчика с большим интересом.

— В честь чего должен отдавать свое добро?

— А ты ходишь по нашей земле, — загородили ему дорогу, — глухой, что ли?

— Да нет, попробуйте взять у меня вначале.

Сам спокойно прошел между ними, продолжил свой путь.

У молодого борца не хватило терпения, не сдержал эмоций.

— Наверно, Василия Федоровича уложили одним махом, испинали всего?

— Слушай дальше, не перебивай. Один из них и говорит:

— Надо этому мужику прочистить уши, чтобы слушал внимательно.

Получил один удар Василий Федорович, но еле удержался на ногах, сплюнул кровавую слюну, врезал одному и другому.

Опять не выдержал молодой, дальше прокомментировал:

— Видать между ними завязалась драка, в момент справились со старикашкой?

— Не так-то было, как ты думаешь, оба лежали отрубившись надолго, без сознания.

— Надо же, какие молодцы лаш-таябинский народ, видно, очень крепкие.

У всех поднялось настроение, посветлели глаза.

Наконец-то уселись все на свои места, утихомирившись. Свой транспорт шофер загнал на заправку. Вместе с ним вышел Сидоров-Лаштай, с ходу вручил деньги, а сам обратно забежал в автобус, успокоившись.

Залив полный бак топлива, довольный такой водитель завел мотор. Повернувшись к шоферу, Сидоров-Лаштай что-то сказал. Тот кивнул головой. Завернув в сторону, на улицу Николаева, остановился прямо у центральной проходной Чувашского телевидения.

Забежал вовнутрь Сидоров-Лаштай. Появился он с деловым видом, держа в руках штатив для кинокамеры. За ним следовала Марина Карягина — известная тележурналистка. Держалась прямо, с открытым лицом, слегка придерживая рукой дамскую сумку. За ней спешил Сергей Мышев, нес свою камеру на плече. Сегодня Марина Карягина выглядела очень шикарно в своем меховом полушубке. Женщина эффектная — что надо, и лицо свежее, молодое. Посмотрела в салон Марина Карягина, остановила свой взгляд на местах впереди, около двигателя — там было свободно, лежали чемодан и инструменты, еще посередине стоял бюст Василия Михеева. Видимо, ей не понравилось или не хотела перелезть через этот ящик. Заметил это Сидоров-Лаштай, моментально сдвинул все поплотнее. Села вместе с ним, начала болтать.

По ходу Сергей Мышев поздоровался со всеми за руку.

— Давненько не видел тебя.

– И я тоже, припоминаю, что в последний раз с тобой, Николай, встречались в Чувашском конгрессе.

Оба улыбнулись, остались довольны.

– Понравилось мне тогда, Сергей, когда ехали в одном вагоне из Москвы. Ваша группа: Марина Карягина, Валера Ивлев...

– Тогда в Пятигорске мы получили престижное место за снятие киноочерка о детстве Ивана Яковлевича.

– На местном телевидении показывали, мне понравилось, даже очень.

По пути где-то на яме подпрыгнул весь автобус. Было неудобно стоять Сергею Мышеву. После этой тряски он сразу направился на задние места, где было раздолье.

Опять Сидоров-Лаштай обратился к водителю:

– Надо обязательно по пути заехать ко мне домой.

И тут же Марина Карягина вставила свое слово:

– Хотелось бы, чтобы Вы проехали сейчас по проспекту Мира, напрямиком в Дом печати. Там ждет моя подружка Альбина Юрату.

Таким убедительным тоном ей в ответ Сидоров-Лаштай:

– У моей жены от переживания заболит сердце.

– А что так, слабенькая женщина?

– Наоборот, Люда – сильная, терпит меня три десятка лет с гаком и поддерживает во всех моих делах, потому все получается.

– Видимо, благоразумная твоя половина.

– Должна передать гостинцы моей родной сестренке, которая ухаживает за матушкой в Лаш-Таябе.

С еще большей серьезностью, внушительно:

– Притом ей надо на работу в девять!

Показывая на часы на руке другого соседа:

– Уже десятый, Люда моя опаздывает из-за нас!

Нервозный, вытаращив глаза, шофер:

– Куда мне прикажете ехать, Сидоров-Лаштай?

– Однозначно ко мне, после этого в Дом печати.

Видно было издалека, как на остановке супруга Сидорова-Лаштая топталась на месте, согреваясь так. Нервничая, посматривала в их сторону с большим нетерпением. Едва успели подъехать, резко заскочила с огромным пакетом Людмила вся расстроенная (видно было по глазам).

— Здравствуйте всем, почему так долго? — обратилась к своему мужу Сидорову-Лаштаю.

— Чуть водитель опоздал, потом за бюстом Василия Михеева ходили, потом на заправку — так получилось.

Видно было по глазам — самому неудобно перед ней Сидорову-Лаштаю.

— Помаленьку, все одно к одному накопилось.

Посмотрела Людмила на всех внимательно, кто едет в Лаш-Таябу. Немного успокоившись, Людмила держалась за стойку у дверей.

— Довезите меня до старого здания Торговли.

Успел Сидоров-Лаштай перехватить ее груз из рук, положил рядышком в самый уголок, чтобы не упало.

— Всем желаю легкого пути, чтобы отметили достойно юбилей Василя-Эктеля.

Строго Людмила посмотрела на своего мужа с укором таким:

— Вернулись чтобы без всяких происшествий.

Заехали на улицу Шумилова, прямо на углу универсама оставили Людмилу. Она махнула рукой и побежала по снежной дорожке.

Шустро водитель вырулил направо, на улицу Ленинского Комсомола, после на проспект И.Я. Яковлева, прямо к Дому печати. Добравшись до места, выскочила Марина Карягина, за ней молодая журналистка Светлана Ермакова, да и к себе в редакцию. Оттуда принесла несколько газет свежего «Хыпара», еще пахли краской. У нее прямо с рук расхватали, начали читать.

Появилась Марина Карягина, одна. Видно было по лицу — не в настроении. Все оказалось бесполезно. Небрежно махнула рукой, не стала объяснять про свою подругу Альбину Юрату. Прошла по проходу в самый конец, села на заднее сиденье. Устроилась рядышком с Сергеем Мышевым, начали болтать.

С ходу крикнул с места Сидоров-Лаштай:

— Опаздываем, не укладываемся в график, больше прошу не беспокоить.

Равномерно набирая скорость, автобус выехал на трассу в сторону Цивильска.

III

Рядом находившийся Николай Сорокин повернулся назад, где расположились два молодых парня — еще пушок над губами.

— Откуда вы будете, ребята, как попали сюда, в наш автобус?

— Мы сами из Новочебоксарска, занимаемся борьбой «Керешу», нас пригласили на соревнования в честь Василия Эктеля.

— Теперь становится все ясно.

Почувствовал свою стихию Николай Сорокин.

— Интересно знать, кто ваш тренер?

— Николай Петров, очень хороший, умный, относится к нам строго, но справедливо.

— А сам где он?

— Уехал в город Казань с Виталием Васильевым.

— А что не с вами?

— Заранее была запланирована поездка в Казань, обещали быть там, а сюда поздно сообщили.

Услышав краешком уха, не выдержав, Николай Жирнов вмешался в их разговор:

— Да Николай Петров же мой родственник, из Байбатырево.

— Видно — чем-то Вы похожи на него.

Продолжили свою прежнюю беседу втроем.

— Где, в каких соревнованиях вы участвовали?

— Во многих турнирах республики и за ее пределами, в других областях.

— Значит, у вас опыт большой. Тогда не буду объявлять в Лаш-Таябе, в каких больших соревнованиях вы участвовали, чтобы не пугать ваших соперников.

— Сойдет, я не против этого предложения.

Присоединился к общему разговору Сидоров-Лаштай:

— Ребята, перед вами легендарный борец.

— А кто такой, почему мы не знаем о нем?

— Мало интересуетесь, молодые люди, вот слушайте меня!

Внимательно повернулись к Сидорову-Лаштаю.

— Николай Сорокин — кандидат в мастера спорта СССР, многократный чемпион Чувашии, призер всероссийских соревнований по вольной борьбе.

Теперь сам начал рассказывать про себя. Открыв рты, слушали с интересом ребята.

IV

Водитель посмотрел с кислым лицом на пластмассовую бутылку:

— Дай-ка сюда, Сидоров-Лаштай, очень хочется пить.

Взяв в руки, посмотрел внимательно, оказалось — пустая.

Еще больше расстроился он.

— Тут и без тебя опустошить успели. — Тряся перед собой пустую тару.

— В большой семье рот не разевай.

— Хочется пить, во рту сушняк.

— В честь чего это? Ты же не пьешь.

— Вчера пришел друг, ну, конечно, немного поддали. Разве откажешь?

Вытер лицо платочком шофер несколько раз.

— Мой корефан говорит — после десяти часов вечера не бери трубку телефона. Ан нет, сделал по-другому, — с сожалением проговорил водитель.

— Сегодня, может быть, и не поехал бы, отдыхал у себя дома, лежа на диване, смотрел спокойно телевизор.

— Сейчас это организуем, возьмем минералку.

— Подъехали уже к Цивильску.

— Останови, где можно взять воду, конечно, только по пути.

— Перед нами заправка. Видно, у них небольшой магазинчик.

Притормозил водитель прямо у самых дверей. Сидоров-Лаштай шмыгнул вовнутрь. За ним последовали мужики, хотелось им поднять. А здесь стояли знаки «Курить запрещено». Пришлось отойти на несколько метров, где находился красный ящик с песком, рядом — урна.

V

После этого ни разу не останавливались. Водитель только жал на газ, внимательно смотрел вперед до самых Яльчи-ков.

— Надо позвонить в Лаш-Таябу в школу, чтобы приготовили немного перекусить — все-таки с дороги мы.

Сам показывал, куда заезжать. Спустились на площадку у кафе «Була». Едва успел водитель открыть дверь, выскочил Сидоров-Лаштай. Все лениво поднялись со своих мест, вышли. Хотелось размять ноги, пройтись по земле.

Быстро сделав дело, Сидоров-Лаштай торопил всех обратно:

— Там нас ждут давно.

Приглашал всех, некоторых чуть ли не силком заталкивал в дверь транспорта.

Выехали из Яльчиков по ровной дороге. Что удивительно — ни одной ямки. Проскочили быстро через Избахтино. С сожалением проговорил Николай Жирнов:

— Раньше бывало, когда тетя была жива, автобусы не ходили, шли пешком из Яльчиков в Изамбаево. Обязательно к ней заглядывали в Избахтино — она нас накормит, мы отдохнем и дальше в путь.

С любопытством подскочил Сидоров-Лаштай:

— Кто такие у тебя родственники, Николай Жирнов?

— Носова у матушки была сестра.

— И мне приходится родней Носовы, но эти к нам не относятся.

— Забыл. Несколько лет не посещаю. Это, конечно, не порядок с моей стороны, невежество.

— А сейчас кто живет в этом доме?

— Илья, у него семья.

Оба замолчали, смотрели в окно.

Проезжали по мосту через реку Була. Обзор был четкий, красивый. Вдали как на ладонке была видна деревня.

Весь оживился и привстал Николай Жирнов, воскликнул:

— Смотрите, Изамбаево, где родилась моя матушка!

Сам Николай Жирнов, не отрываясь разглядывал, прилип к стеклу.

Рядом стоявшая журналистка Светлана Ермакова проговорила:

— Видно сразу — прекрасное расположение деревни: рядом с рекой, притом место красивое.

Все рассматривали с большим интересом, где находится Изамбаево.

VI

Добрались до Лаш-Таябы. Перед въездом в село была деревянная табличка с названием этого населенного пункта.

С большим желанием Александр Вражкин, взяв в руки фотоаппарат, хотел сфотографировать.

— Обязательно надо будет снять в нормальной обстановке на обратном пути.

Заехали на просторную улицу. У Сидорова-Лаштая загорелись глаза, он даже привстал:

— Сколько раз бываю в родных местах, всегда отношусь с трепетом.

Положил правую руку к сердцу, в глазах была такая любовь:

— С собой ничего не могу поделаться, беспокожно стучит сердце, готово выскочить.

Посмотрела на него Галина Воробьева, с сочувствием высказалась:

— Понимать надо, где твое детство проходило.

— Да, ты права. Вся моя молодость прошла здесь. И жена у меня из этих мест. Быстро пролетело время, на волосах появилась седина.

— Ты еще хоть куда, Сидоров-Лаштай. Дай Бог дожить до таких годов. Держишься молодцом и нас, артистов, поддерживаешь, находишь работу постоянно.

С большим уважением посмотрела на него.

— Мы бы без тебя совсем пропали в такое сложное кризисное время.

Скромно так Сидоров-Лаштай опустил глаза.

— Всего лишь делаю свою работу для всех.

— Почему-то у других не получается, как бы они не старались.

Резко скомандовал Сидоров-Лаштай:

— Останови, пожалуйста, здесь. Совсем заболтался, чуть было не проехали.

Прямо на перекрестке ждала женщина, притоптывая ногами. Пальто с песцовым воротником ей очень шло, выглядела симпатично.

— Заходи к нам, Вера, моя дорогая девочка.

У нее горели щеки, такие румяные от холода, гладкие.

— Познакомьтесь с моей сестренкой.

Обнял крепко и поцеловал Веру. По-братски, с улыбкой такой простой она махнула рукой перед всеми.

— Вас ждут с нетерпением в нашей школе.

— Мы сейчас отвезем Николая Сорокина и двоих борцов в клуб на соревнования «Керешу», а потом прямо в школу развернемся.

Подъехали к забору. Водитель открыл дверь прямо у входа. Первым ступил на свою родную землю Сидоров-Лаштай, за ним остальные люди.

У входа в лаш-таябинский дом культуры толпился народ. С одной стороны молодежь, а с другой — люди уже в возрасте. Каждый из них обсуждал что-то свое. Поздоровавшись со всеми за руку, зашли вовнутрь СДК.

VII

Солидный мужчина вслед Сидорову-Лаштаю качнул головой от удивления:

— Пролетел как метеорит, как копия похож энергичностью на своего отца Петровича, поражаюсь этим сходством.

Рядом находившийся односельчанин, в его же годах, поддержал разговор:

— В этом правы — спору нет. Если бы не видел предка и не поверил.

Остальные люди слушали и поддакивали:

— Как папаша Сидоровых, у нас в селе никто не ходил так быстро. Был хромым. Я в городе Буинске посещал его, как соседа по улице. Все для него было нипочем.

— Подумать только. Да притом эти 20 километров.

С большим уважением относились к семье Сидоровых, особенно кто знал старшее поколение, а молодежь гордилась. Такие люди жили в родном селе.

В коридоре бросился в глаза красочный плакат с изображением Олега Захарова в боевой стойке — чемпиона мира по боям без правил. Клуб назван в его честь. А тут в спортзале уже всюю шла борьба «Керешу». Увидев гостей из Чебоксар, остановили весь этот процесс.

Смотрит Николай Жирнов, в руках нет сумки. От интересных впечатлений совсем забыл ее. Пошел обратно к

автобусу. Шофер был на месте. Махнул ему рукой, чтобы открыл дверь.

Облокотившись на ограду, расположились местные. На обратном пути заметил:

– Во всю идет «Керешу», а вы что, мужики, здесь стоите, топчете сапоги?

– Да вот только было собрались посмотреть на борьбу.

– В прошлом году 27 июня в Кугесях Анатолий Пантелеймонович организовал соревнования на целый день, а под вечер устроили бои без правил, ведущим был Олег Захаров.

Навострив уши в его сторону, слушались, стараясь не пропустить ни слова:

– А там, между прочим, ваш земляк Гена Дмитриев уложил за 45 секунд чемпиона Загирова!

Обвел ладонью весь круг людей:

– Видите, какие богатыри выходят из вашего Лащ-Таябы?

И так же резко один из них ответил:

– А мы и гордимся за своего человека.

Другой, что был постарше среди них, вперед шагнул и спокойно повел разговор по-своему:

– С малых лет я привык звать Толиком, всегда знал его как шустрого малого, он был лидером среди своих сверстников тогда еще.

– Он, может, для вас Толик, но теперь занимает большую должность, многоуважаемый, его все величают Анатолий Пантелеймонович.

Услышав такие лестные слова, сельчане заулыбались, с гордостью смотрели вперед:

– В этом месяце, в феврале у Анатолия Пантелеймоновича был юбилей.

– Об этом хорошо знают все наши.

– Слушайте дальше: ему вручили правительственную награду за заслуги – медаль и орден Чувашской Республики.

– Надо же, какой он у нас, оказывается, молодец.

– В честь этого закатил банкет в Центральном ресторане, собралось 250 человек.

– О-о! Это очень много людей скопилось.

– Шикарно так не помню, кто еще проводил.

— С этой стороны, наш человек с размахом может проводить свой юбилей.

Расправил мужик свою грудь колесом:

— Мы очень рады за него, что человек с такой широкой душой родился в Лаш-Таябе.

— Притом тамадой в этот вечер был Сидоров-Лаштай.

У всех сразу поднялось настроение, посветлели глаза у сельчан:

— Надо посмотреть обязательно соревнование. Может, еще кто-нибудь среди своих земляков станет чемпионом, как наш Гена Дмитриев.

Поторопились всей гурьбой в спортзал. У входа, притопывая, стряхивали снег. Устроились вдоль стены по два-три человека, взор устремили вперед.

Здесь находились Сидоров-Лаштай — писатель, журналист, спортсмен, отличник РФ, экс-президент гиревого спорта; Николай Енилин — народный художник; Николай Сорокин — кандидат в мастера спорта СССР по вольной борьбе. Из местных были Петр Попов — заслуженный учитель Чувашской Республики, отличник народного образования РФ, чемпион России по гиревому спорту; Мария Ефимова — заслуженный работник труда. А с другой стороны стояли молодые участники.

Торжественную часть в честь писателя, художника Василия Эктеля открыл Сидоров-Лаштай, коротко сказал обо всем.

Каждый, выступая, искренне говорил обо всем. Сергей Мышев успевал снимать все на свою кинокамеру.

Закончились выступления уважаемых людей и началась «Керешу». Молодые спортсмены вышли на мат. Подал свисток судья, задвигалась первая пара.

С интересом все начали наблюдать, как мальчишки во всю свою силу вступили в борьбу. Каждому хотелось выйти победителем, занять первое место, проверить свою мужскую силу, на что способен в этот момент. Видно было со стороны, как ревностно наблюдал Петр Попов за своими учениками. Они у него почти никому не уступали в этой силовой борьбе. Своим присутствием Петр Попов помогал им, подбадривал, подсказывал, какие ошибки надо исправлять.

VIII

Подходила к каждому, кто приехал из Чебоксар, молодая женщина, вежливо приглашала:

— С дороги прошу к столу, попить чай.

Молча последовали за ней все гости. А сама приговаривала с убедительностью:

— Хоть немного взбодритесь, день еще длинный.

Оказывается, дверь находилась рядом со спортзалом, с правой стороны.

Ринулись туда все, кто приехал. Помещение небольшое, где-то примерно 15 квадратов. В середине длинный стол. На тарелках были сладости — печенья, конфеты шоколадные и т.д. Ловко орудовала женщина, сама наливая в одноразовые стаканы кипяток:

— Выбирайте сами по вкусу, кому зеленый, кому черный.

Миловидная женщина слегка так улыбалась, сама работая руками с удивительной точностью:

— Вы, конечно, извините меня, если что не так.

Хлопая глазами, стесняясь продолжила:

— А с другой стороны посмотреть, я сама тоже здесь гость, как вы. Меня просто попросили за вами поухаживать.

— Все нормально. Что надо — есть. Просим не беспокоиться ни о чем за нас.

Одна только была проблема — слишком горячим оказался напиток, даже невозможно брать в руки. Обжигаясь, каждый ставил стаканчики перед собой, чтобы хоть немного остыло, и после этого можно было взять в руки. Все равно маленькими глотками пили, прикусывая конфетами.

Разогрелись все, даже щеки порозовели, посветлели глаза, настроения изменились в хорошую сторону. Наговорились досыта, попили чай с большим удовольствием, так что все остались довольны.

IX

Петр Васильевич ходил и спрашивал всех, кто попадался на его пути. Чуть ли не лбами столкнулись с ним в вестибюле:

— Вы не видели нашего шофера?

— Вроде нет. Да сам прекрасно знаешь, его с нами не было за угощением.

— Надо взять свой баян, не могу войти в автобус.

— Давайте-ка вместе пройдемся. Вдвоем намного легче искать в четыре глаза.

Остановился, почесал затылок, задрав голову наверх:

— Думаю, если здесь нет, наверняка должен быть в спортзале, там же мужской вид состязаний.

— Наверное, прав. Весь сильный пол находится там.

Действительно, водитель оказался в этом кругу зрителей в самом конце зала. Махали ему рукой, а он не обращал внимания, был увлечен борьбой молодых. По всему спортзалу только были слышны свист судьи, тяжелые вздохи и крики. Добрался до него с рвением, недовольством Петр Васильевич, повел в автобус. Только взяв свой чемодан, успокоился Петр Васильевич. Водитель остался на своем месте, хотелось ему немного вздремнуть. Заметив это, Николай Жирнов обратился к нему по-свойски:

— Ты чего сидишь здесь как не родной?

— После вчерашнего хочется немного отдохнуть.

— Иди лучше попей чай, хоть согреешься и взбодрись-ся.

— Об этом даже и не знал, спасибо, что сказал.

Закрыв дверь на замок, заторопился в клуб.

Встретила стройная женщина у лестницы, с легкой настойчивостью, с уважением проговорила:

— У нас начинается концерт, открывают малыши.

Показывала, в какую сторону идти.

— Прошу всех наверх, на второй этаж.

Схватил свою кинокамеру и штатив Сергей Мышев и вперед. Оказалось, здесь в зале народу битком было, что даже плотно стояли люди в проходе до самых дверей, вытягивали головы в сторону сцены. Впереди шел Сергей Мышев, резко застыл на месте. Все смотрели вперед, даже никто не собирался его замечать, все было перегорожено стеной. Видя такое безобразие, как стеснительно стоял Сергей Мышев на месте, возмущенно Николай Жирнов проговорил:

— Прошу извинения у всех! Пропустите, пожалуйста, нас туда!

Обернулась женщина, резко прижалась, за ней последовали остальные, стараясь сделать проход для них. А сами с любопытством разглядывали, кто такие. Все равно пришлось протиснуться, еле-еле пробиваясь вперед. Оказался слишком узким этот живой коридор. Видно было, что первые два ряда с левой стороны были пустые, для гостей. А с правой расположился оператор, регулировал звук микрофона и заодно показывал на белом стенде снимки с участием Василия Эктеля.

Стояли на сцене малыши, одетые в рубашки, вышитые чувашским национальным орнаментом. Выглядели симпатично, прямо как взрослые, серьезные. Пели народные песни, танцевали. Восторженно хлопали из зала, большинство оказалось женщины. Одушевленно, с большим интересом наблюдали за ними взрослые. Некоторые, улыбаясь, не выдержав свои эмоции, прямо с места кричали:

— Надо же, такие молодцы, маленькие цветочки, на вас любо-дорого смотреть, одна радость!

Еще сильнее аплодировали им вовсю.

Но когда дети начали читать стихи Василия-Эктеля, совсем поразились.

Закончили свое выступление дети дошкольного возраста. Долго хлопали им, не хотели их отпускать, вслед кричали:

— Матур! Матур! Матур!

За ними последовали школьники. Выстроились в два ряда: впереди девочки, сзади мальчики в галстуках, выглядели очень элегантно. Вышли двое к микрофону с красными папками в руках, объявляли названия произведений. И по порядку начали читать громко, четко стихи Василия Эктеля. Продлилось все долго, но никто даже не выразил свое недовольство, не встал, не ушел. Наоборот, с большим удовольствием вслушивались в каждую строку. Было написано в стихах про родное село Лащ-Таябу. Стояла тишина в зале, слышно только вздохи соседей. Закончив свое выступление, вышли через зал на выход. Загремел в ушах топот ног по деревянному полу.

После этого вышел на трибуну Николай Малышкин, начал громко говорить:

— Собрались мы сегодня в честь юбилея Василия Эктеля, хочется кратко рассказать его биографию.

Сделав маленькую паузу, повел речь дальше:

— Очень интересный человек, как писатель и художник. Посмотрите на его автопортрет.

Показал левой рукой на картину. На полотне Эктель был рубашке, вышитой чувашским орнаментом, выглядел, как живой.

— И мы гордимся нашим земляком. Когда сам выпускал книгу про яльчикских творческих знаменитых людей, в этот сборник вошли два брата — Сидоров-Лаштай и Василий Эктель — он, конечно, феномен на удивление.

Закончив выступление от себя, Николай Малышкин обратился к первому ряду:

— Прошу сюда заместителя главы Яльчикского района по культуре Александрову Антонину Анатольевну.

Вышла женщина с белыми волосами, в шикарном костюме, выглядела солидно. Приветливо улыбалась, мягка шагая. Но когда начала говорить, сделалась совсем другая — очень серьезная.

— Хочется мне сказать добрые слова о Василие Эктеле, добром и любовью веяло от него, он был инициативным, талантливым.

Слегка так поправила прядь волос, спадающую на лицо.

— Помним мы, как он старался выпустить первую энциклопедию нашего района под названием «Яльчикские просторы» и напечатал в своей типографии «Калем».

Тяжело вздохнула Антонина Александрова, продолжила дальше свою речь:

— Конечно, не без участия нашего главы Николая Петровича Миллина, собравшего команду, умеющую работать в этом направлении.

Еще раз посмотрела на присутствующих:

— Высказаться желаю о лаш-таябинской земле: много дала талантливых людей — спортсменов, писателей, один из них Василий Эктель. Можно много говорить о достоинствах его творчества.

Бурные аплодисменты сопровождали Антонину Александрову. Прямым ходом уселась на свое место.

— А теперь выступит один из выдающихся организаторов, журналист, писатель, экс-президент гиревого спорта, наш земляк Сидоров-Лаштай.

Со стороны была видна грусть на его лице.

— Очень тяжело говорить об ушедшем в мир иной своем братишке.

Держа на груди руку Сидоров-Лаштай дрожащим голо- сом:

— Но для меня он всегда останется вот тут живой.

С глубокой печалью посмотрел на всех, убедительным тоном:

— Прошу всех встать, почтить минутой молчания Васи- лия Эктеля.

Резко все встали, опустили головы вниз. Пошел счет на секунды. Прошло время, уселись обратно, хлопая сиденьями.

— Очень сожалею, до глубины души, что так рано ушел из жизни братишка.

Слышалась хрипота в голосе, старался говорить погромче:

— Родился он 26 февраля. Вчера ему исполнилось бы 60 лет.

Видимо, было тяжело говорить Сидорову-Лаштаю, пер- шило в горле. Несколько раз кашлянул в кулак и глубоко вздохнул.

— После окончания средней школы в 1967 году посту- пил на художественно-графический факультет Чувашского государственного педагогического института.

Подбежал главный судья турнира по борьбе, прямо с трибуны начал тянуть Сидорова-Лаштая за руку:

— Надо пойти вниз в спортзал, вручить грамоты и по- дарки победителям открытого турнира в память Василия Эктеля.

В зале засмеялись люди. Наконец поняв, что попал впро- сак, со стыда Николай Сорокин убежал отсюда. А Сидо- ров-Лаштай, как ни в чем не бывало, продолжил свою речь.

— По прошествии нескольких лет, Василий Эктель за- кончил второй институт — правда, заочно — литературный институт имени Максима Горького.

Стараясь говорить короче, Сидоров-Лаштай:

— После окончания высших учебных заведений работал на чувашском телевидении.

Посмотрел на народ, некоторым в глаза.

— О нем можно было говорить много, особенно о его заслугах, но я вас не буду утомлять.

Еще что-то вспомнил, опять продолжил:

— Хотелось сказать, написал Василий Эктель интересный рассказ «Казбек». Когда он учился в школе, приходил козел. Охарактеризовал, какой он был. Примерно, как «Каштанка» у Чехова.

Поправил на себе пиджак Сидоров-Лаштай, посмотрел вперед.

— Я благодарен вам всем за то, что уважили Василия Эктеля.

Ему в ответ народ аплодировал стоя.

Прошелся Сидоров-Лаштай, устроился рядом с Антониной Александровой. Скрытно шепнул ей что-то на ухо. Она кивнула головой. О чем-то говорили шепотом, чтобы не мешать остальным.

— Дадим слово старшему из нас, доценту кафедры живописи Чувашского госпедуниверситета, народному художнику Чувашской Республики Енилину Николаю Аристарховичу.

Встал не спеша, голову держа гордо, с таким вниманием застыл на месте, следя головой, вглядывался вдаль.

— Для меня здесь все места родные. Учился я в лаштаябинской школе.

Загорелся весь как молодой, выпрямился весь.

— Окончил школу давно, а кажется — только сейчас. Подумать только!

Подняв указательный палец вверх:

— Как на все это посмотреть, за сердце берет. По прошлому такая ностальгия.

Даже появилась влага у него на глазах. Успокоившись, Николай Енилин после паузы начал издали:

— Хочется сказать в адрес Василия Эктеля только добрые слова.

Раскинул пальцы, как расческой несколько раз провел по своим седым волосам назад.

— Был у нас Василий Эктель председателем правления Союза чувашских художников последние четыре года.

Из зала послышались аплодисменты. Продолжал спокойно говорить Николай Енилин:

— Написал Василий Эктель книгу, связанную с проблемами в современном изобразительном искусстве Чувашии. Эта книга называется «Лига эпохи».

Еще раз аккуратно поправил свои седые волосы Николай Енилин. Как мудрец, спокойно продолжил свою речь:

— Наряду с литературной деятельностью, Василий Эктель постоянно вел обзор текущей художественной жизни Чувашии, писал критические статьи о выставках, картинах. Существует множество его рецензий, публикаций. О нем можно говорить долго, о его добрых делах.

Наморщив лоб, Николай Енилин вспомнил что-то свое:

— Вот еще что хотелось сказать о Василии Эктеле...

Передохнув, несколько раз вздохнул, громко сказал:

— Надо же, какая была хватка: сумел в тяжелое время создать свою типографию под названием «Калем».

С места поддакнул Сидоров-Лаштай:

— Говорит верно, поддерживаю его слово.

— Хочется сказать: если человек — талант, все у него получится, что надо.

Закончив свою речь, Николай Енилин спокойно вышагивал с поднятой головой.

Подошел к микрофону Николай Малышкин и объявил:

— Хочется дать слово известной поэтессе, драматургу, журналистке, литератору, лауреату нескольких премий Семена Эльгера, Михаила Сеспеля, уроженке Батыревского района Марине Карягиной.

Медленно шла, издалека было видно по наморщенному лбу, что вспоминала:

— Мы с Василием Эктелем познакомились в Доме печати и как-то сразу нашли с ним общий язык.

Посветлели глаза у Марины Карягиной:

— После этой встречи наша дружба с каждым разом все крепла.

Немного подняла глаза наверх, вдумчиво проговорила:

— Человек, конечно, он был неординарный в своем направлении творчества, об этом можно говорить долго.

Мягко взглянула в зал Марина Карягина, с еще большей внутренней болью проговорила:

— Одно жалко до глубины души — такие люди, как Василий Эктель уходят очень рано, быстро сгорают в жизни.

Замолчала, стиснула зубы. Тихо ступая по полу, Марина Карягина прошла к оператору Сергею Мышеву, зашеп-

тались между собой, бурно обсуждая свой вопрос. Сразу Николай Малышкин в очередной раз высказался:

— Этот человек нам не чужой, а свой писатель Николай Жирнов. Прошу пройти сюда.

Приходилось редко выступать перед людьми. Подумал об этом, даже стало боязно. Собрал в себе силы мужества, встал со своего места. Прошел прямо на трибуну, облокотившись слегка, посмотрел в зал. Оттуда люди с ожиданием вглядывались в него. Еще больше взяло его сомнение, но переборол себя, осознал ответственность:

— Время проходит неуловимо быстро, на удивление пролетело 10 лет. Вроде кажется, только недавно в центральной библиотеке имени Ивана Яковлевича справляли пятидесятилетие Василия Эктеля.

Слегка ладошкой провел по подбородку, где от напряжения скопились мелкие капли. Старался сделать это незаметно.

— Тогда Василий Эктель дал интервью для телевидения. У него спросили, откуда берутся все эти возвышенные мысли. Он без промедления ответил: «Приходят сверху, от богов наших чувашских». В то время особенно запомнились эти слова.

С большим уважением проговорил:

— Единственный человек в Яльчикском районе, который написал 16 книг. Это Талант с большой буквы.

Посмотрел на реакцию людей, они молча слушали.

— Громадную работу мог бы проделать Василий Эктель, если бы пожил еще, много произведений могло бы выйти в свет из-под его пера.

Выдохнув из себя, более смело повел дальше речь:

— Нам в нынешнее время приходится выпускать свои произведения на свет на свои деньги.

Кашлянул несколько раз в кулак.

— Конечно, это неправильно. Об этом должно заботиться государство, как и раньше.

Махнул рукой, зная, что про это все равно говорить бесполезно.

— Бывало, когда встречались с Василием Эктелем, говорили, сколько книг выпустили. В те моменты приятно

было общение, в конце улыбались, расходились в разные стороны.

Подняв голову прямо, Николай Жирнов громко проговорил:

— Бабушка моя родилась в Байдеряково, матушка в Изамбаево, а сам я совсем в другом месте, в селе Ибреси. Теперь хочу подарить свои последние 5 из 11 выпущенных книг.

Сам Николай Жирнов, взяв одну из них:

— «Симек» — написано полностью про Яльчикский район, следующая «Anne киле», «Тавансем» и т.д.

Отдал стопку женщине, что стояла рядом. Со спокойным равновесием для себя устроился на прежнее место Николай Жирнов.

Соседка, быстро писавшая что-то в блокноте, видимо, журналистка местной газеты, обратилась к нему:

— Я сама-то из Байдеряково. Кто такая Ваша бабушка, как ее фамилия?

— Добронравовы, их дом находится прямо на углу в переулке, где напротив расположено родовое жилье у Милиных.

— Знаю, там живет столетняя Мария. За ней ухаживает сестра девяностолетняя тетя Соня.

— Все в точности изложили про моих родственников Добронравовых.

— Ой, извините, пожалуйста. Надо дать в номер о юбилее Василия Эктеля.

Поспешно начала дальше строчить на бумаге.

В этот раз Николай Сорокин более спокойно обратился:

— Сидоров-Лаштай, там образовался большой перерыв, люди волнуются, ждут с нетерпением в спортзале только Вас.

— Давай пошли быстрее, не будем мешать смотреть концерт.

Полусогнувшись пробирались к выходу.

Вышла в своем красивом чувашском наряде Галина Воробьева — заслуженная работница культуры Чувашской Республики. Аккомпанировал на баяне Петр Васильев — заслуженный работник культуры, доцент, зав кафедрой музыкальных инструментов ЧГПУ имени И.Я. Яковлева.

31 Запела песню Галина Воробьева на родном чувашском языке, расположив к себе народ в зале, так что зрители подхватили припев. Исполнила две песни, но люди хлопали и не отпускали. Невольно пришлось ей и в третий раз спеть.

01 После этого появился солист из театра «Оперы и балета» Михаил Максимов — заслуженный артист Чувашской Республики. Одну песню на чувашском спел очень громко свои басом, а вторую — на русском «Вдоль по Питерской». За ним артист силового жанра чувашской государственной филармонии Станислав Шаронов. Поставил на лоб палку, сверху поднос, на подносе рюмка. Рядом оказалась ассистентка, местная девушка. Надо же, успел выбрать красивую, как настоящая артистка. Подавала ему прямо в руки посуду по одной. Классный номер с саблей показал Станислав Шаронов.

100 После выступления чебоксарских артистов на сцене появился хор яльчикски женщин, в шикарных одеждах, с чувашскими узорами, вышиты были зеленым цветом.

Х

05 В спортзале Николай Сорокин и Сидоров-Лаштай вручали грамоты и подарки победителям. Пожимали руки и благодарили от всей души с улыбкой. В этой приятной церемонии было видно, что многие остались довольны.

110 Закончилась борьба «Керешу» в честь юбилея Василия Эктеля. Весь народ разбрелся кто куда. Большинство направилось смотреть концерт на второй этаж.

00 Поднимался не спеша, размышляя: «Какие все-таки молодцы! Организовали сразу два мероприятия в Лаш-Таябе!»

100 Ступая по лестнице вверх, Николай Жирнов заодно смотрел по сторонам. Навстречу ему подбежали профессиональные артисты, как партизаны, с оглядкой:

— Будь добр, позови Сидорова-Лаштая к нам.

— А что, самим слабо? Языка нет, что ли?

— На нас может обидеться, мы же под его руководством приехали сюда.

— Передо мной только недавно проскочил вперед он.

— Очухались, но было слишком поздно, пролетел — даже не заметили его.

— Знаю я, у него всегда под ногами горит земля, не может на месте стоять без дела.

Стараясь никому не мешать, прошмыгнул к первому ряду, где он расположился.

— Сидоров-Лаштай, хотят с тобой переговорить артисты.

Посмотрел по сторонам — все проходило гладко, как по маслу. Потому без всяких слов последовал за Николаем Жирновым.

Оказались в другом помещении, среди книг. Видно было, что здесь находилась библиотека. К нему подскочили артисты, друг друга перебивая, высказывались:

— Сколько времени прошло, Сидоров-Лаштай? Хотим есть.

— Что вы как маленькие дети, не можете еще совсем немного потерпеть, — с грозным оттенком, весь изменился в лице Сидоров-Лаштай, рассердился на них, — подумайте сами головой: как я могу уйти, если еще не закончилось выступление моих земляков?

Раскинув руки по сторонам в недоумении:

— Наберитесь немного терпения, подождите немного.

Ткнув на них пальцем:

— Все-таки не сахарные, не растаете.

Мотнув головой по сторонам:

— Никогда не ожидал от вас, что будете устраивать анархию. Это в других местах выступили и уехали.

Недовольный Сидоров-Лаштай удалился своим быстрым ходом.

Больше не хотелось туда проходить вперед, мелькать перед глазами, беспокоить людей. Расположился прямо в коридоре, заглядывая прямо через пройму двери на сцену. Здесь после соревнования поднялись мужики, забили весь проход, устремив свои взоры в одну сторону, вперед, на сцену. Особенно в толпе был замечен мужчина — стоял тут рядышком солидный дядя, в желтоватой дубленке, невысокого роста, плотного телосложения. Переглянулись между собой, но не промолвили ни слова.

XI

Закончилось выступление коллективов, все последовали к выходу.

Осталась Марина Карягина, начала брать интервью у местных талантливых людей. Сергей Мышев снимал на кинокамеру весь процесс их беседы.

Мужики опять собрались у изгороди, облокотившись на нее, обсуждали, как прошел юбилей Василия Эктеля.

Столкнулся на улице с Петром Алексеевичем Поповым, навстречу подали руки друг другу с откровенной улыбкой.

— Ой, надо же! Когда в последний раз с вами встречались!

— В этом правы, Николай Жирнов!

Напряг свою голову Петр Попов, собрав морщины на лбу, и резко так высказался:

— Было это на соревнованиях по гиревому спорту, на приз Юрия Карпова в Байдеряково!

— Там с вами беседовали, наблюдая за участниками.

Согласно Петр Попов кивнул головой, довольный такой.

— Об этом подробно описал в книге «Симек».

Щелкнул пальцем по виску Николай Жирнов:

— Совсем вылетело из мозгов, там у меня в квартире остались еще три штуки.

Безвольно махнул рукой в сторону:

— Одну надо было прихватить для вас!

— Ничего, в следующий раз встретимся. Живем на свете не один день.

— Все равно нехорошо получается — старого знакомого оставлять без подарка!

Шустро полез в свою сумку Николай Жирнов, достал одно из своих последних произведений, вручил Петру Попову.

— Вот спасибо, не оставил без внимания.

В это время послышалось, как газанул автобус. Повернулся Николай Жирнов, увидел только хвост. От бессилия топнул ногой по снегу.

— Куда это они направились без меня?!

— Само собой, в одну сторону: там вас все ждут в школе с нетерпением.

— Как же мне быть теперь, пешком шлепать, что ли? Даже не знаю, где она находится.

— Об этом даже можешь не беспокоиться, у меня тут под боком стоит машина.

— Фу ты! Все нормально, хоть отлегло внутри.

В руках держа ключи, Петр Попов подошел к новому автомобилю «Нива» темно-красного цвета. Николай присел впереди, рядышком с ним. С места тронулся легко, чувствовался комфорт, не трясло как в автобусе. Ехали по улице Лаш-Таябинской, был прекрасный обзор. Видны были дома в снегу, деревья в инее, все выглядело как в сказке. С большим интересом разглядывал каждое место, удивительное и по-своему разнообразное. Обратился к своему попутчику с большим интересом:

— Теперь чем занимаетесь в селе после директорского кресла?

— Место для меня всегда найдется.

Вытянув руки вперед, хлопнув по рулю неволью несколько раз:

— Сейчас учитель ЛТСШ, тренирую молодежь, чтобы было сильным подрастающее поколение.

— Очень благородное дело, таких бы побольше людей в нашей республике.

— Везде они есть, но мало нам помогает государство, да и чиновники вставляют нам палки в колеса.

— Конечно, неблагодарное это занятие.

— Зато в душе спокойствие, не напрасно прожил день, не стыдно смотреть в глаза людям.

Слегка ладошкой шлепнул по груди.

— Хотите сказать, чтобы из вашего села выходили воспитанники как Гена Дмитриев, чемпион России.

— Само собой, конечно, мы, лаш-таябинские, очень гордимся своим земляком. Всегда привожу его в пример своим ученикам, и это действует на них, поднимает дух чувашский.

— Есть такое дело, в прошлом году в Кугесях 27 июня, на стадионе, на соревнованиях по боям без правил в финале Гена Дмитриев уложил чеченца Загирова за сорок пять секунд.

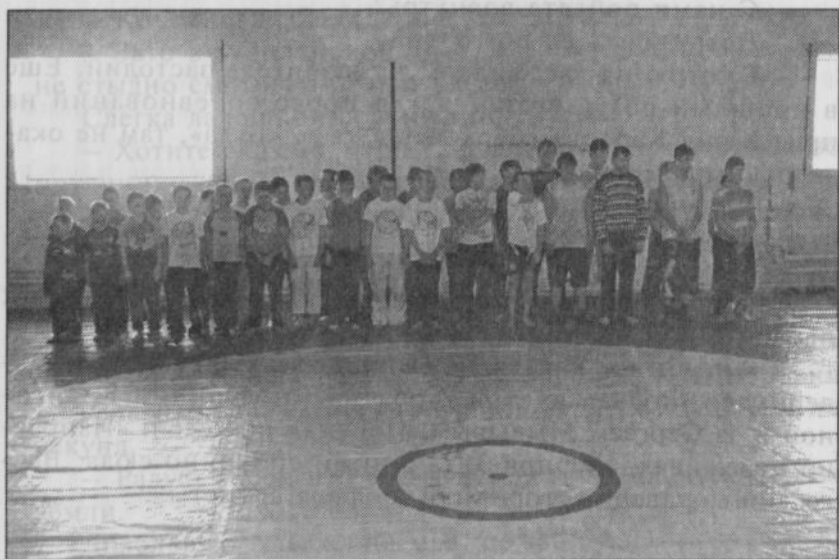
— Радует меня, что есть еще богатыри лаш-таябинской земли.

Довольные, улыбались оба, пожав руки.

- Сам-то тоже в 1984 году по гиревому спорту в командном зачете стал чемпионом России.
- Да, было такое дело, в те годы был молод и силен – все нипочем.
- Гиревиков из вашего села вышло много.
- В одно время был бум.
- Возьмем хотя бы Сидорова-Лаштая. Его первым в республике избрали президентом гиревого спорта.
- Помню, дела в его руках шли хорошо, лучше не пожелаешь.
- Приглашал меня постоянно посудействовать. Тогда работал спортивным комментатором на телевидении.
- У Сидорова-Лаштая все ладилось.
- Один случай расскажу: шли соревнования между Приволжьем и Уралом, и мы отмечали его день рождения в августе, за столом. В это время Сидоров-Лаштай успел снять три репортажа. Мы удивлялись, за какое время он успел это сделать, вроде постоянно был с нами.
- Это он может, я не удивляюсь.
- К этому времени заехали прямо на территорию школы.
- Спасибо, что довезли до места.
- Пустяковое это дело в наше время.
- С нами пойдете вовнутрь?
- Нет, своих дел по горло.
- Смотрю на вас: видать, не любитель застолий. Еще в прошлый раз заметил, когда после соревнований на приз Юрия Карпова собрались в кафе «Була», там не оказалось вашей персоны.
- Для меня самое главное – дело, у чувашей такой стержень.
- Может и правы, в этом не спорю.
- Распрощавшись с ним, направился от торца здания к парадному крыльцу.
- Видно было, как люди вышли из автобуса. Тот развернулся, поехал пустой, обратно за Мариной Карягиной и за Сергеем Мышевым. Подумал про себя: «Напрасно переживал, мог приехать с ними спокойно сюда. Все-го лишь, наверно, торопили шофера артисты».

На открытом турнире по чувашской национальной борьбе "Керешу", проведенном в Лац-Таябинском СДК в конце февраля 2010 года, посвященном заслуженному работнику культуры Чувашской Республики, ветерану спорта В.П. Сидорову-Эктелю

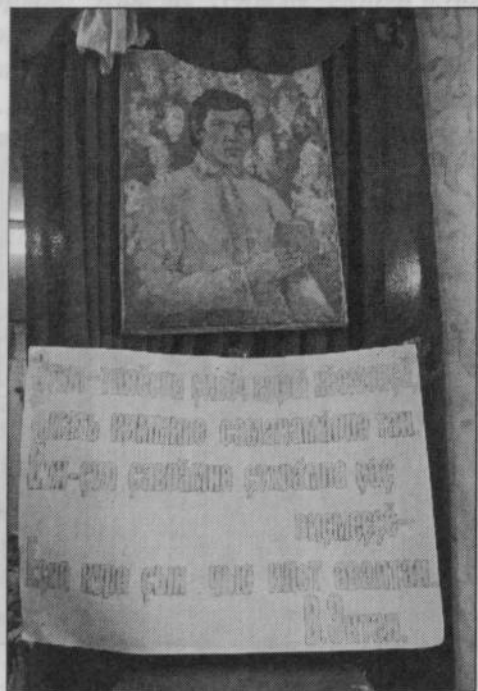
На открытии турнира по борьбе (справа налево): ведущий специалист Яльчикской администрации, журналист Николай Малышкин; отличник физической культуры и спорта Российской Федерации, писатель Петр Сидоров-Лаштай; народный художник Чувашской Республики Николай Енилин и организаторы соревнований

На закрытии турнира

Выступает детский фольклорный коллектив Лац-Таябинского детского садика. Художественный руководитель — Галина Салмина (слева)

*Автопортрет
Василия Эктеля*

*Выступление журналистки местной газеты
Яльчикского района*

Ведущий специалист Николай Малышкин

Антонина Александрова

Николай Енилин

Марина Карягина

Николай Жирнов

Петр Сидоров-Лаштай

Галина Воробьева

На баяне Петр Васильевич, поет Галина Васильева

Выступает Станислав Шаронов

Поет Михаил Максимов

Выступает фольклорный ансамбль Лац-Таябинского СДК

Заключительное слово Петра Сидорова-Лаштая

Снимок на память после вечера памяти

На могиле Василия Эктеля и его отца

На родине Василия Эктеля (слева направо): дядя Николай Ефимов, сестра Вера и старший брат Петр

Родственники Василия Петровича

В доме Сидоровых

Снимок на память перед отъездом из Лащ-Таябы

В школе на стенах висели фотографии учеников, окончивших с золотыми медалями.

Столовая оказалась в самом конце здания. Вовсю мельтешили люди: кто мыл руки, некоторые снимали теплую одежду, складывали в один угол. Из своего большого пакета Сидоров-Лаштай шустро доставал свертки и разворачивал газеты. Оказывается, были бутылки водки «Хамар Ял», ноль семь. Аккуратно выставлял на стол. Некоторые сразу принялись за салат, видимо, очень хотелось есть. В это время женщины подавали горячий суп. Проголодались люди, съедали подчистую все, что находилось перед ними.

Сидоров-Лаштай глянул на противоположную сторону, слегка качнул головой:

– Непорядок получается. Почему рюмки пустые? Что, среди вас нет мужчин?

Видать, задело. Начали наливать торопливо в посуду. Обвел глазами весь стол Сидоров-Лаштай – все ли в порядке.

– Спасибо моим землякам, что подготовились на пять, особенно Николаю Малышкину и Антонине Александровой, зам. главы Яльчикского района – провели гладко мероприятия в честь юбилея Василия Эктеля.

Обратил внимание Сидоров-Лаштай на стол, с такой любовью братской махнул рукой на тех, кто подавал еду:

– Моим сестрам до чего признателен, Вере и Наде, за то, что они заботятся.

Отмахнулись от него обеими руками:

– Мы же свои, ничего тут зазорного нет.

Улыбнулись в ответ ему обе женщины.

– Нам все это делать в радость.

Продолжили они свое дело, чуть ли не бегом.

Посмотрел на мужчину плотного телосложения, который был в желтой дубленке. Успел снять, был в белой рубашке.

– Еще очень благодарен нашему соседнему колхозу «Победа». Теперь руководитель этого хозяйства Николай Головин.

Чуть слегка наклонил голову Сидоров-Лаштай в его сторону:

– За широкий жест душевный, помощь спонсорскую.

Промолчал скромно Николай Головин, вежливо откланялся.

– Нет-нет, надо обязательно сказать хотя бы пару слов вам.

Видит, бесполезно спорить с ним. Невольно пришлось привстать. Спокойно повел свою речь:

– Думаю, как не помочь такому активному человеку. Все стараешься для своего братишки Василия Эктеля.

Обвел взглядом всех и посмотрел на стол.

– Провели юбилей нормально, лучшего не пожелаешь.

– Давайте за замечательного человека Василия Эктеля, что родился здесь в Лаш-Таябе, оставил глубокий след в творчестве.

Поддержала женщина, на него с таким уважением посмотрела, даже привстала.

Успокоился разговор, слышен был только звон ложек.

Не мог тихо провести время Сидоров-Лаштай, все равно бесполезно.

– Надо дать слово старейшему аксакалу Николаю Енилину.

С глубоким уважением посмотрел на преподавателей.

– Замечательно, когда в родной школе учат чувашский язык.

Положив руки на грудь, с гордостью:

– Радуете сердце, когда слышу мелодичный говор наш.

Заблестели глаза у него, весь оживился, как молодой, весь распрянул.

– Пока есть такие точки на земле, не пропадет наш чувашский язык.

– Умные слова сказал. За это надо выпить до дна.

Хором все подскочили, обязательно старались чокнуться с преподавателями.

Миловидная женщина начала говорить, вся загорелась она:

– Приезжайте к нам в июне-месяце. Нашей школе будет 170 лет.

– Это запомним, наматаем на ус, – присел приглашенный Николай Енилин.

— Про это знаю давно, всем лаш-таябинским сообщу обязательно, — высказался вслух Сидоров-Лаштай, глядя на нее.

ХIII

Посидели друженько, поговорили по душам. Довольные, сытые не спеша вышли из-за стола.

Зам. главы администрации Яльчикского района Антонина Александрова и Николай Малышкин уехали на белой газели в Яльчики.

Обратился ко всем Сидоров-Лаштай с такими словами:

— Теперь поедем на лаш-таябинское кладбище.

— Вот это дело говоришь. Мы только за, поддерживаем обеими руками.

Чуть ли не с объятьями попрощались с учителями в школьном дворе. Оставшийся народ уселся в автобус. А автобус стоял на месте и не ехал.

— Где наш Сидоров-Лаштай, глава делегации?

— Да вон, смотрите, вместе с Николаем Головиным ука-тили на джипе.

— Надо же, даже не сказав нам ни слова, поступил по-своему.

Бурча себе под нос, шофер включил коробку передач. Двинулась техника по улице Лаш-Таябинской. Кругом белоснежно, по бокам большие барханы за эти дни успел наместить ветер. Со стороны дома выглядели по-своему неординарно. Каждый хозяин строил, вкладывая свое умение и фантазию. Потому некоторые напоминали свое родное жилье, отчий дом.

Доехали до перекрестка при выезде из села. Недовольным тоном водитель громко сказал:

— Как хотите, честной народ, я дальше не поеду!

— Почему, водила, что случилось с тобой? Случайно не объелся?

Громким басом на весь салон Михаил Макшанов:

— Не хочешь спокойно довезти до места.

Привстав, широко махнув рукой перед собой:

— Давай-ка без всяких эксцессов двигай свою машину вперед!

– Подумайте хорошенько головой, посмотрите, прикиньте реально, – показывая пальцем в ту сторону, – вдруг я там не развернусь и застряну.

Хлопнул обеими руками по баранке и воскликнул:

– Тогда и будет делов: придется искать трактор, и сколько времени потратим впустую.

В этот раз ему никто не перечил.

– Береженого Бог бережет. Ничего, если пройдемся, ноги свои разомнем.

– А ты, водитель, может и прав в этом вопросе, больше спору нет.

– За целый день не устали ваши задницы на стульях просиживать? Будет полезно для здоровья нашего.

Выскочил первым Александр Вражкин, сходу начал фотографировать табличку с названием «Лаш-Таяба», сделанную из дерева. Со всех сторон шелкал и приговаривал:

– Думаю, хорошая будет фотка для моей статьи.

Радовался этому как дитя Александр Врашкин.

Налево зашагали по дороге Николай Жирнов вместе с Петром Васильевым.

– Смотри-ка, здесь и не чувствуется зимний мороз.

– Это наверняка потому, что нет ветра.

Впереди виднелся джип. Оттуда вышли двое, все осматривали местность. Начал махать рукой Сидоров-Лаштай. Наконец увидел шофер, поняв, в чем дело. Значит, что все в порядке. Начал заезжать в этот тупик, на полпути подобрал остальных людей.

XIV

Приблизился Николай Жирнов к Николаю Головину, невзначай завел разговор:

– Надо же, я-то не знал Вас. Говорили знакомые, что хозяйством стал руководить, Николай Головин?

– Смотри, стою перед тобой.

– Теперь вижу, не слепой.

Он бы полный, плотный. Желтая дубленка придавала солидность.

– Получается, после моего троюродного братишки Паши Демидова взяли в руки хозяйство и стали председателем колхоза «Победа»?

— Не сразу. Еще только после Цыганова встал у руля.

— Становится все понятно. Мой дядя Соти Жирнов говорит, что до сих пор приглашают его бригадирствовать на прежнее хозяйство.

Сходу ответил, ни грамма не сомневаясь:

— У него есть дар находить общий язык с людьми.

— Подарю Вам книгу одиннадцатую, вышедшую в прошлом году, «Тавансем» в знак дня знакомства.

Внимательно прочитал надпись на обложке, веселым тоном:

— Ведь Жирновых всех знаю в Изамбаево!

— Они мне все родственники, связаны через каждое колено. Одним словом — одна кровь.

Прикинув с головы до ног, с большим интересом:

— По вашей мощной фигуре видно, что раньше занимались спортом.

— Угадали, прямо попали в точку. В молодости было дело — увлекался вольной борьбой, занимал призовые места!

Отмахнулся в сторону, глядя куда-то вдаль:

— Сейчас, в настоящее время, всего лишь ветеран этого вида спорта.

XV

К этому времени все подошли сюда. За ними на этом пяточке спокойно развернулся автобус. Расчищено было так, что и КАМАЗу можно было проехать. Видно, хорошо постарался тракторист.

Даже расчистили лопатой тропинку до самих могил Сидоровых. И здесь было чисто, ничего не скажешь. Стояли памятники из мрамора — один отцу, другой, рядышком, Василию Эктелю.

Собрался тут народ гуртом, кроме Николая Сорокина. Он ходил по кладбищу, где снега было по пояс, искал кого-то знакомого, всматриваясь в таблички на крестах.

После городского шума и суеты здесь стояла такая тишина, что в ушах ломило от этого спокойствия.

Нарушил своим голосом Сидоров-Лаштай:

— Вначале хочется дать слово брату моего отца.

Не спеша, с паузой, заговорил старейший из всех:

— Одно только хочется сказать: да будет земля пухом, Петя, и мой племяш Василий, души ваши на небесах.

Поднял голову кверху, посмотрел на чистое голубое пространство, а потом с грустью на фотографию. А сам мял в руке свою шапку. Видно было, с таким переживанием давались ему слова.

— Жалко до глубины души, что рано ушел Василий Эктель, ему бы еще жить да радоваться этому миру.

Замолчал, опустил голову вниз.

Сидоров-Лаштай перевел взгляд на другого пожилого, что стоял рядом.

— Будь добр, скажи хотя бы пару слов, дядя.

Дрожавшим голосом начал свою речь.

— Что поделаешь, таков наш век, и мы придем к вам со своими добрыми делами.

Ответ свои глаза в сторону от печали. Слегка ладошкой прикоснулся к холодной земле.

— Как вы оставили хорошее имя в этом мире.

Выступали еще несколько человек с трогательными речами, видно было, что говорили от всего сердца. Каждый старался долго не говорить, всего лишь суть, отдавая дань уважения людям, ушедшим в другой мир, покоившимся под этими холмиками.

XVI

После почтения усопших стали медленно по одному выходить с кладбища. Попрошавшись со всеми, Николай Головин укатил на своем джипе в сторону села Янтиково. Остальные уселись в автобус по своим местам. Посмотрел Сидоров-Лаштай, все ли тут, и заметил:

— Не хватает только Николая Сорокина. Интересно знать, где он.

Слегка пригнулся Сидоров-Лаштай и через дверь выглянув наружу, увидел его. Забежал Николай Сорокин вовнутрь салона весь в снегу. Водитель сходу сунул ему щетку прямо в руки.

— Иди сначала отряхни снег, а то сейчас будешь весь мокрый, гляди — на улице не лето, моментально простынешь.

Отряхнувшись, Николай Сорокин отдал щетку обратно водителю. Довольный собой, прошелся:

— А теперь, дорогие мои, поедem ко мне, в коренной дом!

С задних мест крикнули молодые:

— Может хватит на сегодня? И так столько времени пробыли в этой Лаш-Таябе.

— Вы что, ребята, совсем охренели? Как не зайти в родной угол — это непростительно!

После этих слов настала тишина. Смотрели них очень странно все. Те и сами были не рады, что лягнули невпопад. Транспорт продолжал ехать, а Сидоров-Лаштай объяснял, каким макаром надо добираться до намеченного места.

Развернулся к борцам Николай Жирнов, посмотрел на них:

— Ну, ребята, какое место заняли в «Керешу».

С неохотой, все сморщившись, все-таки ответили:

— Да так, третье место всего лишь.

— Вначале как говорил Николай Сорокин: не объявлять, в каких больших соревнованиях вы участвовали, чтобы напугать соперника.

— Все равно почетное место, взяли приз.

— Видите, какие сильные оказались яльчикские юноши.

— Особенно лаш-таябинские ребята крепкие.

— Видно невооруженным глазом, что это воспитанники Петра Попова.

— Школа его сильная, хорошо тренирует.

— И у вас Коля Петров не плохой преподаватель, его воспитанники не раз занимали в России первые места.

— Ничего, немного подрастем, тоже покажем класс.

XVII

Подъехали прямо к воротам Сидоровых. Вышел весь народ, ступили на землю. Здесь бегали дети, был слышен смех радости в большой семье. Остановился Сидоров-Лаштай, руками схватился за изгородь, осмотрел окна, а в глазах было столько любви у него к этому месту. Не выдержал он, тихо проговорил:

— Как больно щемит сердце, когда я вижу свой отчий дом. Готов обнять все это место, такое оно родное, до всей глубины души.

Наверно, не хотел показывать свои слезы. Резко сорвался с этого места, обогнал всех, зашел первым в свой двор.

Автобус подавал назад, нечаянно срезал угол, моментально сел на одно колесо. Подбежал Николай Жирнов, схватился за корпус, начал толкать. Еще несколько мужиков, которые не успели зайти, помогали выталкивать. Раскачали весь автобус; на полном ходу выскочил на дорогу. Вспотевшие мужчины умывались снегом, затем последовали все к калитке.

XVIII

У кого-то неожиданно зазвонил сотовый телефон. С поспешностью полезла в свою дамскую сумку Марина Карягина, шарила по дну, наконец-то нашла, нажала на зеленую кнопку:

— Слушаю внимательно. Говори, пожалуйста.

Не перебивая разговор, дослушала до конца. Совсем изменилась в лице, по-другому повела свою речь:

— Надо сделать так, Айдар, как я тебя просила. Еще раз повторяюсь: надо обязательно исполнить то, что тебе сказала.

Рассудительным тоном переговорила с ним дальше Марина Карягина. Наконец, успокоившись, осталась довольная чем-то. Положила свою трубку на место, последовала за всеми в калитку, сама осматривала все строение, размышляла о своем.

XIX

Выскочил откуда-то артист-иллюзионист Станислав Шаронов, впопыхах к Николаю Жирнову:

— Пойдем в баню. У них, оказывается, уже готова.

— У нас, чувашей, всегда гостей встречают истопленной баней, а там на их усмотрение.

— И вот в самый раз для нас.

— Откуда знаешь об этом?

— Сказал Сидоров-Лаштай, что там моются мужики в самый жар.

— Не знаю, что и сказать. Вот так с бухты-барухты...

— Ты, наверно, не любишь сельскую экзотику?

– Об этом не говори. Наоборот, домашний. По-своему приятен запах дерева, и доставляет наслаждение распарить до самого красна свое тело.

– Ну тогда что стоим?

– Второпях не нравится мне это делать.

Прикрыв свои глаза, Николай Жирнов смачно говорил:

– Надо спокойно, с расстановкой, с наслаждением для тела и души.

– Как ты хочешь, нельзя терять ни минуты.

– Это же целый ритуал.

– Я побежал. Нельзя упустить такой удачно выпавший момент.

Махнув на него рукой, весь возбужденный Станислав Шаронов вышел со двора, между сараями завернул налево.

XX

Едва переступили порог дома, встретили две сестры Сидоровы Вера и Надя – вежливо, с приятными женскими улыбками, по домашнему, как своих близких людей, всех до единого человека, нежно и стеснительно, с добротой. С одной стороны была старшая Вера, с другой младшая Надя. С уважением протягивали руки и заодно показывали:

– Снимайте пальто и куртки, кладите прямо сюда, на этот большой сундук.

– Богаты будем, если прикоснемся к этому ларцу.

С грозным видом отмахнулся Михаил Максимов:

– Кто это сказал такую ерунду?

– Говорили старые люди всегда, сколько помню себя.

– Ну и замечательно. Мы правильно сделали привечать так гостей.

Сами женщины заторопились на кухню.

Посередине комнаты стоял длинный стол, весь накрытый едой. Видно, что еле поместились большие чашки с разнообразными салатами.

Посмотрела по сторонам внимательно Галина Воробьева, так озабоченно:

– А где ваша матушка? Что-то здесь не видно.

– Об этом можете не беспокоиться.

Подошла к ней Вера, вежливо высказалась:

— Матушка наша живет у меня, а я сама неподалеку, у школы.

— Замечательно, когда есть кому ухаживать за старым человеком.

— Нашей родненькой не скучно у нас, общается со своими внуками с большой радостью, она наоборот оживилась вся.

Подошла Надя, по-свойски провела правой рукой перед ними:

— Что стоим, гости дорогие? Разговорами сыт не будешь.

Посмотрела восклицательным взглядом:

— Давайте присаживайтесь к нашему столу. Чем богаты, тем и рады угостить вас!

— Надо же, тут накрыт шикарный стол. Не скромничаете, девочки, — высказался Петр Васильев с улыбкой, чуть прищутив глаза.

Сестры опустили глаза вниз. Неожиданно сами женщины заторопились, начали подавать каждому суп.

— Ой, девочки! Только недавно поели в школе досыта! — отнекивался Александр Вражкин, отталкивая обеими руками от себя. Все равно поставила перед ним.

— Как это без горячего? Хоть одну тарелку на двоих немного похлебаете.

Так никто и не притронулся до этого. Старались оприходовать что-нибудь из легкой пищи: фрукты, груши, мандарины.

А здесь стоял шум, как будто жужжал рой пчел. Каждому хотелось поделиться своими впечатлениями. Привстал Сидоров-Лаштай, на него даже никто не обратил внимания. Тогда он вилкой постучал по стакану, посмотрел на всех:

— Прошу тишины, дорогие мои!

Успокоившись, народ повернул головы к нему.

— Хочется сказать одно — здесь в нашем доме гостили великие люди в разные годы, начиная с нашего яльчикского академика Волкова Геннадия Никандровича, патриарха.

Видно, в горле пересохло от волнения, пару раз глотнул из кружки чувашского домашнего пива.

— Герой Советского Союза Федот Орлов, Михаил Кузнецов, Павел Кузнецов, первый чувашский олимпиец Ар-

далион Игнатъев, известный наш писатель Краснов-Асли, А.Ф. Ильбеков (Ильпек-Мигулай), Юхма Миши, можно перечислять еще многих людей.

— В этом действительно правы, Сидоров-Лаштай. Каждый с большим именем, ничего не скажешь, — прямо со своего места поддакнул ему Александр Вражкин.

А сам Сидоров-Лаштай с гордостью, с расстановкой, между дел:

— Давайте за всех, и чтобы нам было великолепно жить на этом белом свете.

Здесь на столе чего только не было, просто глаза разбежались от изобилия.

После Сидорова-Лаштая поднялся Николай Енилин, слегка поправил рукой назад свои седые волосы.

— Хочется сказать мне добрые слова в адрес этого дома, в котором родился наш Василий Эктель. Сегодня прекрасно провели его юбилей, дай Бог каждому.

Рукой показывая на расположившихся рядом:

— Конечно, не без усилий Сидорова-Лаштая, смог организовать, и сестер его Веры и Нади.

С еще большим уважением в голосе:

— Главное, спасибо родителям, сколько детей вырастили в этом доме!

Поднял указательный палец наверх:

— Поставили на ноги. За это им спасибо, поклон до самой земли.

— Прекрасный тост, лучше не пожелаешь.

Даже привстали все с уважением к старшему поколению.

В это время Светлана Ермакова шустро достала из своей журналистской сумки записную книжку, быстро начала писать. Отвлек людей резкий хлопок дверью. Появился Станислав Шаронов, весь мокрый, с розовым лицом, довольный, улыбка до самых ушей.

— Надо же! В такой замечательной бане давно не парился! Выложился полностью, вовсю, сколько хватило силы, еле дополз досюда.

Протер свое мокрое лицо ладонью Станислав Шаронов. Заметив это, Вера шмыгнула в другую комнату, принесла полотенце, накинула на его шею.

– Ой, спасибо, Вера. Дай Бог тебе здоровья.

У Станислава Шаронова все не заканчивались эмоции:

– Пар такой горячий, а тут зятки Сидоровы еще плеснули пива домашнего на каменку. Нос щекотал ароматный запах хлеба и хмеля. Кружилась голова от этого.

От балдежа прикрыл глаза Станислав Шаронов, вспоминая тот момент.

– От этого нос расширился, легкие очистились.

Кивнул головой в сторону несколько раз:

– Жаль, что не пошел со мной, Николай Жирнов. Много потерял в этот радостный момент жизни.

Вступился в их разговор Сидоров-Лаштай:

– Ничего, в следующий раз будет повод приехать ко мне моему другу сюда. Все это поправимое дело!

– Заодно меня обязательно не забудьте пригласить.

Довольный собой, пригладив свои мокрые волосы, Станислав Шаронов присел за стол со всеми. Здесь почти все приготовленное женщинами было не тронуто. Конечно, кроме фруктов, их моментально съели. А Николай Сорокин с улыбкой такой сестрам Сидоровым говорит:

– Куда же вы денете все это? Столько салатов осталось после нас!

– Об этом можете не беспокоиться.

Все не унимался Николай Сорокин, допытывался теперь до Веры:

– Скажите, интересно знать, все-таки такое любопытство одолевает.

Отодвинулась немного Надя, посмотрела на него странно, ответила за Веру:

– Если хочешь знать, слушай правду. Здесь наши мужья моются в бане, вполне после вашего отъезда можем себе позволить! – прямо вся распрянула Надя, – соберемся мы, да еще соседей позовем. Все равно завтра воскресенье, можно гулять свободно!

– Вы такие общительные, вся семья Сидоровых.

– Погляди-ка в сторону – появились наши половинки.

Больше не стал Николай Сорокин донимать сестер Сидоровых. Облокотившись на стол, стал смотреть прямо. Один за другим стали заходить зятя, за ними следовали дети. Все были как помидоры красные. Рассаживались на

диван, причесывали гребешком светлые волосы, как на подбор. Подскочили со своих мест, завели с ними разговор.

XXI

Приблизилась почти вплотную Надя к Галине Воробьевой, посмотрела в глаза, и таким радостным тоном:

— Спойте, пожалуйста, наши чувашские песни, если выпал удачный момент послушать вас.

— Для Сидоровых всегда приятно мне исполнить.

Положила ладошки одну на другую, вздохнула полной грудью, послышались из уст Галины Воробьевой трели соловьиные. Моментально собрались женщины вокруг нее, смотрели в рот, а сами поддерживали припевы, пели вместе с ней.

XXII

За окном давно стемнело. Зимний день был очень короткий. А тут все не кончались бурные разговоры между собой.

Марина Карягина громко проговорила:

— Если нам так рассиживаться, мы точно не доберемся до самого утра.

— А Вы правы в этом, Марина Карягина, — поддержала ее Светлана Ермакова, вскочила, поправляя на себе одежду, заодно заглянула в свое маленькое зеркальце.

Стали одеваться женщины, медленно пошли к выходу.

А у мужиков все не кончался разговор с родственниками Сидоровых. Глядя на слабый пол, невольно последовали за ними. Наконец-то все уселись по своим местам. Вера и Надя совали пакеты с домашними гостинцами на дорогу, чтобы было ехать веселее.

XXIII

В этот раз Александр Вражкин устроился рядом с Мариной Карягиной, бурно что-то обсуждали. Присел Николай Жирнов рядышком с Николаем Енилиным, завели между собой разговор:

— Что же Вы носите старый шарф?

— Да я привык, он ближе мне к моей шее.

— Давайте лучше я подарю Вам свой шарф. Он почти новый, еще даже месяц не носил.

Матушка

I

Дороже матери своей никого нету на этом свете, и не будет никогда в твоей жизни. Об этом надо помнить всегда, пока она жива. Жена может уйти от тебя в любое время, навсегда разойтись в дальнейшем пути, если вдруг случится, что ей не по нраву проживать с тобой. В жизни могут случиться непредвиденные обстоятельства — ты станешь калеккой, и жена может бросить тебя, не моргнув глазом. А матушка родная никогда не откажется, даже если ты будешь инвалидом или больным. Всегда примет, обласкает, прижмет к груди своей, откуда выкормила тебя маляутку молоком своим, как было в детстве. В самое тяжелое время заново научит шагать по земле, ни в чем не унывая.

II

Настал две тысячи девятый год. Подумал Никта: «Вот он как оканчивается, на любимую цифру 9. В этот год ему должно очень повезти во всем. Еще исполнилось ровно 55 лет. Непремененно решил сделать для себя подарок — выпустить одиннадцатую книгу на чувашском языке «Родственники». Осенью издал на русском «Деньги пахнут». Так чередовал, чтобы не обижались земляки в поселке, говорили:

— Старайся издавать и на русском, а то мы не знаем чувашский.

После этого случая Никта старался издавать и то и другое по очереди, никого не обижать в этом деле. Главное — пусть читают. В этот день в кармане не было ни шиша у Никиты. Все равно упорно решился на свое задуманное дело — как всегда выпустить на свои деньги книгу. Сколько живет Никта, ни разу не было помощи от государства. Только на себя надеялся Никта. Решил занять деньги и обязательно издать. В прошлом году получилось хорошо. За пять месяцев реализовал весь тираж «Дом матери» на чувашском языке. А на вырученную прибыль удалось напечатать «Деньги пахнут». Начал Никта занимать деньги у людей. Все как один говорили:

— Настал кризис, не знаем, как выжить, да еще только начало года.

Пожимая плечами, уходил Никта с извинениями. Истоптал несколько километров, и много нервов потратил.

Доходило до того, что хотелось плюнуть на все, махнуть рукой на эту затею. Но душа твердила совсем другое: «Если взялся за дело, надо исполнить свою мечту в любом случае. А то себе не простишь проявленную в этот момент слабость». Все таки мир оказался не без добрых людей. Первую руку помощи протянула еще с детства знакомая Валеи. С братишкой ее дружили, жившим тогда в Ибресях. Вытащила Валеи из своей записной книжки деньги:

— Сколько было в запасе, столько отдаю. Чтобы повезло, на удачу.

— На какое время, Валеи?

— Отдашь, когда появятся финансы.

— И на этом спасибо, поддержала в трудную минуту, землячка.

Радостный Никта пошел дальше искать. Знакомый мужик из чуваш — Тимяши Чугаров, отдал. Вот какие оказались земляки ибресинские — в момент протянули руку помощи в трудную минуту. А другой, совсем мало знакомый, продавец канцелярских товаров. Сам был из Батыревского района, из Первомайского Эдуард Корнеев. Этому удивился Никта: доверился почти совсем незнакомому человеку. Поразила Никту эта добропорядочность, открытая душа. Понял умом, что чувашаи очень добрые. Не хватало еще совсем небольшой суммы. Начал просить у богатых, у которых имелось все от машин до коттеджей. Они говорили так:

— У нас нету денег. И откуда взяться, когда в стране кризис?

— Ну как же? Вы процветаете, миллионами ворочаете?

— Да это просто видимость. Не верь, что говорят злые языки.

Махнул рукой на них Никта: бесполезно, только время тратить впустую. Наверняка дома мешками лежат деньги, а под дурака косят, все сваливают на кризис. Больше не обращался Никта к богатым людям. Вдруг вспомнил хорошего знакомого, которого давно знал.

Дал ему знаменитый певец с одним условием: беру у него десять тысяч, возвращаю уже одиннадцать. Единствен-

ный человек брал проценты. Договорились об этом, пожали руки друг другу. С такой радостью был благодарен ему Никта!

III

В начале задумал так Никта: хотел взять половину и реализовать. Оставалось отдать совсем малую сумму денег. Но не тут-то было — уперся директор:

— Только полностью! Не расплатишься — никакого не может быть разговора.

Взяв деньги, Никта от артиста побежал сразу в типографию.

Здесь в конторе Никта вызвал такси, прямо на нем доез до своей квартиры весь свой напечатанный тираж.

Дома, раскрыв одну из пачек, достал книгу. Еще пахло краской. Кружилась голова от счастья. Сколько вложено труда! Этот момент был для Никты действительно праздничным. Довольный такой, прочитал с удовольствием первые строки. С таким трепетом, дрожащим голосом:

— Со стороны Новочебоксарска показалось яркое солнышко, поднималось медленно, постепенно начинало греть.

Хотя Никта знал наизусть, приходилось переправлять по несколько раз и прибавлять недостающие, как ему казалось, слова.

IV

Подумав о своем дне рождения Никта сразу опечалился. Стол был пустой. Денег для празднества не оказалось. Поздравляли друзья, знакомые — Никте никого не пригласил, нечем было угостить. Сидел в кресле Никта без всяких движений. Из кухни доносился вкусный запах. В этот момент Никта сразу оживился. Оказалось, жена в духовке приготовила рыбу с картошкой.

Под вечер пришел сын со снохой и внучкой. С собой еще принес две бутылки пива «Букет Чувашии».

Встал с места сын, взглянул на всех, чтобы успокоились:

— Прошу тишины, мои дорогие.

Пока не успокоились, дальше не продолжал:

— Батя, тебе исполнилось пятьдесят пять — хорошая дата! Желая всего наилучшего в жизни.

— Спасибо, сынок, за добрые слова в мой адрес.

Пошли дальше поздравительные речи в его сторону от близких людей. Заодно поедали горбушу с натертым сверху сыром и покрытую майонезом, на вкус была приятной. Махом остались одни кости на противне. Заодно запивали кто чем.

Поднялось настроение у Никты, расслабило пиво в желудке вместе с пищей. После это трапезы перешли в гостиную. Разложился Никта на своем месте, начали играть в домино, в закрывашки. Одна только внучка кричала:

— Деда, я тоже с вами хочу играть!

— Видишь сама, что пятый лишний.

— Мне без вас скучно одной.

— Возьми, Соня, шашки себе в радость.

Сам выдвинул пенал, подал коробку и игральную доску. С внучкой общаться была невероятная радость в этой жизни, продлевающая годы.

V

Уже Никта несколько раз звонил тете Мане, никто не брал трубку. Наконец сегодня замолчали длинные гудки, послышался женский голос:

— Кто это там?

— Хотел поговорить с тетей Маней. Мы с ней всегда общались.

— Наверное, Никта? Она говорила про вас много?

— Теперь хочется знать, кто вы такая?

— Да сестренка Тоня.

— Теперь становится понятно. Вы тетка моя.

— У нас ведь горе — умерла старшая сестра.

— Почему об этом не уведомили меня?

— Мы звонили по номеру 54 - -

— Изменили на днях на 64 - -

— Как жалко... В последний путь ее не проводил до конца...

Замолчал Никта, и сдругого конца не было голоса.

Тихо так Никта проговорил:

– Она всегда говорила: я – святая Мария, не вышла замуж, прожила одна девочкой.

– Она не была одна, приходили мы – сестры, и дочка моя младшая приходила, бегали в магазин за продуктами.

– Приходил к ней 3 года тому назад, 14 сентября, ей исполнилось 80 лет. Там с ней была высокая девчонка с шикарными косичками.

– Это и есть моя девочка. Ой! Кто-то звонит в дверь.

– Ну ладно, поговорим еще, тетя Тоня.

Положив трубку, Никта вспомнил тетю Маню: всегда улыбалась, глаза красивые, умная. Работала на швейной фабрике «Рассвет» бухгалтером. Хромала всего лишь на одну ногу. Рассказывала тетя Маня, что в детстве легла на землю, простудила одну сторону, после этого начала хромать. Врачи никак не могли вылечить. Так и не смогла выйти замуж. Еще после войны – мужиков не хватало.

VI

Встретил в городе знакомую женщину изамбаевскую, она и говорит:

– В вашем роду Жирновых в этом году будет не первая смерть, а умереть должны три человека.

– Что болтаете всякую чепуху? – отплевываясь, Никта зашагал быстрее от нее.

Вечером позвонила Маркова Лидя (ее родители жили напротив его родового дома):

– Звонила тебе, Никта, несколько раз. Все нет.

– Находился на работе. Только пришел.

– А что так поздно?

– Хочется скорее закончить и сдать.

– У вас там умер дядя Авдик, сегодня похоронили.

– Почему мне не сообщили?

– Не знаю. Такая ваша сестренка Ира.

– И на этом спасибо, Лидя.

Весь опешивший, Никта сидел в кресле.

VII

В прошлом году ездил в Изамбаево, возил туда свою матушку родную. Пришлось на машине сына, вначале из

Чебоксар в Ибреси, оттуда напрямик в Изамбаево. Рядышком на заднем сидении матушка, сидя с сестренкой. Думал, по-своему рассуждая, Никта: «Старый человек. В момент укачает ее. Прикроет свои голубые глазки, будет спать до самого места».

И что стало всем интересно, матушка ни разу не сомкнула глаз до самого Изамбаево: все рассматривала она проезжие места.

Остановил сын свою машину напротив дома. Открыв дверцу, Никта подал руку матери. Ступила на землю, вздохнула с легкостью, вроде ожила и помолодела вся, глазки, как прежде, в один миг засверкали:

— О, родное мое Изамбаево! Думала, больше никогда не смогу быть здесь.

Обернулась, и Никту обняла, поцеловала в щеку с лаской:

— Спасибо тебе, сынок, за такое уважение ко мне.

— Как же, мама дорогая моя, ведь для меня в радость делать тебе доброе дело.

Немного всплакнула. Хотел было поддержать ее за локоть Никта. Но она убрала руку, выпрямила спину, спокойно сказала:

— Сынок, дай пройдуся сама по своей родной земле. Еще знакомо с детства каждое место.

— Раз такое дело, никто не мешает тебе.

Встала матушка, рассматривала каждое строение вокруг внимательно, не спеша. Насмотревшись, она опять вытерла свои глазки, тихонько зашагала в свой родной дом.

Тихо, не спеша открыли дверь, пропустили вперед матушку, во двор. В сенях сняли обувь, прошли вовнутрь все вчетвером. Навстречу вышла Вера, сделала удивленное лицо, с такой гримасой, громко ахнула:

— Ба! Надо же такому случиться! — руками хлопнула резко по бедрам Вера несколько раз.

— Как доехала к нам, при том в таком возрасте, тетя Анисий?

— Привез на своей машине внук Володя, а мне всего лишь 92 года, — оживленным тоном высказалась голосом молодой.

Откуда ни возьмись, появилась Ира перед ними.

— Подумать только! Хватило здоровья у вас, тетя!

— Минуточку, приведу своего отца.

Момент скрылась за перегородкой Ира.

В этот момент повернулась Вера ко всем, с улыбкой, вежливо:

— Присаживайтесь к столу, дорогие гости. Как раз успели приготовить шурбе. Еще горячий, накрытый крышкой.

С таким невероятным любопытством обратилась Вера, чуть чуть наклонив голову к ней, прямо в ухо:

— Тетя Анисия, как надумали приехать сюда?

— Еще в прошлом году предлагал сын побыть здесь.

Вздыхнула спокойно, слегка поправила платок на голове:

— Но тогда была не в духе, а в этот раз непременно решила, просто душа не выдержала, добралась вот с сыном, дочкой и внуком.

Сразу помолодела, посветлело лицо, сверкнула глазами, появилась искорка.

— Как я без своего Изамбаево!

Расправила свои плечи, убралась сутулость.

— Здесь родилась, здесь прошло мое детство. Когда, бывало, появляется ностальгия по прошлому, хочется плакать.

Хлопнула дверь, послышались голоса. Появился дядя Авдик. За ним следовала Ира. Взглянул, даже застыл на месте дядя Авдик. Потеплело лицо, с такой радостью:

— Сестра моя, молодец, что смогла приехать! — резко обнялись, со слезами на глазах у братишки и сестры.

Здесь у наблюдавших тоже навернулись слезы. Каждый вытирался, отворачивал свой взгляд между собой. Шустро подошла Вера, посадила обоих вместе за общий стол. А тут всего было полно, от шартана до шурбе, заставлено едой. Появилась сестренка двоюродная Рита со своим сыном. А за ней Верины сыновья, двое мальчишек, похожи были на нее. Время не теряя попусту, быстро они сошлись с Вовой, болтали о своем. В окне виднелось, как тетя Рита возвращалась с реки Булы босиком, в ее-то возрасте! Видать, соскучилась по здешним местам после московской жизни.

Появилась здесь тетя Рита, с такой свежестью. Было видно наяву, вздохнула с радостью:

— Как прекрасно здесь, в этом Изамбаево, все зацвело на полях, журчит река, поют птицы повсюду.

Раскинула руки тетя Рита по сторонам:

— Недаром родители мужа Жирновы выбрали идеальное место для проживания.

Сидевший до этого молча дядя Авдик тоже заговорил:

— Конечно, еще Романовы, Лепешкины, Чермаковы, Захаровы, Пчеловы, Марковы... Можно еще перечислять многих моих деревенских.

— Правы в этом, Авдик, ни грамма не спорю с вами.

Наглядно прямо толкала пальцем Вера:

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, тетя Рита.

— Ой, совсем от такого наслаждения природой закружилась моя голова.

Слегка так ладошкой прикасаясь ко лбу:

— Посмотреть на вас, Анисия и Авдик! Сидите на заглядение!

Улыбнулись оба, еще плотнее прижались:

— Может, в этой жизни в последний раз видимся.

Посмотрела Анисия на своего братишку с лаской. Встала между ними тетя Рита, положила руки на плечи:

— Давайте-ка живите, сколько дал вам Бог.

VIII

И пошел веселей разговор за богатым столом, еще и с людьми родными.

Сын повез всех вместе на своей машине, даже рессоры загнулись в другую сторону. Здесь на кладбище мелькали разные цвета, собирався народ.

Прошлись вместе с матушкой по могилам своих близких.

Пока еще не приехал батюшка на отпевание.

Здесь все люди удивлялись, обнимали матушку мою:

— Анисия, все-таки ты живая! Радует нас. Как бы не говорили, какая все-таки ты молодчина.

— Ничего, видите, еще держусь на ногах.

— Думали мы совсем по-другому.

Подымала голову наверх, шла дальше между могил.

Наконец, довольная собой, присела матушка прямо напротив брата Ивана. И тут — неожиданный поворот — матушка со слезами на глазах начала причитать:

— Должна я здесь лежать, на твоём месте, мой сынок старший.

Тяжело вздыхая, вытерла белым платком лицо, медленно успокоилась. Тут подошла тетя Настя со своим мужем. С таким удивлением посмотрела в их сторону:

— Надо же такое случиться — встретить тебя, Анисия, здесь.

— А ты думаешь совсем по-другому обо мне?

— Знаешь ли, кто я такая?

— Как же! Думаешь, Настя, что я старая, из ума выжившая, бабка?

Бодро так матушка пальцем указала:

— Это твой муж Карсаков из соседней деревни Избахтино.

— Действительно оно так, Анисий. Голова у тебя еще соображает, даже лучше, чем у молодой.

Улыбнулись, остались все стороны довольны.

IX

После главного процесса начали друг друга угощать сладостями. Тетя Рита преподносила свои маленькие куличики, привезенные прямо из самой Москвы. Ставили толстые маленькие свечи, нарезанные пластмассовые бутылки ставили сверху, чтобы свечи не затухали.

Долго не стали рассиживаться, посматривая на матушку. Боялись, как бы ей не стало плохо в такой жаре. Хотели еще заехать попутно к сестре матери, тете Наде в Батыревский район, в Старые Тойси.

Подошла племянница Роза, как-то робко проговорила:

— Может, подвезете меня до Яльчиков?

С еще большим стеснением, с сомнением таким Роза проговорила:

— А то опаздываю на работу.

— Какие проблемы! Присаживайся рядышком со своей бабушкой.

— Ой, здорово получилось у меня в этот раз.

Сами сели в машину, на прощанье помахали родственникам.

— А что, Роза, у твоего Долгова куда делся автомобиль?

— В ремонте, да притом не вылезает из-под низу этой техники.

За разговором не заметили, как добрались до Яльчиков.

Оживилась матушка, указала пальцем на территорию завода:

— Видите, мои детки, вон там находится двухэтажное здание деревянное?

— Да, мама, хорошо просматривается!

— Это Жирновский дом.

— Наверно, про это говорила тетя Маня, твоя двоюродная сестра. Приходила сюда, хотела взять деньги.

Подробно хотелось рассказать Никте своим:

— Но ей сказали, что когда конфисковали, документов не было. Можете разобрать и увезти себе обратно.

— А жаль, что ничего не получилось, - вздохнул тяжело сын Володя.

— Высадите меня здесь, на перекрестке.

— Куда надо тебе, конкретней скажи, сестра?

— В больницу. Она находится совсем в другом конце села.

— Роза, тебя хоть куда могу подбросить.

— Спасибо тебе, братишка, на добром слове.

Момент доехали до ворот. Внутри территории находился двухэтажный белый дом.

С лаской Роза поцеловала свою бабушку и выскочила из машины.

— Ой, спасибо. Пока ехала с вами вместе, отдыхала, радовалась душа, мои дорогие родные! — раз, и шмыгнула за калитку в больницу.

Повернулся Никта к своему сыну:

— Теперь поедem к материнной сестре тете Наде в Старые Тойси, Батыревский район.

С заднего сиденья послышался быстрый говор сестренки:

— Ты, брат, не видел, как упала матушка? Наверное, ей плохо.

— В какое время это случилось. Об этом даже и не знал, Аля.

— Давайте-ка лучше поедем в Ибреси.

— Может, заглянем в Байдеряково? Тут рядом находится.

С таким убедительным видом Никта старался уговорить своих:

— У них в Байдеряково тоже сегодня Симек, там на кладбище у нашей матушки лежит бабушка, а в прошлом году умер дядя Леша в 95 лет, а в доме живет тетя Соня, ухаживает за сестрой старшей. Ей, наверно, сто лет.

Все втроем повернулись к матушке. Выглядела она бледно, видно, от жары было тяжело.

— Нет, еще раз нет! — на повышенном тоне высказалась Аля.

Больше без слов сын вырулил свой автомобиль в сторону Канаша.

Как будто знал Никта, что встретился Авдик со своей сестрой в последний раз в этой жизни.

Х

Устал Никта за целый день, особенно утомляла его жара. Добравшись до своей квартиры, сразу пошел под душ. После ванны чувствовалось облегчение в себе. С легкостью прошелся в кухню, начал доедать вчерашнюю окрошку. Включил телевизор, развалился в своем любимом кресле. Рядом раздался телефонный звонок.

— Кому еще я понадобился сегодня?

Взяв трубку, спокойно приложил к уху Никта:

— Слушаю вас внимательно.

— Это Никта?

— Да, а что Вам надо?

— Сейчас минуточку, подождите, пожалуйста.

Слышно было, как она звала:

— Подойди, Аля. Твой брат.

— Алло, Никта. Хочу сообщить, что сегодня умерла мать. Когда приедешь?

Посмотрел на стенные часы. Там было шесть.

— Сегодня не успею. Уже ушла последняя маршрутка в 17:55 в Ибреси, завтра прямо с утра на семь.

— Ладно, брат. Мы тебя ждем.

Короткие гудки.

Медленно положив трубку на место, тяжело вздохнув, Никта без движения просидел несколько минут.

Мелькнула мысль в голове у Никты:

— Что я сижу как истукан? В кармане всего лишь сто рублей.

Момент стал собираться. Взяв сберкнижку, побежал в сбербанк. Сколько было, снял, положив в карман. Подумал: «Что, деньги повезу? Надо сходить на рынок». Взял колбасы несколько палок, заодно куриные ножки. Проходил мимо магазина «Акатуй», заглянул. Посмотрел на цены водки, посчитал про себя в уме. Выгодно было брать литровые. Взяв несколько штук, положил в большой пакет. Натянулись ручки, пакет готов был лопнуть. Пришлось одну бутылку переложить в продукты. Добрался до дома. Душа горела не знаю как. Первым делом, открыв бутылку, сходу выпил большой стакан. Пошли скупые мужские слезы.

В душе так было тяжело до невозможности терпеть эту боль потери самого любимого человека. Пришлось испытывать такой шок в этой жизни.

XI

Еще на горизонте было темно. Вообще день выдался пасмурный, то ли к дождю — совсем непонятное творилось на небе.

Встал Никта на ноги в пять утра. Получилось у него по привычке. Вспомнил про свою матушку... Стало тяжело Никте. Забрав продукты из холодильника, положил в большие пакеты. Скорей бежать на автовокзал.

Взяв билет, посмотрел на часы. Всего лишь было шесть. Еще ждать целых 60 минут. В зале ожидания не хотелось отдыхать. Стоять на месте спокойно не хватало терпения у Никты. Решил заглянуть к своему другу. Еще с детства бегали вместе во дворе в Ибресях.

Жил Антошка поблизости от вокзала, напротив кафе «Ли́ра» в семейном общежитии. Теперь здесь не сидели как прежде, и не спрашивали, куда идете, на вахте люди. Сделали разные входы. Даже лестничные площадки отдали под

комнаты. Все было безалаберно и неуютно. Оказался на месте Антошка, смотрел один телевизор.

— А, Никта, заходи. Что такой невеселый, как день ненастный?

— Когда твоя мать умерла, какой ты был, Антошка?

Промолчали оба, посмотрели по сторонам.

— Тетя Анисия была все равно сильная женщина. Один раз вижу, как она тащила бревно, что двоим мужикам не под силу.

— Потому что вечно у нас не хватало финансов на приобретение дров.

— Сколько она прожила на этом свете?

— Ровно месяц не дотянула до 93 лет.

— Сегодня 21 августа, а ушла 20.

После этих слов у Никты на душе стал тоскливо.

— Давай, Антошка, по рюмашке тяпнем?

— Нет, еще раз нет!

— А что случилось с тобой, Антошка?

— Знаешь прекрасно, Никта, если начинаю пить, то без остановки.

Вытер свой вспотевший лоб Антошка:

— Только три дня, как отошел от этой пьянки.

— Понятно, силком не предлагаю, а сам выпью немного.

— Целый месяц квасил. В доме скандал. Ругается Люба.

— Где у тебя посуда?

— Сейчас, минуточку, Никта. Все будет.

Из холодильника вытащил домашний холодец, поставил на стол и рядом рюмку.

Сделав свое дело, Никта тяжело вздохнул.

— Когда твой автобус пойдет?

— Запомни, сейчас из Чебоксар в Ибреси ходят только микроавтобусы, притом все импортные, типа «Мерседес».

— Давно не ездил к своей бабушке и дедушке на могилу в Ибреси.

— Время сколько там?

— Без 15 минут семь.

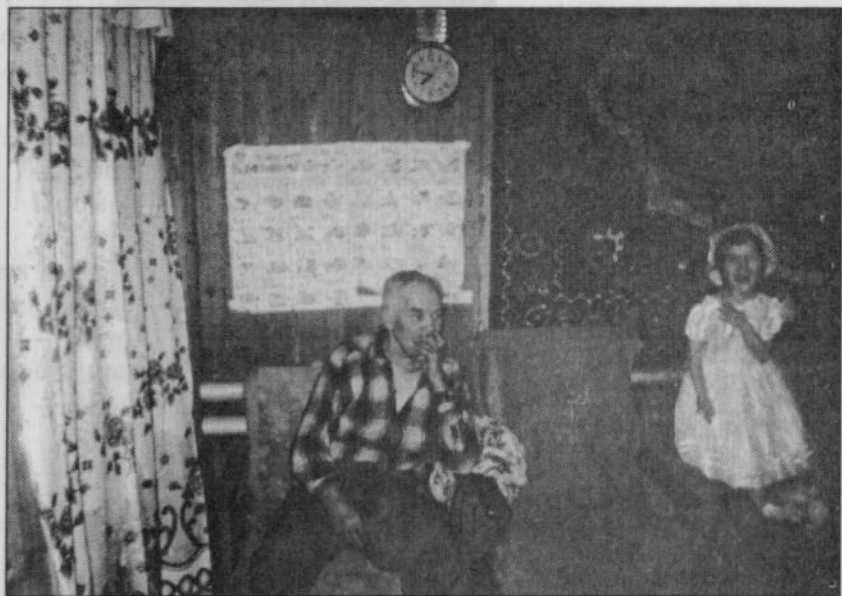
— Уже пора. Засиделся у тебя, Антошка.

Схватив тяжелые пакеты, бегом побежал на вокзал Никта.

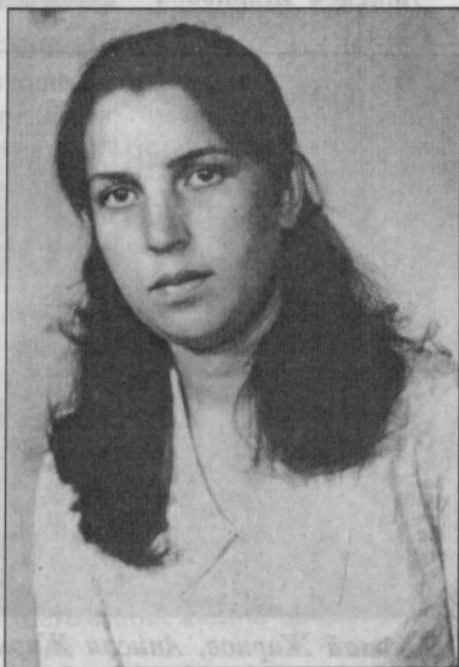
*Николай Жирнов
с матерью
Анисией Жирновой*

Николай Жирнов, Анисия Жирнова, Александр Евстихеев

Авдей Жирнов

Галина Жирнова

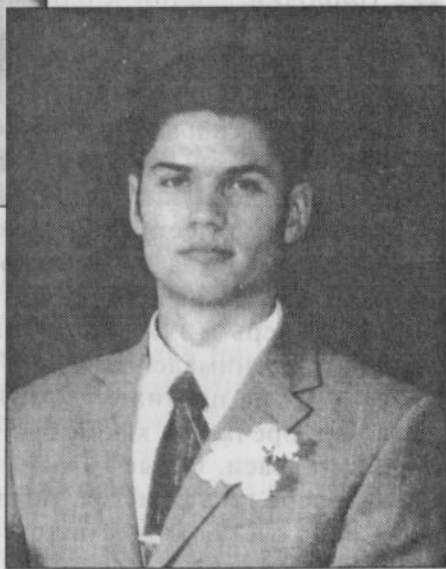
— Будьте добры, отпусти
как передо мной жак
— я, — я, — я, — я, — я,
никто, как никто, не
Сколько ни прошло лет,
и никто, как никто, не
Сколько ни прошло лет,
и никто, как никто, не

*Валя Жирнова
(Лебедева)*

Аля Жирнова

Владимир Жирнов

ХП

Подъехал только к Абасасам, как начало часто стучать сердце. С тревогой поглядывал в окно, увидел ферму, рядом водоем. Всегда вспоминал Никта, как приезжал на своем «Минске», красном мотоцикле, сюда на пруд. Никогда не возвращался без улова. Приносил Никта домой белых карасей. А матушка жарила рыбу на сковороде в сметане, говорила — как отец, рыбная душа. Когда было маловато, варила уху.

Последний раз был в этом лесу с матушкой, собирали грибы. Она только показывала, а Никта с женой собирали в корзину дары природы.

— Мне нагибаться тяжело. Кровь ударяет в голову, голова начинает кружиться. Могу заблудиться, поэтоиу не хожу одна.

Поправляла на себе платок, заодно под ним седые волосы.

— Сюда подходите, мои милые детки.

Показывала рукой те места, где обильно росли опята и черные грузди забором. Еле успевали собирать за ней свежие грибочки — один к одному. Обдавало запахом своим насыщенным, по-своему необычным, приятным. Появлялся такой момент — хотелось прямо сейчас, в свежем виде съесть.

В тот день собрали большую корзину, еще вдобавок два ведра. Еле притащили домой этот сбор, дары леса. Заодно прекрасно отдохнули.

Прекрасные места были здесь в Ибресинском районе.

Заехала машина на прямую дорогу Черноречка. Пуше прежнего Никта начал поглядывать. Вместо школы, где он учился, теперь жили люди в частном доме. Сохранилось здание, где занимался Никта, в нем же был спортзал тогда. Повернулся на противоположную сторону — там находился пруд Черноречка. А какой был большой водоем, водились красные караси, белые караси, огольцы, верхоплавки, пескари. Теперь весь обмелел, похож на лужу, особенно в конце — одна тина, как в болоте; кроме бычков ничего не водится. Это огорчило Никту.

Прямо с места, проговорил Никта громко:

— Будьте добры, остановите, пожалуйста, около ворот парка.

— Никаких проблем, будет сделано.

Взяв большие пакеты, Никта медленно зашагал по дороге к своему дому. Самое первое двухэтажное строение, восемь квартир. В одной из них жила матушка с самой младшей сестренкой, муж Стас, и двое мальчишек у них было. Около первого подъезда толпились люди. Сразу встретил двоюродного брата из Яльчиков, из села Байбатырево Николая.

— О, здравствуй, Никта. Видишь, какое горе у нас с тобой.

— Божья воля. Ничего не поделаешь в этой жизни.

Пасмурно так посмотрел Никта, спустив свои брови вниз.

— Пойдем в квартиру. Что там творится?

Больше ничего не говоря, Никта открыл дверь. Скорее отнес пакеты в кухню, бросил около холодильника, шумя бутылками. Скорей в гостиную. Видел только одно: посередине комнаты стоял гроб, и там матушка. Поцеловал в лоб несколько раз, у самого слезы не переставая лились по щекам.

— Ой, матушка, как тяжело видеть тебя в таком виде.

Сбоку подошла старшая сестра Галя, тихо проговорила:

— Успокойся, братишка. Ничем ей теперь не поможешь.

Приподняв голову, увидел своих ровесников Иванову, Петрову и т.д. они сидели вдоль стены вокруг в черных платках с опущенными головами. Рядышком стояла у брата жена Васса, читала книгу Евангелие, выходили слова четко. Около нее горело несколько свечей, еще целая горка лежала. Произносила однотонно молитву, как будто кроме нее никого не было в этой комнате. Не спеша Никта вместе с сестрой пошли на кухню, но здесь никого не оказалось. Когда сели за стол, появился брат Николай.

— Проходите, присаживайтесь рядом со мной, брат.

Молча Николай устроился с краешка.

Подали на стол жаркое, каждому по тарелке. Из коридора слышался голос Лены Ивановой:

— Галя, схожу домой, напеку блинов, а то тут народу много, у вас на кухне не развернешься.

— Какая ты умница, Лена. А я не догадалась.

— Тебе без этого много дел.

— Может, тебе дать муки и масло?

— Что я, совсем что ли? Мы же друзья с детства.

Разговаривая, женщины вышли в коридор.

Никта полез в пакет, оттуда достал начатую бутылку.

— Давай, брат, помянем матушку мою.

— Хорошая была тетя Анисия. Приезжал из Байбатырево осенью, всегда давала мне домой целое ведро грибов.

— Она такая у нас: последнее отдаст, чтобы другому было приятно.

— Дай-ка посмотрю, может, найдется что-то в холодильнике.

Открыв дверцу, достал оттуда литровую банку. Там грибов было до половины. Выложил на тарелку, нарезал лук:

— Вот закуска. Не чокаясь, выпьем с тобой.

— Как мясо грибы, в самый раз, ничего не надо, - вздохнул с удовольствием Николай, разжевывая хрустящие грузди.

Появилась в дверях сестра. Увидев на столе литровую бутылку, с расширенными глазами сказала:

— Будьте немного поскромней, не напивайтесь. Перед людьми неудобно.

— Мы тут по чуть-чуть всего лишь, Галя.

— Вижу прекрасно, не слепая.

Налила каждому по полной рюмке, остальное убрала в шкаф.

— Когда приехала сестра из Москвы?

— Сегодня утром, на Чебоксарском, доехала до Вурнар. Ее там встретил зять Стас со своим другом на машине.

— Посиди с нами, сестра, поговорим.

— Видишь, сейчас некогда. Народ идет без конца. Надо приветить каждого, с каждым поговорить.

— Аля где сейчас?

— У нее дел выше крыши. Поехали на машине оформлять документы.

— Да, у нее хватает забот, предостаточно.

— Давай, братишка, веди себя нормально, не напивайтесь. Перед людьми неудобно будет.

— Не беспокойся, сестра. Все нормально.

Развернулась Галя, пошла в гостиную. Оттуда появилась сестренка Валя. Все говорили, что мы как двойняшки, даже волосы были одинаковые. Подошла Валя, глаза были красные от слез.

— Ой, брат, я тебя не видела.

Слегка в щеку поцеловала, встала посередине комнаты:

— Мамочка ушла от нас, не хватило сил справиться день рождения 21 сентября. Ровно через месяц исполнилось бы ей 93 года.

— Не говори, сестренка. Я тоже об этом подумал.

Каждый из них вытер краешек глаз пальцем, убрали сырость.

— Что, братья, сидите сухо за столом!?

— Сестра убрала, сказала: «Не пить».

— Она у нас как матушка строгая, правильная манера, держит себя и нас.

Возбужденная такая Валя посмотрела в холодильник.

— Да не ищи, вон в шкафу стоит.

Быстренько достала, налила всем.

— Мама, дорогая, и наша пора настанет придти к тебе, прости нас.

Появился Стас, стало совсем не развернуться. Поздоровался с Никтой:

— Здесь душно, выйду-ка на улицу.

Удалился с кухни Никта, посмотрел на матушку. Лежала неподвижно. На диване сидела сестра. Тихо о чем-то вела беседу между собой с женщинами. Подошел к матери, еще раз поцеловал в лоб. Быстро вышел в подъезд, у самого текли слезы, в душе было очень тяжело, ныло сердечко до невозможности. Такое горе пришло, что не знал Никта. Потеря самого любимого человека на этом свете. Что жизнь поворачивает по своему руслу, что ничего нельзя сделать по своему усмотрению, приходит очередь каждого на этой земле грешной.

XIII

Во дворе, присев на травку зеленую, облокотившись об забор, Никта думал только о своей матери, как она любила по-своему каждого из детей.

Заехала машина, оттуда вышла Аля:

— Ты чего, брат, сидишь один как сирота?

— Некоторый раз надо побыть одному, размышлять по-своему.

Быстро проговорила Аля:

— Все оформила документы, завтра похороним матушку на новом кладбище.

— Что-то быстро делается.

— Три дня. Все это нормально. Обошлось.

Махнула рукой несколько раз Аля:

— Заходи домой, брат. Наверное, с дороги хочешь есть?

— Сестра накормила жаркое — сытная еда.

— Не знаю, мало верится. Сама-то с утра, не было во рту ни росинки.

— И у меня такое же состояние разбитое.

— Ладно, отдыхай, брат, только не пропадай.

Быстро залетела Аля в подъезд.

С другой стороны вышла тетя Маруся, вся седая. Даже не верилось — у нее всегда были волосы черные. Видно, после похорон второго сына Сереги появилась у нее белизна. Привстав с земли, Никта прошелся, присел к ней с другого края скамейки.

— Здравствуй, тетя Маруся!

— Ах, Никта, видишь, какое горе пришло?

Ничего не сказал, промолчал, но в душе хотелось горе излить.

— Приезжал недавно, 2 августа, на день рождения своей сестренки Али, и в то время хоронили тетю Олю Гурьянову.

— Да, было такое. Привезли из Казани Олю, собралось человек десять, с ней прощались, в большинстве мы, бабки тутошние.

— Каждый уходит по-своему на тот свет.

— Что интересного наблюдаю, к вам идут люди без конца со всего поселка и села.

— Наверное, уважение к моей матушке. Была добрая, никому плохого не делала, только добро, потому и помнят.

Повернула тетя Маруся так резко свою голову в сторону Никты, с сожалением проговорила:

— Еще пожила бы тетя Оля, если бы сын Аркаша не повез ее к себе в Казань.

— Наоборот, наверное, лучше общаться с сыном младшим, любимым.

— С одной стороны, конечно, да. Глядя по-другому, получается совсем иное.

— А почему так говорите, тетя Маруся?

— Привыкла она в здесь жить, в этом кругу общаться, а там все чужое, непривычное. От тоски умерла в этом барачке.

— Да, я с вами на этот раз согласен. В одном доме жили моя матушка и тетя Оля. Еще вас осталось Захаровы, Кудряшовы и Вы, тетя Маруся.

— Конечно, прожила бы еще тетя Анисия, но как узнала про Ольгу, что умерла близкая подруга, в момент слегла, вот результат через 18 дней.

Вздыхнула тяжело тетя Маруся, больше не промолвила ни слова.

Быстрыми шагами подошла сестра с недовольным видом:

— Около нашей матушки не видать нас, детей — все куда-то разбежались!

— А ты же есть, Галя?

— Мне надо срочно сходить к Ласточкиным сватям.

— Раз надо, иди. Я посижу.

Побежала Галя за угол дома напрямиком в парк.

Аккуратно вошел в квартиру Никта, стараясь не шуметь, осторожно ступая по деревянному полу. Подошел к своей матери, поцеловал в лоб. Сел на диван. Ныло сердце от боли. Рядом сидели женщины, тихо о чем-то болтали.

Ничего не интересовало Никту, все происходило как в тумане в этой комнате. Появилась сестренка Валя, тихо толкнула его в бок.

— Иди немного прогуляйся, хоть развеешься.

— Ничего не хочется делать, никакого настроения нету.

— Смотрю, на тебе лица нет, весь бледный.

— Раз такое дело, послушаю твой совет, сестренка.

Вышел, во дворе было пусто, ни души. Прошелся мимо маленьких огородов, которые были перед домом. Потяну-

ло его к Слугачеву Володе. Постучал в дверь. Вышла его жена Галя. Думал Никта, как в первый раз скажет резко, что нет его.

— Опять ты, Никта. Наверное, он находится у отца. Посмотри с дороги на наш дом. Если увидишь белый микроавтобус Фольксваген, значит он там.

— На этот раз совсем по-другому ответила, надо было в прошлый раз все объяснить. Вас, женщин, не поймешь! — удивленно кивнул головой Никта.

С благодарностью сказал:

— И на этом спасибо, Галя, что подсказала.

Развернулся Никта, вышел во двор. Поднялся на дорогу, в конце улицы увидел белую машину.

Постоял в раздумье, идти или нет. Все-таки решил пройтись, немного забыться. Дойдя до места, Никта вошел вовнутрь. Здесь, со стороны огорода, стоял стол, сидели два мужика: один помоложе, другой старый. Увидев, кто вошел сюда, Слугачев даже привстал с места:

— Как ты нашел меня, Никта?

— Жена твоя подсказала, где ты примерно можешь находиться.

— Вот и хорошо, что пришел сюда.

Старший сидевший посмотрел на Никту:

— А это кто к нам пришел?

— Отец, что, забыл Никту?

Посмотрел внимательно дед и успокоился.

— Вчера у него умерла матушка.

— Тетя Анисий ли, как моя матушка прожила 90 лет.

— Да, в этих годах. До 93 месяца не хватило.

— Мы не знаем, доживем ли?

— Наверное, отец, мы пойдем.

— Нет, конечно. Надо помянуть хорошую женщину.

Повернулся в сторону двери, махнул рукой:

— Принеси нам покрепче, немного надо помянуть.

Вышла хозяйюшка с кружкой в руке. Спокойно дед Киселев налил каждому по рюмке.

— Земля будет пухом, душа на небесах.

Опрокинув вовнутрь, Слугачев нагнулся, прямо с грядки сорвал огурцы себе и Никте. Сам дед взял помидор.

— Зубов нет жевать твердое, что помягче хочется.

— Ну пока, отец, засиделся я у тебя.

— А я пойду спать.

Вместе с женой зашли на веранду.

XIV

Добрались на автомобиле до дома. Поставил на место напротив окна свою технику. Переглянулись между собой, поняли сразу мужики.

— У меня жена Галя злая сегодня.

— Это понял еще с утра. Пойдем ко мне в сарай. Там под матрасом лежит бутылка.

— Столько времени хранилась. Я бы с ходу оприходоввал, не задержалось бы ни минуты. Прошли во двор прямо к старому строению. Темень была, ничего не видно. Посветил Слугачев своими спичками. Здесь нашли белую свечку, в момент зажгли. За перегородкой захрюкала свинья.

— Выйдем отсюда, от соседних отделов пахнет навозом.

В углу стояла кровать. Оттуда из-под подушки Никта вытащил бутылку. Устроились над ящиком, где маленьких дылят держали летом.

— Совсем забыл про закуску.

— Может, и так обойдемся без нее.

— К этому я не привык, Слугачев, люблю, чтобы всегда было пожевать повкусней.

Быстро побежал Никта в квартиру. Все были в зале. Нарезав колбасу, что сам привез из Чебоксар, сделал бутерброды и обратно сюда. Здесь уже стоял Вовка Антонов, разговаривали между собой два Владимира.

— Ой, давненько не видел я тебя, Никта.

— Собираемся сейчас, если только что-то случится.

К этому времени подошел братишка Олег Антонов.

— И у нас ушла родимая матушка пять лет тому назад.

— Они с моей матушкой были подружки, тетя Шура.

— Время проходит, ничего не поделаешь.

— Получались вкусные пирожки у тети Шуры.

Успевал Слугачев разливать рюмки.

— Теперь подружки встретятся там, пускай души будут на небесах.

– Это случится через сорок дней.
За разговором быстро опустошили стеклянную тару.
– Конечно, маловато. Хочется общаться с вами.
– А где возьмешь? Сейчас поздно, все магазины закрыты, ребята.
– Если только наверх в центр, в круглосуточный.
– Туда далеко шлепать, нету настроения.
Встрепенулся так Слугачев, посмотрел на Никту:
– Может, найдется у моей матери своего домашнего.
– Давай пошли. Что стоим, Слугачев?
Повернулся к братьям Антоновым Никта:
– А вы, соседи, постоите здесь, а мы ходим.
Последовал Никта за Слугачевым. Было темно вокруг сараев. Вышли к дому, здесь висел фонарь, было светло.
Постучали в дверь, открыла тетя Люся.
– Что вам не спится?
– Мама, нам нужно пол-литра твоего.
– Постоите здесь. Нечего мне грязь таскать вовнутрь.
Про себя подумал Никта: сегодня такой день тяжелый, наверно, тетя Люся даст бесплатно им.
Подала бутылку, Слугачев в момент запрятал за пазуху.
Посмотрела на них тетя Люся, резко сказала:
– С вас 50 рублей, как положено у меня.
Оба смотрели на Никту. Полез в карман рубашки, откуда вытащил 70 рублей. Отдал одну бумажку.
– Спасибо, что выручили нас, тетя Люся.
– Смотрите только не напейтесь, знаю вас.
С таким недовольством закрыла дверь за ними.
Опять пришли на место. Здесь стояли два брата, мирно вели свою беседу.

XV

Заявился домой Никта. Только одна Васса стояла и читала молитву перед гробом матушки, тихо, однотонно. Спали все, ни одного места не было свободного. Заметил Никта: на материнской кровати лежал брат, и там пустовала половина. Пристроился Никта рядышком с Николаем, моментально заснул крепко. Утром, когда открыл глаза Никта, прямо солнечные лучи попадали в глаза. На удивление вы-

далась прекрасная погода сегодня, вчера целый день были тучи мрачные.

Встал Никта, умыл холодной водой лицо, чтобы взбодриться. В кухне стояла сестренка Валя, за столом сидел Николай, подавала ему есть.

— Давай присаживайся Никта рядышком, хоть посмотрю на вас на братьев.

Появилась Галя, строго посмотрела на них.

— Сегодня чтобы были как стеклышки, перед людьми не опозорьтесь.

— Да не переживай, Галя. Все нормально будет у нас.

Посмотрела на стол, покрутила головой вокруг, заглянула в шкаф и холодильник, не видно было поллитровки. Наконец, успокоившись, Галя вышла из кухни.

Валя сунула руку за ведро, вытащила бутылку «Хамар Ял» начатую.

— Наверно, тяжело, братья?

— Конечно, как думаешь, чувствуется похмелье, сестренка, голова болит.

— Давай по чуть-чуть, и хватит на этом вам.

— Мамочка, прости нас, земля тебе будет пухом, - и перекрестилась, повернувшись к залу, где стоял гроб.

Опрокинули по рюмочке, мрачные лица изменились.

— Больше не будем пить. Надо слушаться старшую сестру. Всегда она желает нам добра.

— Раз такое дело, немного пройду по улице, хоть немного развеюсь.

Успел выйти во двор, подъехала машина иномарка, оттуда вышел Володя. Положив руку на плечо отца:

— Крепись, папа. Приехал поддержать тебя в трудную минуту.

— Потерял самого любимого человека на этом свете.

— Три дня тому назад ездил в Батырево, младшего брата у тещи хоронили. Совсем еще молодой мужчина, жить бы да радоваться.

— Божья воля, нас никто не спрашивает об этом.

— Поворачивает все по-своему эта жизнь.

Выскочила сестра, подошла к ним:

— Ой, Володя, как ты возмужал.

Слегка обняла его, по-свойски, прикасаясь к щеке.

— Надо ехать в церковь за батюшкой. Не знаю, куда пропал Стас со своим другом. Хотела на его машине съездить.

— Тетя Галя, какие проблемы? Сейчас на моем автомобиле хоть куда, только скажи.

Открыл дверь Володя, Галя в момент уселась на сиденье. Уехали они, совсем стало грустно на этом месте. Хотя постоянно появлялся во дворе своем, всегда радовался, вспоминая свое детство. Перед глазами Никты проходили люди, один за другим, прощаться с Анисий. Подъехала машина. Встал Никта у забора. Вышла Аля, Стас и его друг.

— Где вы были, сестренка?

Недовольно фыркнула Аля, быстро заговорила:

— Вначале искали место для матери.

— И где решили копать?

Теперь Аля повела разговор более спокойно.

— В этом доме жила же когда-то Роза.

— Помню хорошо, еще у нас в РДК руководила певчим хором.

— Умер Ганс, она совсем завила, приносила мне деньги, чтобы я у себя держала.

— Совсем опустилась, такая была женщина, высокой культуры, творчества.

— Начинала ходить ко мне по нескольку раз в день, разозлила меня. Я ей говорила — забирай свои деньги, чтобы духа твоего не было здесь.

— Хочешь сказать, по-соседски будут рядом?

— Да, прямо напротив ее могилы. Женщина была не злая, свойская.

Вышла из подъезда Лена, окликнула:

— Зайди, Аля, надо решить кое-какие вопросы.

Побежала туда без разговоров.

— Ну как, Стас, все нормально? Может, чем помочь?

— Не надо, все сделано. Сейчас только с кладбища: знакомые и друзья выкопали яму, их накормил и напоил.

Появился Ерема, не спеша ступая по земле:

— Соболезную, Никта. Такая добрая женщина была. Когда ты еще работал в СХТ, первую зарплату твою обмывали

у тебя в квартире вместе с Ноздриным Толиком, слова не сказала, даже лепешки принесла.

Вздыхнул Ерема несколько раз тяжело.

— Никому не делала зла, о ней слышал только хорошее по нашему поселку.

Поглаживал свои виски, делая массаж пальцами.

— Вчера встретились с ребятами, немного поддали, болит голова. Наверное, водка была паленая.

Повернулся в сторону автомобиля, где стоял Стас с другом.

— Зятек, что-нибудь есть крепленого?

— Да, что ты привез из Чебоксар, осталось после могильщиков.

— Давай-ка сюда, Стас, эу водку и рюмку.

Достал из багажника литровую «Хамар Ял» — было меньше половины.

— Сам-то не пей, Никта.

— С ума сошел, что ли? В каком виде буду перед обществом?

Взяв бутылку, Никта налил рюмку, поднес Ереме.

— Ты уж прости, пожалуйста, Никта, что так получилось глупо.

— Нечего извиняться. Всякое бывает в жизни нашей.

Выпил сходу, немного поморщился. В это время Стас поднес малосольный огурец ему. Опять наполнил Никта до краев посуду. В момент опрокинув, без гримас, немного успокоился Ерема, на лбу выступил пот.

— Надо иметь совесть, немного погодя подойду на похороны, постараюсь прийти не с пустыми руками.

Резко встал Ерема, пошел в сторону парка, на опушку, к своей матери.

Появился автомобиль между забором и домом, оттуда вышли Володя и Галя, из задней двери батюшка Петр, за ним попадьа. Прямоком направились в квартиру, за ними весь народ потянулся. Успел Никта только попасть в прихожую, в зале было уже битком народа, открыта была дверь на площадку. Народ стоял и на лестнице до самых дверей на улицу. Отпевал, махая кадиллом около гроба Анисий. И подпевала за ним матушка звучно, мелодично, в тон. За-

кончив всю эту процедуру, получил деньги отец Петр. На своей машине Володя отвез их обратно в церковь.

Тихо промолвила Галя своему брату:

– Во время отпевания лицо у нашей матушки просто помолодело.

– Это я тоже заметил, сестра.

Тяжело было на душе всем. Молча вынесли гроб на улицу. Поставили на табуретку во дворе, чтобы люди попрощались, которые не могли пойти со всеми.

Собрались поставить гроб прямо на кузов машины. Подошли женщины, примерно ровесники Никты, Ивашкина Надя, Леонтьева Нина, Карпова Ольга, Акимова Света, Юрьева Валя:

– Мы уважаем тетю Анисий, с почетом на руках понесем.

Взяли концы полотенец, закинули на плечи. Все с удивлением отошли от них. С гордо поднятой головой шли девочки. Вышли на главную дорогу, остановились около ворот парка. Поставили табуретку, на нее гроб. Кто-то в толпе из бабушек проговорил:

– Прощайся, Анисий, с этим родным местом, где ходила...

Отдохнув немного, женщины опять понесли. Добрались до улицы Куйбышева. Предложили им:

– Может, девочки, положим в кузов?

– Нет, сколько силы хватит, понесем.

Видно было, тяжело нести дальше. Около дома Кудряшовых выдохлись девочки. Загрузили на Газель. С такой благодарностью смотрели все на них, удивляясь, какие молодцы оказались девочки ибресинские. Толпа последовала за машиной, медленно, не спеша. Оказалось, сзади образовался целый караван транспорта.

Завернули на улицу Кирова, в момент отсеялись, остались только свои автомобили.

У самого поворота вышла мать Акчурина, стоя у дороги, молча простилась. Мимо старого дошли до нового кладбища. Уже здесь было похоронено много людей – в основном одна молодежь, которым надо бы жить, работать, чтобы процветал родной поселок. Говорили бабки, рядом шедшие:

— Хуже, чем в войну мрут люди как мухи.
— Раньше был наш поселок цветущий, радовались все до единого человека.

— Позакрывали мясокомбинат, мебельную фабрику, СХТ, ЗИП и мелкие предприятия. Куда деваться теперь народу? Пить начали всякую гадость и травиться. Кто по сильнее характером, едут на заработки в Москву или на Север вахтовым методом зарабатывают.

Ничего не слушал Никта. Все происходило у него на глазах, вся эта церемония.

Стоял Никта вместе со своими сестрами, увидел железный крест. Удивленно поморщился Никта и медленно заговорил:

— Наша матушка всегда говорила, особенно просила у меня: «Сын, поставь мне дубовый крест. Больше мне ничего не надо».

Шустро поддержала Валя:

— И я тоже помню такое ее желание.

— Всегда отшучивался, живи да радуй нас своим присутствием.

Больше без слов начала обходить вокруг свежего холмика три раза — все до единого человека.

Направились кто по двое, по трое к выходу.

Один остался Никта у свежего бугра, капали слезы на сырую землю. Нежно тронула за руку как в детстве Галя:

— Пойдем, братишка. Все равно теперь ничем не сможем помочь ей.

Ведя под руку Никту, медленно пошла Галя вслед за народом. Впереди шли женщины, было слышно, как они разговаривали между собой:

— Похоронили как молодую. Столько людей пришло.

— Удивительно, но факт: в таком почете старушка.

Со всеми сестрами вышли из ворот, тут у машины иномарки встретили Галю Александрову.

— Узнала о похоронах только сейчас, живет рядом отец — не мог позвонить, — виноватым тоном проговорила Александрова.

— Есть желающие поехать со мной? Куда ехать?

— В дорожное кафе на старом рынке.

Никта пошел к своему сыну вместе с сестрами. Одна только старшая смотрела, все ли люди сели в машины. Микроавтобусов проехало несколько штук — все были битком. Добрались до места, по очереди помыли руки, сели за стол, начали наливать из бутылок, пить, есть. Не было ни одного свободного места. Подошли те, кто копал могилу — им было негде сесть вместе со Стасом. Не растерявшись, Стас быстро сходил на кухню, вытащил с мужиками два стола, прямо на ходу накрыли женщины.

Стараясь незаметно, подошла Галя, прямо в ухо тихо проговорила:

— Скажи слово, ты один мужчина среди нас сестер.

— Сейчас, минуточку, сестра, будет сделано. Надо было самому догадаться.

Взяв рюмку, Никта привстал и громко проговорил на весь зал.

— Прошу тишины. Пожалуйста, внимание ко мне.

Обвел взглядом весь зал, люди повернули головы в его сторону.

— Видите, перед кафе проходит дорога, — сделав паузу, Никта продолжил, — лет пятьдесят тому назад она была не как сейчас, ровная. В то время грунтовая, одни ухабы.

Поднял палец Никта перед собой:

— Тащили с матушкой сани вместе с бревном, со стороны Канаша, дует ветер северный, притом сильный, со снегом, прямо в лицо, ничего не просматривалось, залипало все глаза.

Тяжело было вспоминать Никте, даже голос задрожал от волнения.

— Мама, когда я вырасту, буду трактористом, чтобы привозить много дров, чтобы у тебя никогда не возникало нужды, чтобы так не мучиться.

Стараясь более твердо, Никта проговорил:

— Обязательно буду кормить тебя вкусной копченой колбасой...

Теперь от воспоминаний стало тяжело дышать. Хватило силы, набрав воздуха полную грудь:

— Параллельно проходит улица. Мы тогда жили на улице Новой, на квартире Угафи, у нее муж и сын погибли на

войне, пила безбожно, ничего ей было не надо в этой жизни.

Махал рукой в ту сторону, где примерно находился дом.

— Привезли это бревно, во двор выскочила Галя навстречу, с собой вынесла пилу. Они с матушкой распиливали, а я еле успевал за ними колоть дрова. Моментально затопили печь, стало тепло, хотелось жить. Давайте помянем. За нашу матушку заботливую.

Встали все, выпили до дна.

Наступила тишина, только было слышно, как ложки задевали тарелки. С другого конца стола начала говорить Аля после нескольких слов, обратили внимание на нее.

— Хотелось о матери сказать. Была с характером, но в меру. Одни только добрые слова слышала от нее. Она меня любила, потому никуда не уехала из своих Ибресь, так с ней прожили вместе.

С места в поддержку крикнул Никта:

— Благодарен, сестричка, тебе, что до конца ухаживала за ней.

Продолжила Аля дальше вести сою речь:

— Прожили до конца, что умерла на моих руках.

Видно, тяжело было говорить Але, резко села она на свое место.

На поминках сидевший рядом Петров тихо проговорил:

— Дай слово и мне сказать, как бывшему начальнику.

— Пожалуйста, сейчас, минуточку.

Сходу встал Никта, громогласно проговорил на весь зал:

— Хочет высказаться Петров, работавший с матушкой.

Тот встал и не спеша начал свою речь:

— С Анисией мы, конечно, не долго проработали, всего три года, но она оставила такой неизгладимый след в моей памяти.

Чуть прибавил свой тембр Петров:

— Поставили вагон с кубинским сахаром. Мешок весил сто килограммов.

Немного прокашлявшись в кулак:

— Мужики сразу отказались, никаким уговорам не поддались, пришлось обратиться к женщинам. Они согласились.

Все люди внимательно слушали его.

– Начали разгружать. Женщины уходили по одной, не могли дальше носить, не хватало силы.

С такой гордостью выговорил Петров:

– Вы представляете, осталась одна Анисия, до конца выгрузила. Вот такая сильная была. Давай за нее.

Смотрел Володя несколько раз в сторону Никты. Видно торопился Володя, не пил, был за рулем, да еще воспитан так, что к спиртному равнодушен, что есть, или вообще не было на духу.

– Ты, батя, едешь или останешься?

– Конечно, с тобой. За это время весь выплакался, больше не хочу пить, надо побыть одному.

Попрощавшись с сестрами, вышел на улицу. Догнал их брат Николай.

– Нас возьмете ли до Канаша?

– Само собой. Какой может быть разговор, брат!

– Берут нас, скорей поехали, Васса!

Второпях сели на заднее сиденье.

– Очень жалко, не стало тети Анисия, теперь кто же мне грибы будет давать?

– Сами на пару дней приезжайте. Соберете, сколько нужно тебе.

– Совсем еще не знаю, наберу одни поганки. Окажется впустую все.

– И это может быть. Не спорю с тобой, Николай.

– Одна проблема в такую пору. Каждый день дорог, надо работать в огороде, и хозяйство большое.

– Помню, бывал несколько раз у вас, все видел своими глазами.

– Приезжай в гости к нам в Байбатырево, на праздник Покрова. Зарежем барашка.

– Видно будет, пока не обещаю. Дела все в финансах.

– Перевернулась жизнь. Теперь одно только на уме: деньги, больше ничего не существует.

– Все идет сверху, они хотят только набить свои карманы.

– Если бы поднялись старики, что бы они увидели? Волосы бы дыбом встали, сказали бы, для чего воевали и боролись за светлое будущее.

– Пустили все эти ценности в прах, особенно культуру.

Не заметили как оказались на мосту над железной дорогой в Канаше.

– Братишка, нас оставь здесь на перекрестке.

Момент ответил Володя вместо отца:

– Дядя Коля, неужели мы своих не подбросим до конца?

– Не хочется утруждать своими заботами.

Довезли до самого автовокзала.

– Спасибо, уважили нас. Но все равно жду в октябре на престольный праздник.

Обнявшись, расстались Никта с Николаем и с Вассой.

– Интересные старики, техника под рукой, они все переживают.

– Такие люди старой закалки, никого не хотят утруждать.

– Есть такое, ничего не скажешь.

Выехали на трассу, Володя нажал на педаль газа, стрелка спидометра завалила за сто. На такой скорости начинали закрываться глаза у Никты. Вдруг его растревожило, поднял голову:

– Слушай, сынок, где в городе можно купить дубовый крест?

– А что в Ибресях в местном краю нельзя заказать?

– Узнавал, все похоронные принадлежности возят из Яльчиков.

– Удивляешь, однако же. Как говорится, сапожник без сапог.

– Меня самого поразило это явление.

– Ладно, батя, прозондирую, позвоню тебе.

– И на этом благодарен тебе, сынок.

Устроившись поудобнее на сиденье, Никта потихоньку задремал. Открыл глаза у своего дома.

XVI

Собирался Никта поставить крест на субботу, как раз через два дня подходило сорок дней. Звонил сыну несколько раз, а он отвечал, что его друг Женя болеет.

В это время Никта искал деньги взаймы. Так и не нашел, потому еще сам был в долгах.

Заявился сын с внучкой в воскресенье, привез табличку с позолоченной краской.

— Договорились с Женей, что он едет завтра.

— Хорошо бы все получилось, как ты говоришь.

Переговорили с сыном. В случае чего его друг все делает в долг.

XVII

Ночью во сне Никте приснилась матушка. Появилась в спальней, где лежала табличка.

— Сынок, я ухожу наверх, — и пропала куда-то.

Вышел Никта из дома, посмотрел в окно, а там горели свечи.

Сразу Никта проснулся, с открытыми глазами пролежал до утра. Вспоминал матушку, всю ее жизнь, только хорошее.

Вышло у Никты все как по заказу. Получил деньги. В 10 часов с работы позвонил Жене по сотовому. Встретились около дома. Он был на своей машине с кузовом. Поехали к нему в деревню в Вурманкасы, рядом тут были новые строения. В одном из них жил Женя с родителями.

Вышел отец, загрузили большой толстый крест из дуба на кузов.

Добрались быстро через Вурнары в Ибреси. Завернули прямо к дому. Двери оказались закрыты, никого не было.

— Сам не догадался позвонить по телефону.

Молча Женя повернул голову в сторону.

— Думаю, тебя долго здесь не задержу, Женя.

— Да не торопитесь, дядя Никта, делайте свое дело.

— Дай-ка узнаю у соседки тети Вали, наверное, знает.

Позвонил в дверь, вышла высокая женщина.

— Не знаете, где мои находятся?

— Тут вроде была Аля, мельтешила перед окнами.

Подержала свою голову и погладила:

— Ах, старая голова, совсем забыла! Аля же говорила, что собирается наверх.

— Ладно, сами справимся с этим делом.

— Что хочешь делать, Никта?

— Привез крест дубовый, что просила матушка.

— Дай-ка я погляжу, мне интересно знать.

Нагнулась тетя Валя, внимательно посмотрела:

— С твоей стороны, Никта, делаешь доброе дело, исполняешь ее желание.

— Лопаты где взять просто не знаю.

— Висит замок у них там, просто от руки открывается.

— Спасибо, тетя Валя, что подсказали.

— Зашли бы поели после дороги. У них всегда ключи под ковриком.

— Смотрел, в этот раз не оказалось на месте. Пока надо сделать дело, потом посидим, спокойно поговорим.

— Правильно говоришь, Никта, с тобой согласна.

Пошел к сараю, дернул за замок, дверь открылась. Взял лопату штыковую, заодно совковую. Положил рядом с крестом Никта:

— Схожу, посмотрю. Может, дома Слугачев Вова. Хоть немного подсобить.

И скорее побежал Никта. Около его подъезда не было белого автомобиля. Позвонив несколько раз, торкнулся в дверь — закрыто. Подумал Никта, что если нет его техники, значит бесполезно здесь стоять. Махнув рукой на все это, побежал обратно к машине. Сев в джип, поехали прямо на кладбище вдвоем. Подъехали к воротам. Машина не могла пройти. Видно, сделали специально. Пришлось вдвоем тащить крест до половины.

— Давай-ка, Женя, сначала посмотрю. Был один раз. В голове тогда один туман был.

— Правильно думаете, чтобы впустую не таскать.

Быстренько нашел место, свежий бугорок. Вытащил Женя свои саморезы, они у него оказались белые, не смотрелось. Быстренько Никта разжал свой кулачок:

— Возьми эти, Женя. Они как раз черные, и написано таким цветом.

— Хорошо, что взяли. В самый раз подходят.

Своим шуруповертом закрутил. Он был на батарейках. Притащил Никта «Праймер».

— У тебя, Женя, случайно не найдется кисточки?

– Об этом думал, посмотрел – к сожалению, нет.

– Второпях сам забыл прихватить из дома. По пути думал у сестренки взять. Прекрасно видишь, их нету.

Сам Никта прошелся и нашел палочку, из кармана вытащил носовой платок. Намотав, начал мазать «Праймером» крест на конце, который будет находиться в земле.

– Где будем ставить, дядя Никта?

– Рядом с железным крестом, немного впереди.

– Убирать не будете что ли его?

– В народе говорят: плохая примета. Видишь, рядом стоит памятник, сзади крест.

– Теперь понял, в чем дело.

Начал копать Женя штыковой лопатой.

Успел покрасить черной краской крест Никта. Шустрый малый в это время выкопал яму. Поставили на место дубовый крест.

– Дядя Никта, посмотрите, прямо ли стоит?

– Немного правее. Вот. Стоп!

Побежал Никта держать, чтобы никуда не наклонился. Завалили землей, чтобы не видно было черное. Взяв лопату, пошли к выходу. С левой стороны в оградке ухаживала за могилой женщина. Посмотрев туда, Никта быстро прочитал – был совсем молодой парень с 1982 года рождения. Вот так почти на всем кладбище.

Почистив лопаты, закинули на кузов. Добрались до квартиры. Оказалась дома Аля.

– Ты что, брат, мог бы позвонить. Я бы никуда не ушла из дома. Справились сами. Сделали все, постарался Женя.

– Давай проходите к столу, поешьте.

А тут было всего полно еды.

– Делали поминки вчера, в воскресенье.

– Сегодня же сорок дней.

– Люди сказали – ничего страшного, если пораньше сделаешь.

– Покорми гостей немного.

– Что будете?

– Суп бы похлебать.

Открылась дверь, появилась соседка.

- Тетя Валя, проходи к нам сюда за компанию.
 - Ой, спасибо, вчера хорошо поели.
 - Интересно было. Люди целый день к нам шли.
 - Уважали тетю Анисий. В этом плане у вас было прекрасно.
 - Как могли, так и сделали все.
- Посмотрела Аля на Женю.
- Еще чего-нибудь положить поесть?
 - Спасибо, вкусный был суп, одно мясо, очень сытный.
 - Тогда мы поехали в Чебоксары.
 - Смотрите сами, вам видней.
- С уважением таким тетя Валя проговорила:
- Смотрите, какие молодцы все-таки дети у Анисий, исполнили все желания ее, теперь сегодня уйдет наверх, с деревянным крестом.
- Открыла подпол Аля, достала две трехлитровые банки яблочного сока, одну банку с грибами.
- Только в следующий раз обязательно привези пустую посуду, а то не осталось.
 - Все забываю прихватить, целый мешок приготовил.
- Женя был уже в своем джипе. Добрались до Чебоксар еще быстрее без груза.

XVIII

- Едва успел Никта переступить порог своей квартиры, как зазвонил телефон. Скорей к аппарату, сходу взял трубку.
- Алло, слушаю вас внимательно.
 - Это я, Галя, звоню из Москвы.
 - Узнал тебя по голосу, сестра.
 - Ты у нас, братишка, все-таки молодец. Тогда разговаривали в день похорон на кладбище, думала, болтовня пустая, что поставишь деревянный крест.
 - Я, наверное, мужчина – должен свое слово держать.
 - Всегда был такой, Никта.
 - Не теряю свою марку, Галя.
 - Теперь может наша матушка лежать спокойно, все желания исполнили, похоронили ее со всеми почестями.
 - Одно осталось только – поставить оградку.

— Это летом, приедем на Троицу, соберемся с сестрами, скинемся каждая.

— Кроме, конечно, Али, ведь она не работает.

— Решил мудро, братишка, этот вопрос.

Посмотрел на концы, намотал, начал вязать крест на концы.

— Где будем ставить, дядя?

— Рядом с женой.

— В народе говорят: лучше примет, чем примет.

— Тогда мы поехали в церковь.

— Теперь понял, вам виднее.

С усталым видом он посмотрел на Али.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

— Ну, давай, давай, давай, давай.

А

Рассказы

G

Свадьба

I

Ехал Парта из города Чебоксары. На задних местах стоял дым от двигателя. В пути то и дело ломался — попала львовская техника, новый не поставили. Видно, старое доходило до такого состояния, что давно надо было под пресс и в металлолом. Нервничал Парта, все неспокойное было состояние. Если добрался до Яльчиков, еще надо в другую деревню добираться. Приглашен был в Байбатырево в день Покрова, обещались зарезать барашка, приготовить шурбе. Заглянул на автовокзал, посмотрел расписание. Оказывается, только недавно уехал рейсовый автобус. Следующий намечается в три часа. Посмотрел в зал, там было несколько человек. Подумал Парта, что не хватит терпения вот так смотреть, сидеть и ждать. Взяв сумку, закинув на плечо, спокойно зашагал в сторону деревни, где по этим тропам ходили дед и бабушка таким макаром.

Шел Парта нормальным шагом, смотрел по сторонам, радовался своей земле. Наконец-то отдыхала душа спокойно после этого пути. Параллельно с трактором шел Парта. Прошелся комбайн, остались корешки желтые. Со стороны выглядело золотистым поле. Пахала техника, а за ней выходили черные полосы чернозема, превращаясь совсем в другой вид. Сзади плуга летела стая птиц разного калибра. Смотри, любуясь, наслаждался последними деньками осени. Навстречу светило солнце своими теплыми лучами. Незаметно добрался до первой деревни своего маршрута Парта. Удивлялся строениям жилищ — хватало ведь человеческой фантазии! Протопал полдеревни, все рассматривая улицы. Около большого дома скопилось много народу. Впереди, прямо на дороге стояла девушка в белом одеянии. Увидев его, зашевелились люди, смотрели в сторону Парты. Про себя подумал: «Наверно, сегодня будет большой праздник у них». Прибавил шаг, хотелось поскорее

проскочить мимо этого места. Поравнялся с девушкой, слышался нежный голос:

— Мужчина, подождите немного, пожалуйста.
— В чем дело, прекрасное создание?
— Хотела с вами переговорить об одном очень серьезном вопросе.
— С посторонним человеком не разговаривают о своих делах.

— Очень прошу, не отказывайтесь от моего предложения.

— Говорят, когда просит женщина, ей не отказывают. Наконец повернулся Парта в ее сторону.

— Выкладывайте, что с вами случилось. Слушаю вас внимательно.

— Сегодня должен был подойти мой жених. Прождала его целых три часа, а его все нет.

— Да? А я тут причем в ваших отношениях?

— Вы не согласились бы побыть на его месте?

— Бред какой-то несуразный несете.

Остановился и задумался Парта от такого неожиданного предложения. Прямо весь опешил, не знал, что делать. В голову ничего путного не приходило.

— Вы в своем уме?

— Решайте побыстрее, время не терпит, народ волнуется.

Все так скомкалось внутри у нее, все так выворачивало. Взгляд был такой, будто готова накинуться всем телом, чтобы обнять его и уговорить. Только смотрела на рот Парты, что он скажет.

— Представляете, как выгляжу перед ними. Мне так просто неудобно, готова от стыда сквозь землю провалиться.

— Чем раньше думала? Где были Ваши мозги?

— Это потом поговорим, в более свободное время. А сейчас, видите, все смотрят на нас.

В глазах у нее появилось немного влаги:

— За такую промашку просто убьют меня родители за позор.

— Девушка, ведь я женатый мужчина. Притом в городе ждет жена с детьми.

— Вы только сегодня посидите за столом как мой суже-

ный, завтра хоть куда идите, на все четыре стороны. Это будет ваша воля.

Она взяла его под руку, повела вперед. Больше не стал сопротивляться ей. Снова внимательно рассматривал ее. Со стороны была похожа на свою родную матушку. Светлая девушка, белые волосы косичкой одной до самой поясицы, глаза голубые как бездонное небо.

Сам Парта выглядел солидно — здоровый мужчина, симпатичный, хоть куда. Придавал эффект этому черный пиджак и черные бархатные брюки — из одного материала. В ухо шепнула она ему:

— Слишком много не болтай перед людьми, молчи побольше. Если будут допытываться, говори только одно — что ты мой жених.

Более убедителен, тверже был ее голос:

— Одно слово: ты мужчина — веди себя, как подобает.

Во дворе стоял шум с людским веселым говором. В сторонке стояли дедки, курили. Как от трубы дымохода шел дым. Народ, увидев их вдвоем, сразу замолк, побросали сигареты. Женщины в чувашских нарядах, видны нагрудная вышивка, поясные украшения, налобная повязка, все это в серебряных монетах. Только они звенели при их движении. Вместе с женщинами сузился круг. Навстречу вышел старик с белой бородой и седыми волосами, голубыми глазами, был похож на девушку.

— Жених, где ты запропастился? Мы тебя заждались, стали думать невесть что.

— Получилось так нехорошо: по дороге сломался автобус, еле добрался на попутной машине, а с Яльчик дошел своими ногами сюда.

Улыбнулся старик, взяв каравай в руки. Из толпы баба выкрикнула:

— Кто больше откусит, тот будет хозяином дома.

— Ха-ха, хо-хо, - послышалось со всех сторон.

В момент разрядилась обстановка.

Чтобы было правдоподобно, открыл рот Парта, отломил большой кусок.

— Давай быстрее за стол. Пиво бродит, ждет нас, шурбе давно остыло.

Мужик такой шустрый поднимал всем настроение:

— Пока тебя ждали, во рту все высохло, да еще испереживались.

Вдвоем прошли вперед, за ними последовал весь народ. Резко дернула его девушка, стараясь незаметно от всех, повела совсем в другую сторону Парту.

— Подожди, пусть сначала рассядутся гости за стол.

Три дома стояли, срубленные друг к другу вплотную, под одной крышей. Зашагали по коридору в самый конец. Попали в амбар, где стояли мешки с зерном, овсом и всяким запасом. Быстренько палкой за собой заперла дверь.

— Вначале надо познакомиться по нормальному. Меня звать Мария.

— Меня величать Парта.

— А то перед людьми неудобно спрашивать твое имя.

Мельком посмотрела в маленькое круглое зеркальце, все ли в порядке с лицом.

— Спрашивать будут тебя, Парта, где твои родители, почему один. Говори, что детдомовский, близких людей нету на этом свете, как сокол в полете.

— Посмотрел, успел оценить. Видно, твои предки очень богатые. Они как будут смотреть на это?

— Мои меня любят сильно, все простят, главное — чтобы жизнь состоялась.

В дверь постучали, послышались женские голоса:

— Хватит вам в любовь играть, все ждут вас с нетерпением.

Быстро открыла, убрала в сторону палку Мария.

— Не дадите с женихом поговорить, — надула свои губы бантиком Мария, — человек с дороги, должен себя привести в порядок.

Невзначай махнула рукой в сторону:

— Тетя Анук, принеси, пожалуйста воды. Хоть человеку помыться, освежиться.

— Сейчас, племянница, будет сделано.

Не прошло пяти минут, появилась тетя Анук: в одной руке держала таз, а в другой полный кувшин:

— Давай, зятек, за тобой поухоживаю.

Была круглая, румяная, как булочка. Улыбка не сходила с ее лица. Как только ополоснул обеими ладошками свое

лицо Парта, преподнесла полотенце, вышитое по-старинному, чувашским орнаментом. Вытерев свое тело досуха, довольно вздохнул. Тем временем ее подружки вели разговор:

— Ой, какой хороший! Где ты только нашла такого красавца?

— В этом весь мой секрет, девочки.

— Специально не говоришь про злачные места, чтобы остались без видных женихов.

Грохнулись девушки от смеха. Вышел в коридор. Стояли женщины в чувашских одеяниях, гремели монетами, раздавался нежный звон серебра по всему помещению. Вышла одна из них, высокого роста, статная такая, красивая. Она запела чувашскую песню свадебную, которую пели всегда на свадьбах. Обняла Мария рукой Парту, слегка прикасаясь щекой к его плечу. Становилось приятно ему. Вышагивала гордо, держа голову вперед. При встрече ее мать прослезилась немного. Сама с улыбкой на лице:

— Видя вас, душа радуется. Идете, как голубки. Живите так всю жизнь, неразлучно до самой смерти.

Повела матушка обоих вовнутрь. Присели за стол. Сразу зазвенели стаканы, раздавался звон стекла, сходу начали кричать:

— Горько! Горько! Горько!

Невольно пришлось привстать, в первый раз слегка прикоснулся к нежным губам. Побледнела вся Мария от такого неудобства, присела, выглядела сама не своя. Люди кричали со всех сторон:

— Вы что, так не пойдете. Кто будет хозяйничать, тот и встает.

Еле приблизилась она опять к нему, чувствовалось, как дрожали руки у Марии, ноги совсем не держали ее. Пришлось взять Марию в свои объятия Парте, чтобы не вышло плохо, крепко прижал. Губы у нее горели, сама вся кипела от такой ласки. Хором кричали все со своих мест:

— Раз, два, три...

У самого Парты закружилась голова. Такого еще никогда в жизни не бывало у него. Губы в момент пересохли. Перед носом у него стояла кружка пива. Хотелось от такой жажды,

страсти остыть. Сходу выпил бокал до дна, но все равно внутри все пылало. Заметил Парта, как одна из девушек, примерно ее возраста, шепнула на ухо ей пару слов. В лице в момент изменилась Мария, без всяких слов удалилась из-за стола. Марии не было уже 15 минут. Не выдержал Парта, вышел сам. Посмотрел внимательно на веранду — не было видно ее, прошагал дальше по коридору. Впереди были слышны голоса, разные по тону, резкие, недовольные выкрики. Выскочила из дверей Мария, вся расстроенная, в глазах слезы.

— Кто там вместо меня стоял?

Ринулся Парта на то место, где стоял парень, ровесник ее. Увидев его, выскочил через окошко собеседник Марии прямо на улицу. Психанул Парта, пнул по стене. Она зазвучала монотонно, только сделал себе больно. Хотелось в этот момент не знаю что сделать. Одно не мог терпеть Парта — это ложь в своей жизни.

— Почему, Мария, ты мне все не рассказываешь, нагло ведешь двойную игру?

Аккуратно вытерла платком свои голубые глазки:

— Просто не хочется распространяться, почему не могу с ним жить.

— Такая красивая девушка попадает редко в жизни.

Все-таки не выдержал Парта, слегка ударил по щекам:

— Очнись, девушка. У тебя идет свадьба. Как будешь выглядеть перед людьми с заплаканными глазами?

— В этом ты прав, Парта. Совсем я раскисла, не подумала.

— Пожалуйста, расскажи мне все по порядку. В чем дело там у вас?

У самого в горле сухо, внутри было тошно от такой ситуации. Открыл краник у бочки, полилось пиво. Обоими ладошками запивал. Немного остыл Парта, нежно вытерла полотенцем капли Мария. Тихо заговорила она дрожащими губами:

— Рассказал мне жених только перед свадьбой.

— А что, не хватило ума заранее все объяснить?

— Моего настоящего жениха звать Юрой, на все готов, чтобы я жила в радости и не ущемлена была ни в чем.

— Кто же вам мешает в этом деле любовном?

— Мой Юра воевал в Чечне, подрывался на mine, попал осколок между ног, оторвало все мужское достоинство, теперь не может ощущать себя настоящим человеком.

— Сразу видно, вы ничем не интересуетесь, не смотрите телевизор, видно, и газет не читаете.

— Смотри, у нас какое хозяйство. Некогда заниматься мне бездельем.

— Слушай меня внимательно, в дальнейшем не имей привычку перебивать собеседника.

— Молчу, Парта. Все это больше не повторится.

— В наше современное время с этим нет никаких проблем. В Москве делают искусственные мужские достоинства, их пришивают.

— Правда, да? Не врешь мне, Парта?

Вся в слезах Мария радостно обняла Парту.

— Конечно, на операцию нужны деньги, а их у нас нет.

— Сегодня будут дарить подарки. Наверняка некоторые конверты будут с купюрами!

Улыбнулась Мария, больше не стала хныкать, вся прямо просветлела.

— Дома у меня в записке есть, да в сберкассе лежат. Придется родителей потрясти, если не хватит финансов на эту операцию.

— Заварили эту кашу, расхлебывайте сами. — Приподнялся Парта, поправил воротничок рубашки, — мне некогда с вами тут зазря время тратить, надо сходить в гости к своим родным, в соседнюю деревню Бай-Батырево!

Подбежала Мария, задержала его за руку, но он все равно шел вперед. Тогда она бросилась ему в объятия, задерживать его:

— Ты что творишь, Парта? Если взялся, надо дело до конца доводить! — прямо смотрела Мария ему в глаза, умоляющим взглядом, — хочешь оставить меня одну на посмешище, чтобы люди тыкали в меня пальцем?

— Ладно уж, уговорила. Разве такой красавице откажешь в чем-нибудь?

Злость на нее пропала у Парты. Стараясь более спокойно:

— Так я не могу, у меня нервы, но придется. Надо срочно разрядиться. Неси-ка сюда выпить.

Быстро убежала Мария, также быстро появилась с графином самогонки. В другой руке держала тарелку с аккуратно нарезанным ширтаном. Выпил стакан, чувствовалось, как все прожгло внутри.

— Что это, первач, что ли?

— Да нет. Матушка сделала двойной перегон всего лишь.

— Крепкая, зараза. Хорошо бьет по голове, успокаивает нервы.

— Дай-ка и мне, чуток налей — от такого стресса успокоиться.

Выпив немного, Мария вся начихалась и покраснела.

— В первый раз, что ли, Мария? Никогда не пила?

— Конечно нет. Эту гадость употреблять!

В окошке мелькнула мужская тень.

— Иди разберись со своим Юрой.

Сел на сундук Парта, любовался, глядя на них. В открытом окошке долго шептались. Услышав шум, быстро закрыла форточку. Вовсю начали барабанить в дверь и кричать:

— Что за безобразие? Проходит свадьба без молодых!

Едва успела убрать палку Мария, как ворвались женщины.

— Вы должны сидеть за столом, а не прятаться. Или вам вечера не хватит наворковать?

— Все нормально, дорогие гости. Мы же с Партой соскучились. Сами видели, что только сегодня приехал!

Слегка так Мария поправила на себе платье.

— Чуток времени должны иметь для себя?

— Нет, должны быть у всех на виду. Это свадьба!

Кругом были веселые лица, красные от хмелька. Во дворе умолкла гармошка. Рядом сидящая женщина была похожа на Марию, видно, тетка, со строгостью:

— Тебе, молодой человек, не положено как жениху пить самогонку, только пиво. Так положено в первый день. С давних времен так принято.

За него ответила Мария:

— Не беспокойся, тетя Анук. Все будет нормально.

А сама Мария шипнула в бок, повернула голову его в свою сторону, посмотрела грозно:

— Образумься, Парта. Подумай хоть обо мне немного, пожалуйста, веди себя, как подобает жениху.

— Понял все, больше не повторится.

Неожиданно женщины радостно закричали:

— Председатель колхоза идет Турхан Анатолий. Встречайте его, молодые!

Успел пройти ворота Турхан Анатолий, прямо на подносе поднесли ему полную рюмку. Он опрокинул, в ответ положил толстый конверт. Глаза у Марии потеплели, посмотрела на Парту, зная, для чего нужны деньги.

С таким деловым хватом повел разговор Турхан Анатолий:

— Откуда будешь, жених?

— Здесь у меня родных полно, чем вы думаете.

— А кто такие, если не секрет?

— Потом все расскажу, в более свободное время.

Мария каблуком нажала на носок туфель. Как было больно ноге, но сдержался. Сам Парта подумал, что не надо говорить свою фамилию. Увели в свою компанию мужики Турхана Анатолия, завели свой разговор.

До вечера веселились, лилось пиво ручьем. В конце повели молодых прямо в амбар. Здесь стояла постеленная кровать. Напился Парта предостаточно, что сразу плюхнулся в постель и моментально захрапел. Проснулся Парта под утро, только чуть было светло на горизонте. Прямо на него падали горячие слезы. В чем была Мария за столом, в том не раздеваясь, сидела.

— Что с тобой, голубушка? Пожалуйста, не надо так убиваться.

— Хотела свадьбу нормально сделать, по-людски, получилось, не знаю как, паршиво.

— Успокойся, не могу терпеть женские слезы. Это меня очень убивает.

Взяв ее за талию, нежно притянул к себе, начал успокаивать.

II

Первый день Парта перенес нормально. Остальные, по привычке, пролетели незаметно. Веселились два дня, на третий день стали собираться в город. Загрузили все в машину,

проводили до самых Яльчиков. Слезы и прощание, еле усе-
лись в автобус.

В Канаше встретил Юра с такой радостью. Проводил Парта обоих на поезд в Москву. Немного он опечалился, что не попал к своим родственникам.

III

Добрался до Чебоксар, у порога встретила жена приветливо. Взяв сумку, понесла на кухню.

— Ой, такая тяжелая. Как ты донес, Парта?

Открыла замок, начала доставать.

— Как много мяса, не поместится в морозильник!

— Ширтан, домашняя колбаса. Он быстро не портится.

— Видно, всякие гостинцы, забила весь холодильник.

Добралась до дна сумки и ахнула, хлопнула по своим бедрам:

— А это что такое? Ты же им все это взял в подарок!

— Ой, дорогая, совсем забыл вытащить!

— Временами становишься странный, муженек!

Ничего не говоря, Парта, нарезав кусками ширтан, положив в тарелку, аккуратно понес в гостиную. Уселся в кресло, начал пить и закусывать ширтаном. Старался все забыть как кошмарный сон.

IV

Через полтора года пришло письмо. Это писала Мария:

«Мы доехали до Москвы очень хорошо, остановились у своих родных без всяких проблем. Ходили в больницу, ему сшили искусственное мужское достоинство. Представляешь, родила ребенка. Скоро ему будет полгода. Очень осталась довольна, что с тобой встретились в тот день. Очень благодарна судьбе, особенно тебе, Парта. Есть все-таки хорошие люди на свете, на них и держится мир. Спасибо за умный совет. Сына назвала в честь тебя, Парта».

Снегопад

I

Добрался Николай на поезде до станции Канаш, пешком прошелся до вокзала. Сел на свой яльчикский автобус, устроился поудобнее на сиденье, поплыли воспоминания.

Как летают журавли на юг, так и пролетели эти два года службы в Вооруженных силах. Где только не пришлось побывать за время службы в армии. Попал служить в Латвию, в учебное подразделение. Приходилось каждое утро бегать по 5 километров. После марш-броска дышалось хорошо, тем более еще не курил. После 6 месяцев получил военную специальность химик-инструктор 3 класса. По окончании учебы всех распределили по другим подразделениям. Николая отправили на Украину, в Тернопольскую область, город Черков. Полтора года отслужил в роте при аэродроме. Ох, как красиво было здесь, особенно красиво выглядела ночью взлетная полоса.

Особенно запомнилось, как возили их в город Ровно, где был стенд разведчику Кузнецову, который очень заинтересовал Николая.

Получилось так в городе, когда сошел с поезда на Киевском вокзале в Москве: сел в транспорт, потому что надо было ехать на Казанский вокзал. И по привычке, как на гражданке, опустил 5-копеечную монету в кассовый аппарат и оторвал билет.

Водитель автобуса по микрофону говорит:

— Товарищ солдат, Вам платить не надо, за Вас заплатил Гречко.

Смотрели пассажиры на него странно, что даже стало неудобно Николаю.

Сейчас подъехали к селу Комсомольское. Остановили контролеры, женщины с красными повязками на рукавах, зашли вовнутрь салона. Опять по привычке Николай начал шарить по своим карманам, а билета нет, даже побледнел весь. Проверили контролеры билеты у всех пассажиров,

прошли мимо Николая, даже не обратили внимания на него. Опять вспомнил, что он солдат, ему положен бесплатный проезд.

В животе забурчало, захотелось есть. Сразу вспомнил про коровье молоко, творог, масло, ветчину, ширтан и другие продукты – все делала материнская работающая рука. До сих пор чувствовалась ее ласка.

Приехал в Яльчики. Под ногами горела земля. Оказывается, автобус в сторону Батырево ушел полчаса тому назад. Не хватало терпения ждать, все горело внутри у Николая. Перекидывая с одной руки на другую свой дембельский портфель, зашагал в сторону родимых мест.

Вот теперь два года позади, вернулся домой в село Янтиково Яльчикского района. Все красиво, как и было: с левой стороны протекала река Була. А перед самым носом расстиралось село. Сколько лет прошагал по этой дорожке! Чем ближе приближался к отчому дому, тем беспокойней стучало сердце. Хотелось все объять – такое было состояние души.

Едва успел войти в свой двор, как выбежал отец, весь возбужденный:

– Мой сынок вернулся! Какая радость для меня!

Сходу обнял так крепко, по-мужски, что кости захрустели. Сзади матушка со слезами радости на глазах накинулась целовать сырыми губами:

– Ждали тебя, сыночек, уже несколько дней вглядывались в окошко, когда же ты появишься.

И тут же братья и сестры, каждому хотелось легким прикосновением поприветствовать его.

– Хватит держать сына во дворе, наверно, устал с дороги долгой?

– Какое там! Наоборот, горит кровь от радости, что я дома.

– А ну-ка готовьте к столу, мои голубушки! – посмотрел Николай Макарович на своих дочерей.

– А вы, мои мальчики, из погреба выкатите бочку с пивом, которую заранее приготовил для своего сына.

Узнав соседи и знакомые, все ринулись в дом Кудрявцевых. От радости такой, что живой и невредимый вернулся со службы, гуляли три дня, не было конца радости.

II

Отец Кудрявцев Николай Макарович. В народе про него говорили и звали Катра Юман. Почему так называли: когда в семье умирали дети, возникала опасность, что не остается продолжателя рода. Он в селе пользовался уважением среди людей. И в семье его тоже уважали и любили, слушали каждое его слово.

После этого веселья позвал в гостиную и серьезно сказал:
— Присаживайся, сынок. Есть деловой разговор.

Присев на табуретку, Николай смотрел ему в рот, сам стеснительно, то и дело опускал глаза, сидел тихо как мышь.

— Чем будешь заниматься в дальнейшем, сынок?

Посмотрел на Николая еще раз повнимательнее:

— Конечно, служил неплохо ты у меня, то и дело из части приходили благодарственные письма. В этом молодец, ничего не скажешь.

Сделав еще раз строгое лицо, Николай Макарович:

— Учиться будешь или работать?

— Не знаю пока, отец, что и сказать в этом вопросе. Просто в голову ничего путного не приходит.

— Мы для тебя хотели купить дом.

— Пока сам не заработал деньги, ничего не надо, — старался более уверенно Николай, — буду работать в родном колхозе.

— Наш колхоз «Победа» богатый, награжден орденом Ленина, соединяет девять деревень, где 27 комбайнов, 96 автомашин, 56 тракторов, самая главная ценность — это люди: сколько героев социалистического труда, притом кавалеров различных орденов и медалей.

— Потому хочется испытать себя, на что способен я в этой жизни.

Выпрямился весь в этот раз Николай:

— Поживу в родном гнезде, а там будет видно, что делать дальше, отец!

— Правильно говоришь, сынок. В этом поддерживаю тебя полностью обоими руками.

Весь оживился сразу Николай Макарович:

— Всем хватит этой работы. У нас платят в день 1 рубль, когда 50 копеек бывает, когда 70 — говорят, доплата к основной зарплате.

– Прибавка хорошая, ничего не скажешь.

– Взял бы к себе на пилораму, сынок, но мы работаем втроем – Жирнов Авдюк из Изамбаево, Баринов Варсун из деревни Куликеева. Я подсобник в этой тройке.

И с улыбкой такой слегка качнул головой:

– Да есть тоже из села нашего Янтикова охранник Осипов Минюк, такой шутник, горазд на выдумки.

Теперь продолжил с веселым настроением:

– Однажды говорит: сегодня Москва не показывает, только Чебоксары. Сразу не понял его.

Нагнулся, из маленького сусека черпнул деревянным ковшом уйром, налил себе в кружку, глотнул, утолил свою жажду.

– Сразу не понял Осипова Минюка, а потом дошло, что значит «показывает Москва» – это магазинная водка московская, а чебоксарская – домашний самогон. В народе был такой неписанный закон, чтобы бревна без очереди приготовить доски, надо было поставить, как называется, ускоритель.

После недолгой беседы Николай окончательно решил остаться в колхозе. Видимо, слышавшая разговор, матушка напоследок подошла, положила руку на его плечо:

– Очень рада, сынок, этому решению. Когда вместе, и душа на месте.

Внутри все отлегло у Николая без всяких проблем. Думал, будут отговаривать, чтобы он поехал учиться в город.

III

Утром рано поднялся Николай, оделся по-рабочему, еще с вечера приготовила ему все матушка. Выпив целый бокал молока, почувствовал Николай свой дом отчий.

Направился в гараж, а тут всю шумела техника: кто машину заводил, кто ехал на заправку свою колхозную, или стояли за путевками у механика, куда их направляют сегодня. Встретил Николай своего близкого друга Плотникова Владимира, еще с ним ходили к девчонкам до армии. Оказывается, он работал водителем на машине ЗИС-164, в народе называли «старушкой». Махнув рукой по-свойски, Володя:

– Поехали со мной в рейс, в случае чего будешь мне помогать.

— Пока еще не знаю, куда меня направят.

— Иди тогда узнавай, в случае чего запрашивайся ко мне в напарники.

— Все понял, постараюсь сделать так, как ты просишь.

Быстро начал вертеть по сторонам головой Николай и тут же нашел завгара Мукина Геннадия Терентьевича. Сходу прямо к нему, поздоровался с ним:

— Куда мне сегодня идти работать?

— Самому где любо начать свой первый рабочий день? — отнесся к Николаю по-свойски, потому что приходился родней.

— Можно попробовать с Плотниковым Владимиром, подучиться у него?

— Конечно, какой разговор! Нам всегда нужны водители, глядишь, в дальнейшем направим в автошколу.

— И на этом спасибо, что предугадали мое будущее.

— Давай не ленись только, Николай, втягивайся в наш коллектив.

Пошел к Володе. Тот крутился около своей «старушки». Увидев Николая, сразу к нему по-свойски:

— Давай поехали в Канаш в топсбыт за каменным углем.

— К тебе попросился, как ты говорил, так и получилось в самый раз.

Стоял трескучий мороз, что дошло до -30°C , и это был ноябрь 1975 года, конец месяца. Залили горячую воду в радиатор, проверили шупом уровень масла в двигателе. Подогрели места при помощи паяльной лампы, разогрели масло в поддоне. Прокрутив стартер двигателя, Володя моментально завелся без всяких капризов.

Настрой был на высоте, всю дорогу болтали про службу. Потом еще с большим интересом переключились на девчат. А в конце про свою мечту о будущей молодой жизни. Все-таки не виделись два года. Также Николай начал читать своему закадычному другу Володе стихи, что сочинил.

Продвигались по дороге только вперед, хотя у «старухи» плохо работала печка. Поэтому приходилось все время пользоваться паяльной лампой. Слегка нагревали лобовое стекло, боясь, что оно может треснуть прямо на ходу. Еще иногда приходилось греть свои ноги, когда уже было невтерпез от холода. Но, несмотря на такие неудобства,

друзьям было весело. Иначе, конечно, быть не могло. Еще с Володей вместе учился Николай в одной школе, где матушка Володи преподавала биологию, географию. А также Анна Ивановна дружила с матерью Николая. В общем, были как братья неразлучны. За разговором быстро добрались до Канаша, моментально погрузив экскаватором каменный уголь. Получилось так быстро, что остались довольны. Выехали из города в сторону своего села Янтикова. Не доезжая до деревни Сюрбево, случилась такая оказия: в кабине загорелась картонная обшивка. Заметив, Николай крикнул:

— Останови машину, Володя, не медля, пока весь не загорелся.

Резко тормознул, вылетел на обочину.

— Хорошо еще, что не в яму, а то точно не вылезли бы без помощи.

Внутри был дым. Задыхаясь от кашля, открыл дверцу Николай, успев выбросить лампу. Начали тушить тлеющее место снегом с двух сторон. Еле удалось это место потушить, но внутри еще стоял едкий дым. Смотря друг на друга, смеялись:

— Ну а ты на кого похож, Николай!

— Вначале посмотри на себя, Володя, весь как кочегар, одни глаза и зубы белые.

Опять взяв лампу, Николай накачивал воздух. В это время Володя подальше от дороги набрал снегу целое ведро. К нему приставил лампу, моментально согрелся снег. Теплой водой помыли руки и грязное лицо, вытерли полностью кабину влажной тряпкой. Завел машину Володя, на малых оборотах выехали на дорогу. Дальше ехали на полном ходу. Теперь пользовались лампой аккуратнее, внимательнее, от греха подальше. Слишком не забалтывались между собой, стали почаще заглядывать на пламя, куда оно направлено.

Приехали в село Янтиково, разгрузили около кочегарки участковой больницы. Больница была двухэтажная, кирпичная, на 69 коек. Так что сюда зимовать надо немало угля. Взяв лопаты, ребята начали выгружать из кузова. Выскочил кочегар Курицын Валерий:

— Ребята, надо поближе вываливать, надо думать!

— Где ты раньше был, Капарьян?

— Могли бы зайти спросить. Вот молодежь — торопится, давай им скорей!

Завел машину Володя, подъехал, куда ему сказал Капарьян.

И сам начал помогать выгружать Курицын Валерий, не отставая от парней своих, не смотря ни на что. Быстро стемнело. Короток был зимний день. Пока разгружали без всякого перекура, вспотели все. Хотя стоял мороз, от троих шел пар. Смотрели с таким наслаждением на свою работу, сделанную за сегодняшний день. Напоследок договорились идти в сельский дом культуры.

Помывшись, плотно поел Николай шурбе. Довольный, сытый смотрел фильм «Судьба человека». Какая картина была сильная! Хотя сколько раз уже смотрел, никак не обходилось без переживания в душе у Николая, заставляла задуматься надолго про свою жизнь. После фильма без забот, как обычно, с друзьями проводили своих девчат по домам. У ворот целовался с молоденькой девушкой, что только пошла в десятый класс. Она Николая любила с малых лет. Была малолеткой, старался сдерживать свои чувства, не распускать руки.

IV

Встретились прямо с утра в гараже с Володей:

— Ну что, Николай, поехали со мной?

Посмотрел на него с таким раздражением, недовольным голосом ответил:

— Не знаю, как поступить с тобой в этот раз, Володя.

— Что так, Николай, что с тобой случилось? С той молоденькой девушкой не перегрелся?

— После вчерашнего что-то расхотелось — сгоришь заживо в твоей «старушке» в один момент и не заметишь этого.

— Ничего, друган! Зато с приключением! — хлопнул по-свойски по плечу несколько раз.

— Но я все равно на путевке написал твою фамилию, Кудрявцев.

С еще большим задором Володя к нему:

— Теперь никуда не денешься, Николай. Сегодня за дровами поедем по другому маршруту.

— Хоть далеко, что ли, Володя?

Промолчал, по-деловому к нему так:

— Давай время не будем терять, Николай. Отремнтируем печку.

— Вот это деловой разговор. Мне такой расклад нравится.

Появилась улыбка у Николая. С настроением взялись за дело друзья.

Стоял такой же мороз, как вчера — нисколько не поднималась температура на градуснике, наоборот, опускалась. Разбирали печку, по очереди крутили гаечным ключом на холоде. Оказывается, сгорела катушка для больших оборотов. Получив на складе новую совсем, заменили вместо старой. Завели машину, включили печку. Настоящий рай был в кабине: тепло, по-своему уютно.

— Теперь хоть куда с тобой, Володя, безо всяких разговоров.

Оба остались довольны этим сделанным ремонтом.

В колхозе сразу не давали молодым новую технику. Сперва на старушке ЗИС-164. Если только войдешь в доверие, покажешь себя с положительной стороны, потом получишь более-менее хорошую машину.

С улыбкой Володя посмотрел на друга:

— Ну что, Николай, поехали за дровами в Шемуршинский район. Рядом находится деревня Мордватюки, на границе с Алатырским районом.

— Какой может быть разговор в нашем деле?

— Еще с нами одна машина ГАЗ-53, за рулем Зайцев Володя.

— Который является братом у моей матушки, воспитывал как отец, а сам работал с малых лет?

— Видишь, Николай, получается все хорошо у нас с тобой, лучшего не пожелаешь.

— Теперь нам не будет скучно в этой зимней дороге, когда друзья рядом.

V

Все время еле догоняли машину ГАЗ, тот шел на хорошей скорости. На двух машинах добрались до места. Здесь в лесу была красота: деревья белые, в снежном одеянии все вокруг. Все казалось очень необычно. Пробежал мимо заяц в сторону Карабай Шемурши. За ним гнался волк. Увидев людей, орызнулся, развернулся в другую сторону, с неохотой такой.

– Надо же, серый не боится людей, готов прыгнуть на нас.

– Сейчас звери хищны могут броситься на человека.

– Неужели это способен сделать волк один?

– Потому что они голодные в это время года. Смотри – худой, как велосипед.

Посмотрел на молодежь Володя Зайцев с укором:

– Вы тут готовы долго философствовать. Пока светло, надо загружаться, земляки мои.

Как не хотелось нарушать спокойствия леса. Нечаянно задевали – успевали отходить в сторону от дерева, сверху летел снег за шиворот. До чего было неприятно в тот момент.

Приезжали сюда колхозники, заготавливали заранее деревья по одному размеру. Укладывали в ряд по длине кузова. Быстро уложили на свою «старушку» – как-никак два друга были молодые, притом после армии. У них кровь с молоком кипела внутри. Помогли загрузить машину Зайцева Володи. Его напарник был почти в его возрасте, годки оба.

VI

В колхозе «Победа» каждый год направляли заготавливать дрова для населения. Заботилось руководство о своих тружениках. В этот раз в путевке конечным пунктом было доставить дрова в д. Ст. Арланово. В этот раз с грузом добрались первые на ЗИС-164. В хвосте остался ГАЗ-53, еле доехал до места.

С улыбкой вышел Николай навстречу Зайцеву Владимиру:

– Видишь, дядя Володя, оказывается, наша «старушка» сильней вашей машины.

– А ты прав, Николай. Ничего не могу сказать в этом вопросе. Могли делать технику раньше.

Вышел мужчина, махнул рукой им:

– Сюда подъезжайте, это для нас.

Подогнали обе машины и остановились у ворот. А мужчина в ушанке весь такой радостный встретил:

– А вторая – моему соседу через три дома.

– Теперь понятно, куда свалить.

С такой осторожностью мужчина подошел к Володе, увидев, где больше:

– Можно с твоей старой машины разгрузить у меня?

— Какой вопрос! Показывайте только, куда.

— Вот сюда, перед воротами моими.

Подъехал Володя, куда показали пальцем. Вышли с Николаем из кабины, открыли борта. Все бревна покатались по сторонам, осталось только немного посередине. Запрыгнули два молодца, пиная ногами, разгрузили кузов. Поддав назад, Володя закрыл борта, хлопая ладошами.

Чуть наклонив голову, мужик:

— Прошу к столу, еще с утра моя хозяйка затопила печку, испекла пироги хуплу и еще кое-что мясное. Переглянулись между собой друзья, последовали за ним в дом. По чувашской традиции угостили сытно, уважили людей.

VII

Ничего не менялось. Утром был такой же мороз. Когда плюнешь, слюна не долетала до земли, замерзала.

Завели друзья свою «старушку», работала ровно, как часики.

В этот раз досталась путевка за дровами. Посмотрел внимательно Володя, что было написано на листе:

— Смотри-ка, Николай! На сегодня достался нам самый длинный путь.

— А почему не по вчерашнему маршруту?

— Есть тут одно «но» — легкие, короткие дороги достались старикам.

— Ладно, свои люди. Справимся, нам не привыкать.

— Так и сказал наш завгар Мукин Геннадий: «Тяжелые рейсы — молодым».

Оба улыбнулись. В глазах горели огоньки.

— Посмотрим еще, кто раньше приедет сюда.

Слегка стукнул Володя по баранке и резко затормозил у ворот Кудрявцевых:

— Пойдешь, Николай, к себе за обедом?

— Вчера притащил с собой сидор нетронутый. Сам видел — было некогда есть.

— Если так, поехали. Я тоже не буду заглядывать к себе.

— Значит, одно решение у нас с тобой, друган.

С легкостью Володя резко нажал на педаль газа. Выехали через реку Була. На поворотах еле успевал выкрутить баранку — был такой большой люфт у руля. Наконец,

выпрямилась машина — и по прямой дороге в деревню Куликеево.

VIII

Место назначения находилось в самой глубине леса. Еле добрались на машине. Вытаскивать было тяжело эти бревна. Намучились оба друга, но все-таки погрузили целый кузов. За это время черные брови успели побелеть, а влажное лицо покрылось инеем.

— Да. Надо же — в этот раз нам досталось несладко!

— Ничего, Володя, видишь — все равно справились!

Лихо Николай поправил съехавшую шапку:

— Нам, молодым, все нипочем эти трудности.

— Одна только проблема: как хочется есть, знал бы ты, Николай!

— Если возник этот вопрос, то чем быстрее доберемся до места назначения, тем быстрее наполним животы.

Завели мотор ключом зажигания. Тихо, на малых оборотах стала обратно выезжать машина. Старался Володя по своим следам выбраться из этого леса. Начали на небе собираться тучи, затягивать голубое небо. Со стороны соседней республики с Волги надвигались черные тучи. И тут резко как будто прорвало небо. Повалил настоящий снегопад, лобовое стекло замело, стала плохо просматриваться дорога. Невольно пришлось сбавить скорость, медленно продвигаться. Думал только об одном Володя — как бы не заехать в какую-нибудь яму, а то точно не выберешься из этого леса.

Впереди не переставая валил снег. Поэтому быстро стемнело, совсем стало не видно, хотя дворники всю ходили туда-сюда. Все равно умудрился Володя проехать два километра с такой натяжкой и на нервах. Дальше стало невозможно ехать. Машина стала буксовать на месте.

— Давай, Володя, я выскочу, начну чистить дорогу.

— Это дело говоришь. Может, и проскочим.

Всю орудовал лопатой Николай там, где трудно было колесу проехать. Удавалось таким образом продвигаться вперед.

Встретили по пути другую машину — ГАЗ-53. Видимо, эта техника была оборотистой — быстро села на одно место — ни туда и не сюда.

— Ну что, мужики, хотели раньше нас проскочить?

— Да мы давно загрузились. Немного не рассчитал — дал газу, моментально села.

— Может, нас пропустите вперед, дядя Володя?

— Не знаю только, как мы с вами разойдемся на этой дороге, Николай.

— А вы нам помогайте с лопатами в руках очистить этот путь.

Бросив свою баранку, Зайцев Володя выскочил из кабины, захлопнул дверь. Ему навстречу Плотников Володя:

— Просьба одна, дядя Володя.

— И какая же, говори быстрее!

— Вы за рулем давно, давайте-ка за баранку моей старушки. Будет больше пользы: Вы постарше, у Вас опыта побольше.

— Дело говоришь, Володя. Давно не водил ЗИС-164.

Втроем орудовали совковыми лопатами и удачно обошли. Сразу водители присели на свои места. Шустренько Николай зацепил тросом за крючок ГАЗ-53. А впереди, медленно прыгая, шла «старушка», еще за собой тащила машину.

Наконец выехали на твердую накатанную дорогу, и вдруг такой сильный хлопок: у ЗИС-164 лопнуло колесо, даже все вздрогнули.

Выскочил Володя весь как ошпаренный, нервно так махнул:

— Давно там на крышке была грыжа.

Почесывая свой затылок, сам не зная, со злостью выговорил на себя:

— Думал давно его сменить. Надо же — получилось в самый ответственный момент!

Приблизился Николай, пиная колесо:

— Да, надо же такому случиться. Как по закону подлости.

Оба друга скорчили рожи от такого создавшегося положения. Оставалось им только плевать на снег.

— Одно колесо не будем менять вчетвером, поэтому выезжайте, мы Вас быстро догоним, дядя Володя.

Посмотрел на них Зайцев Володя с заботой, с неохотой:

— Ладно уж, мы вас подождем в деревне у магазина, надо кое-что взять.

Быстро взялись за дело друзья. Крутили гайки по очереди.

Моментально сменили запасное колесо. С ходу кинули монтажку и ключ под сиденье.

– Теперь их догоним махом, об этом, Николай, можешь не беспокоиться.

– Не знаю, Володя, пока не перепрыгнули – нечего говорить.

– Ну ты совсем, Николай! Во мне сомневаешься?

– Честно говоря, внутри какое-то плохое предчувствие.

– Одно хочу сказать, Николай: у тебя просто в животе пусто, потому такое неприятное ощущение.

Володя довольно поглаживал живот с улыбкой:

– Сейчас обязательно попутно заглянем в магазин!

С такими мыслями успокоились два друга.

Еще сильнее повалил снег. Пришлось опять Николаю разгрести снег из-под колес. Хлопья снега залипали лицо, такое неприятное было ощущение. Весь выдохнувшись, Николай бросил лопату. Сам присел на корточки – больше не было силы махать. Шатаясь по сторонам, притом мокрый до самой майки, забрался в кабину.

– Слушай внимательно, Николай. Вот покажу, что делать.

Мутно посмотрел в его сторону.

– Нажимай, только слегка, на эту педаль газа. В случае чего отпустишь ее и сразу на две рядом стоящие.

– Видел, что делаешь. Ездил столько времени – наверное, запомнил все, Володя.

Володя выскочил, начал махать лопатой. Сев за руль, Николай потихоньку начал газовать. То ли ослабла нога, то ли соскользнула с педали и обратно – резко газанул, моментально вильнул задок, и машина села капитально.

– Что же ты наделал, Николай!

Виновато опустил голову, только молчал, ни разу не проронив ни слова за это время, Николай.

– Давай-ка, друг, ты пошустрее меня, сходи в деревню, найди тракториста.

Кивнул головой в знак согласия.

– Иначе нам здесь придется куковать всю ночь голодными.

– А до населенного пункта далеко?

– Думаю, наверно, с километр будет до этой деревни.

С неохотой вылез из теплой кабины. Прямо в глаза летел

снег. Пришлось покрутить головой Николаю, чтобы увидеть, где находится деревня. Оказалось все бесполезно, кругом один снегопад. Только по памяти вспоминал населенный пункт, когда ехали утром сюда. Додумался Николай вот до чего: взял запасной черенок от лопаты, не зная еще, что может быть в этом неизвестном пути. Вспомнил слова председателя колхоза В.Г. Свеклова, любил очень шутить:

— Когда по дороге увидишь широкую половую доску, обязательно подбери и закинь на кузов или на плечо.

Еще Свеклов В.Г. говорил такие слова:

— От кузова и над кабиной и с двух сторон обязательно должны висеть лопаты на ремнях и запасной черенок.

Сейчас в самый раз пригодился черенок вместо палки Николаю, чтобы было легче шагать по сугробам, заодно защищаться от волков и собак.

Вслед громко крикнул Володя:

— Попроси у кого-нибудь кусок хлеба, а то за целый день не было ни крошки во рту.

— Постараюсь, у самого тоже пусто в желудке.

Сам, слегка поглаживая по животу:

— Думал, что быстро вернемся, а получилось наоборот. Вот так-то, друг.

— Не напрасно в народе говорят «индюк думал, да в суп попал», сегодня точно можем околеть с тобой.

— Надо же, каждый раз брал с собой термос, — сладким тоном голоса проговорил Николай.

— Ах, как вкусен кусок твердого черного хлеба.

— А еще скажи, мясо или испеченное в печке хуплу лежало бы в бардачке.

— Теперь нюхай свой бензин.

После такого перечисления еды у Николая потекли слюнки. Вспомнив и почувствовав запах, скорей зашагал Николай. Повернул лицо по ветру, чтобы не обдувало, не прилипал мокрый снег. Со злостью направился в сторону деревни. С большим трудом пришлось вышагивать. Примерно протопал где-то метров восемьсот, только тогда заметил вдали тусклый свет, который показался, как маяк, за сплошной стеной снегопада. Еле добрался до первого дома. Помогал еще черенок лопаты, на который опирался при ходьбе Николай.

Постучал в дверь своей деревяшкой. Кто-то долго возился в сенях, наконец послышался голос:

— Кто там еще бродит в такую ненастную погоду?

— Извините, пожалуйста, меня, что получилась такая неприятная история.

Перехватило дыхание у Николая от ходьбы, продолжал далее:

— Да мы тут застряли посередине дороги.

— Причем тут я?

— Ищу тракториста нашего колхоза, который в вашей деревне живет на квартире.

В голове с ходу мелькнула мысль сразу попросить немного хлеба.

— Одна я старушка, тем более ночью, притом посторонним, не открываю, — с каким-то акцентом сказала бабка. Было слышно, как сильно захлопнула дверь.

Дальше продолжил свой путь по снежному бархану Николай. Смотрит, горит в окне свет. Слегка так постучал по ручке. Долго себя не заставили ждать. В ответ голос молодой женщины:

— Кто еще там шастает ночью?

— Получилась несуразица. Выезжая из леса, застряла наша техника.

— Ничем не могу помочь Вам.

— Одно только — ищу своего тракториста.

Резко открылась дверь. Прямо в глаза брызнул свет. Немного прищурив глаза, начал хорошенько разглядывать ее. Была в чувашской одежде. Моментально поняв, Николай свободно заговорил на родном языке:

— Проблема одна — найти трактор.

— Этот ваш Валера живет на квартире у тети Нюры.

— А насчет хлеба как у вас? А то с утра не было росинки во рту.

— Рада бы помочь, но нет к сожалению.

— Что у вас тут, голодный год?

— К нам возят хлеб на лошади райповской.

Махнула рукой по воздуху, где мел снегопад:

— Сегодня с этой метелью ничего не привезли в наш магазин.

— Заинтересовался. Одно хочется знать — кто живет тут у вас?

— Есть у нас тут много наций — чувашаи, мордва, русские.

— Пойдите-ка немного, я сейчас.

Из печи ухватом вытащила чугуна. Притащила несколько картофелин, которые были еще горячие. Положил в карман.

— И на том благодарен, что подробно объяснили все, угостили!

У самого Николая отогрелось на душе, не хотелось уходить от нее, застыли ноги. Но внутренний голос говорил: «Нельзя расслабляться. Ждет друг, должен быть ответственным перед ним». Улыбнулась женщина по-свойски, тихо прикрыла за ним дверь. Проскочив мимо нескольких строений, наконец увидел трактор перед домом. В этот момент очень обрадовался Николай, что прибавил шагу.

Постучал в дверь — никакого ответа. Торкнулся за ручку — дверь оказалась не заперта. С осторожностью открыв, прошелся вперед. Просматривалась такая картина: прямо у печки стояла кровать, на ней сидели дед и бабка, наверное, та самая тетка Нюра.

— Ищу я своего Валерку. Что-то здесь не видать его.

Переглянулись между собой старые.

— Не подскажите, где он?

— Давно еще, за светло, ушел он на свадьбу с нашим соседом Иваном.

Тут дед включился в разговор:

— Хороший гармонист, ничего не скажешь. Если заиграет, никто не удержится на месте.

— Спасибо хоть на этом, что подсказали, где его искать.

Направился Николай туда, где издали слышна была музыка.

Добрался до этого места, с ходу постучал сильно, чтобы было слышно. Открылась дверь прямо нараспашку, вышла девушка, такая румяная и веселая, с таким хохотом и азартом:

— Кто на свадьбу, не стесняйтесь, заходите смело, открыто для всех!

— Незванный гость хуже татарина.

— Коли пришли, все равно заходите. Места хватит для всех.

— Да я еще без подарка.

– Не обязательно, главное – уважение молодым.

– Хотелось поговорить со своим трактористом.

В момент девушка потерялась внутри этого дома. Немного погодя вышла она, все еще не сходила улыбка с лица:

– Крутился с какой-то девушкой Валера. Они ушли недавно.

– Подскажите, в какое место направились.

– Приезжая была девушка. Сама не знаю.

– Очень жаль, конечно, что не знаете.

– Если честно сказать, около него многие крутились одинокие женщины, даже сама положила глаз на него – вышло впустую.

– Теперь становится понятно, что дело – труба.

Внутри у самого Николая забурчало в животе от голода.

– Сегодня у многих спрашивал хлеб. Все бесполезно – ни у кого нет.

– Сейчас это дело исправим без всяких разговоров.

Опять скрылась девушка внутри дома. На этот раз не заставила себя долго ждать, протянула буханку ржаного хлеба. Сходу взяв, Николай взял в подмышку с левой стороны. Полез в карман, оттуда вытащил целый рубль железный, прямо в руки дал девушке.

– Сейчас отдам Вам сдачу – всего лишь стоит 18 копеек.

– Никакого возврата не надо, и на этом очень благодарен не знаю как.

– Лишь маленькая услуга – нельзя отказывать человеку в еде, это очень большой грех.

– Очень признателен Вам, что дали хлеба.

Сам на месте топтался Николай, вытянув шею, смотрел вовнутрь избы. Оттуда шел запах мяса и пирога. Думал и не знал, что делать – в носу шекотало. Другой бы давно в наглуую сел за стол, со всеми вместе ел и пил вдоволь, улыбаясь как ни в чем не бывало, спокойно. Чувашская манера была слишком скромной в этом вопросе. Пока несколько раз не пригласят отведать – ни в какую. Вспомнил Николай про своего друга – там же он голодный как и сам. Посмотрела девушка на Николая удивленными глазами:

– Должен человек веселиться, а ты какой-то странный, не пойму тебя.

– Там ждет Володя с надеждой, что я приду скоро к нему.

— Ну смотри, тебе видней — у жирафа шея длинная. Мотнула головой, опять убежала. Был конец этой беседы. Попеняв на свою совесть чрезмерную, зашагал по улице Николай, одной рукой прижимая хлеб. Пальцами в кармане в фуфайке нащупал деньги. Сразу взорвался и ругнулся прямо вслух:

— Эх, дырявая башка. Если не хватило наглости присесть за стол и поесть вдоволь со всеми вместе, то мог бы додуматься попросить чего-нибудь из еды за свои деньги.

Дальше ругал себя Николай на чем свет стоит, и этим успокаивал свои нервы. Сам весь расстроился. От злости прибавилось энергии, ноги заработали быстрее.

Здесь успело наместить снега предостаточно. Боясь сбиться с пути, старался упираться на твердое, протоптанное место. По дорожке с этой палкой-выручалкой пробирался к «старушке», озираясь по сторонам для страховки, чтобы не заблудиться в этом белом поле.

Наконец, Николай заметил свет фары от автомашины, стреляющей лучом перед собой. Держал путь только туда, хотя и трудно было по этим снежным сугробам — все-таки валил еще снегопад. Добрался до места. Успело навалить снега до самой подножки автомашины.

Сидит Володя, подперев голову рукой, облокотившись на руль. У самого глаза сонные. Видимо, прошло немало времени, пока ходил Николай в эту деревню. У самого Николая даже появился пот на лбу. Слегка так вытер ладошкой:

— Не обижайся, друг, что так получилось — не нашел тракториста.

— И куда же делся он среди ночи в такой снегопад?

— Гулял на свадьбе, умотал с какой-то девушкой, что даже никто не знает, где он находится в настоящее время.

— Теперь куковать нам не знаю сколько времени здесь.

И сделалось такое кислое лицо у Володи. Как только вытащил хлеб из-за пазухи, положил перед ним, сразу посветлели глаза. Открыв дверь, Володя прямо с места зачерпнул стаканом снег, поставил, где дуло тепло от печки. По очереди начали бережно отламывать кусочки от буханки и жевать с таким вкусом со снегом. Работали челюсти, а

сами ни слова. О чем-то думал каждый из них. Но показалось обоим, что еда была вкусная.

– Ой, совсем забыл. Дала чувашка несколько картошек.

Вытащил из кармана, положил перед ним

– Это у нас с тобой будет на десерт.

Периодически заводил двигатель Володя, чтобы только не замерзнуть самим, и не застыла в радиаторе вода. Движок у «старушки» работал однотонно, как часики. Даже и не скажешь, что пора ее списывать. Об этом поговаривал завгаром Мухин Геннадий.

Давала о себе знать усталость за целый день. После еды успокаивался организм, потихоньку закрывались глаза. Встряхнув голову несколько раз, посмотрев по сторонам, Николай:

– Думаю, Володя, вот так: давай-ка сольем воду и пойдем отдохнем хотя бы чуток.

– Куда нам предлагаешь податься среди ночи?

– Тут не遠далеке я еще заметил ферму.

– Дело говоришь, Николай. За ночь сожжем весь бензин, наутро останемся ни с чем, опять у нас будет проблема.

– И обязательно надо взять два ведра пустых, на обратном пути захватим воду.

Открыл капот Володя, открутил краники, начала вытекать теплая вода, шел пар. Под конец, приложившись ртом к горловине, Володя, набрав воздуха в грудь, дул туда, что есть силы, чтобы не осталось ни одной капли воды внутри.

IX

Метель всю буйствовала в открытом поле. Было где разгуляться снегопаду. То и дело приходилось закрывать варежками свое лицо от холодной неприятной сырости. Таким макаром добрались до территории фермы. Зашли в маленькую избушку для охраны. Встретил старичок, разглядывая их с интересом.

– Откуда вы взялись, парни, на ночь глядя?

Видимо, дежурил старичок-пенсионер, но шустро двигался перед ними.

– В такую погоду хороший хозяин и собаку не выпустит на улицу.

— Да вот застряли посреди дороги и не можем ехать дальше.

Добавил дальше Володя такие слова:

— Как только выехали из леса, застала такая нужда.

— Это, конечно, понятное дело. Хоть искали тракториста?

— Конечно, само собой! Но разве его найдешь, такого жеребца?

— А что такое случилось с ним?

— Был он на свадьбе, ушел с девушкой гулять. Даже никто не знает, где он находится.

— Дело молодое, ничего не сделаешь — дано природой, против этого инстинкта не попрешь.

С такой осторожностью Николай проговорил:

— Можно ли нам у вас остановиться на ночлег?

— Смотрите, где устроитесь сами — там и ваше место.

Посмотрел дед в окно в сторону леса, озабоченно высказался:

— У нас такое часто случается, когда вывозят дрова, но тракторист вовремя вытаскивает машины.

Оба шмыгнули носами друзья.

— А такое впервые — заброшены и никому не нужны.

Молча каждый нашел себе уголок на этой длинной скамейке.

— Э-э-э, мужики, так не пойдет, подождите немного.

На плиту галанки поставил чайник с водой. В топку кинул пару полен. Шурша бумагой, развернул что-то, оказалось — два бутерброда. Выставил перед ними.

— Чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, дед, что понимаешь нашу нужду.

— В своей жизни много видел, всегда старался с человеческим лицом оставаться.

В глазах у него была доброта.

— Сейчас, хлопцы, пойду посмотрю.

Взял чистое ведро-подойник, даже не копошился дед, молодецкато вышагивал в коровник. Вернулся через несколько минут такой невеселый старичок, с неохотой сказал:

— Жаль одно, что не получилось задуманное добро к вам.

Резко с шумом поставил ведро на место.

— Оказывается, в этот раз, как назло, зав. фермой закрыл дверь в помещение, где находится молоко, на замок.

Пальцем махая перед собой дед:

— Обычно всегда открыто, только сегодня странно получается.

— Это как закон подлости — все против нас оборачивается.

— Видимо, не ваш день сегодня, мальчики.

Закипел чайник. Вода капала на плиту, шипела, шел пар.

— Сейчас, парни, вам заварю зверобоя.

Открыв крышку, закидал в чайник сухую траву.

— Жил у нас Митяй — отрежет кусок хлеба, положит с краешка сала. Хлеб съест, кусочек сала обратно в карман кладет.

— Такой и у нас есть мужик.

— Почему хотел сказать — одевался кое-как, желудок мучил. Наверно, поэтому и умер рано от недоедания. Осталось у него на книжке шесть тысяч.

— Хотел, наверное, с этими деньгами пожить на том свете.

Все улыбнулись, разрядилась обстановка. Нахлебались кипятком, вприкуску с бутербродами с салом. Согрелись хорошо, что начали закрываться глаза. Разбрелись мужики по углам. Не почувствовали голые доски, заснули моментально, спали как убитые.

Х

Под рев коров проснулись рано утром. Хотелось хоть немного поспать, но разве сможешь под такой шум!

Попросили 2 ведра воды у деда, заодно поблагодарили дорогого для них старика. За ночь он им на самом деле стал близок.

Вышли из домика. Наконец-то закончился снег. Погода стояла спокойная, небо ясное, на удивление всем.

— Володь, я сразу пойду в деревню, напрямик к трактористу.

— Дело говоришь, Николай, чтобы время не тянуть зазря.

В этот раз Николай быстро отыскал дом, где стояла техника. Не как вчера, не было нужды искать на авось. Зашел в избушку, поздоровался с тетей Нюрой. Прошел напрямик к кровати в углу, а тут всю дрых Валера. Несколько раз потряс его за

плечо. Невольно прищурившись, открыл свои веки парень:

— Что тебе надо, парень?

— Ты совсем, что ли, не узнаешь своих?

— Ой, извини, Николай. Богатым будешь.

— Вчера получилось так, что не смогли выехать из этого места, промокли все не знаю как, знал бы ты, как мы промучились.

В это время Валера старался укрыться с головой. Смотрел на него Николай весь раздраженный, больше не хватило терпения — скинул одеяло с него.

— Давай двигай булками. Ночью заколебались искать тебя по всей этой деревне. Нашелся гуленый — как кот весной!

— Знаешь ли ты, Николай, что только сейчас пришел, хотел отдохнуть.

Сам хватался за голову Валера, сделав жалобными свои глаза.

— Очень болею с похмелья — перемешал водку, вино, самогонку.

— Скажи себе «надо». Все-таки ты мужик, а не баба базарная.

В это время тетя Нюра поднесла ковш:

— Попей соку квашеной капусты, милоч — хоть немного полегчает.

Пару раз глотнув, сморщил свое лицо, отвернулся в сторону.

— Давай-ка, Валерка, подымайся. Сегодня заодно помогу тебе завести трактор.

Еще раз, чтобы взбодрить, взяв за руку, пару раз встряхнул, скатил его на пол.

— Пока ты там раскочегаришься, начнешь чистить дорогу, я сбегаю в райповский магазин.

Рядышком подслушивала тетя Нюра:

— Время только восемь. Она открывает в девять.

— Ничего, пока туда доберусь, до этого времени откроется. Быстро пролетит — и не заметишь.

Трогая голову, Валера старался туда-сюда хорошенько растереть ладшкой, успокоить боль.

— Идет, Николай. На это согласен.

Сам не спеша стал одеваться. Пока Валера натягивал на себя одежду, Николай из кухни вытащил два ведра горячей

воды и на улицу. Закрывл краник на двигателе. Начал в горловину радиатора заливать до тех пор, пока не полилось сверху. Появился наконец Валера, проверил масло и топливо. Намотав веревку на шкив пускача, несколько раз дернул — зашумел трактор. Прокрутило несколько раз внутри, с трубы повалил черный дым. Моментально завелся. Выключил пускач, стало тише, перестало выпускать гарь. Гудел равномерно движок. Тихонько тронувшись, поехал трактор. Заодно, чтобы впустую не гонять, чистил снег по пути.

XI

В этот раз было все видно. Широкими шагами быстро добрался Николай до магазина. Получилось прямо вовремя, как раз открывала женщина. Успел подскочить Николай, помог открыть ставни.

— Ух ты, какой молодец оказался парень. Видно сразу — шустрый!

Улыбнулась женщина. Сама была пухлая, как булочка, в самом соку. До чего была приятная особа. Последовал за ней вовнутрь, сходу Николай просматривал витрины. А тут на полках кроме красного ничего не было.

— Что, у вас совсем не бывает водки?

— С чего это вы взяли, молодой человек? — обиженно надула свои толстые губы.

— Просто вчера была свадьба, все, что было, забрали подчистую.

Совсем опустилось настроение к нулю. Видно было — совсем плохие дела. Решил Николай подробно объяснить продавщице, в какую ситуацию попал.

— Всю ночь находились в машине, замерзли как бобики!!!

Сам протирал руки Николай, как будто до сих пор не мог согреться.

— Надо бы покрепче, чтобы невзначай не заболеть в эту стужу.

Слегка повеселели у нее глаза. Видно, раздобрилась женщина. Пошла на склад, оттуда притащила две бутылки водки «Экстра», поставила перед ним.

— Для себя берегла на всякий случай.

— Ой, спасибо, дай Бог Вам здоровья, на долгие годы!

Теперь весь переменился Николай, поднялось настроение.

— Так я и знал, что у Вашего мужа понятливая жена.

— Бросьте расхваливать меня. Просто вникла, в какой ситуации находитесь.

— Закусить бы чего-нибудь. Хотя бы надо хлеб, колбасу, сыр.

— Сегодня еще Егорка не привез на своей лошади из пекарни.

Опять нагнулась женщина, из-под прилавка достала булку хлеба.

— Позавчера еще оставила для себя поесть на обед, но совсем забыла про него, народу было много, даже некогда было перекусить. Это Вам дает Бог.

Посмотрел на витрину внимательнее Николай, а там, кроме кильки в томатном соусе, ничего путного не было, чтобы закусить.

— У вас есть шоколадные плитки?

— Конечно, рядом с конфетами. Вон, «Аленка».

— Не знала, что мужики любят сладкое.

— Это Вам, возьмите, пожалуйста, за доброе отношение ко мне.

Даже немного застеснялась, порозовели гладкие щеки у нее. Моментально нашла колбасу полукопченую, целую палку, и тут же отвесила ему большой кусок сыра. Едва успевал складывать в свою сетку.

— Еще раз Вам большое спасибо.

На прощание махнув рукой, скрылся за дверью.

Теперь по очищенной дороге легко было шагать. Успел Валера только пол пути сделать. Дошел до тракториста, показал сетку, крикнул:

— Следуй за мной к нашей машине.

Кивнул головой, не заглушив свой трактор, выскочил из кабины.

Видимо, Володя устал ждать на месте. Встретил с большой радостью его, готов был обнять по-дружески Николая. Вытащил все продукты, разложил аккуратно на теплый капот «старушки».

Еще ни разу не пробовал эту прозрачную жидкость. Опрокинув 50 граммов водки, чуть было не выплюнул. Еле сдержался, было неудобно перед людьми.

— Фу ты, какая гадость! Как пьют ее, еще за свои деньги!

— Ты что, Николай, отслужил в армии и ни разу не вкусил этого зелья?

— К чему это мне нужно?

Перекусили колбаской и сыром с таким удовольствием. До них дошел Валерка со сморщенным как кирзовый сапог лицом.

— Давай скорей! Мочи нету ждать!

Налил ему полстакана Володя. Тот даже обиделся, вытянул губы недовольно:

— Что, полчеловека, что ли, перед тобой?

— Думаешь, жалко этого говна, Валера, для хорошего человека?

Сходу налил ему полный стакан.

Даже не сморщившись, Валера принял эту дозу. Закусил сыром, спокойно вздохнул.

— Надо, Валера, проехать несколько метров до фермы, откроем им дорогу.

— Это тебе надо, Володя?

— Старик больно понравился нам, который нас приютил. Свое сказанное слово выполнили до конца мужики.

Валера на своем тракторе ехал впереди, проводил до другой деревни. Дальше дорога оказалась очищена.

Вот и расстались с Валерой, поехали дальше друзья. Время было два часа дня.

XII

До места назначения добрались благополучно к 16 часам. Вдали на горизонте опять начинало темнеть. Скорее выгрузив дрова у колхозника в деревне Старое Арланово, взяли у мужика подпись на путевке. Теперь, довольные, два друга взяли курс только в гараж.

Проходила дорога через населенные пункты Кошкино, Куликеево. Подкатили на машине до села Янтиково. Моментально у обоих посветлели глаза, появилась улыбка. Поставили «старушку» на свое место.

Напоследок договорились пойти в клуб.

Направился Николай к своему жилью. Встретил на улице Деомидова Колю, поздоровался с ним по-дружески, за руку.

— Несет от тебя запах дрожжей, тезка.

— Это от хлеба. Ел вместе со снегом ночью.

— Ну ты шутник. С тобой не соскучишься.

Хлопнул по плечу Деомидов, слегка покачивая головой, пошел по своему пути.

XIII

Переступил порог дома. Встретила матушка, вся бледная, с расширенными зрачками:

— Проглядела в окно всю ночь, думая о тебе, сыночек.

Слегка капнула слезинка, вытерла углом передника, вышитого чувашским орнаментом.

— Приходили разные мысли, не замело ли тебя снегом.

— Видишь, живой и невредимый, - с улыбкой стучал себя в грудь.

— Был сильный снегопад, даже в окно было страшно смотреть.

Крепко прижала его матушка как малое дитя.

XIV

Помывшись и переодевшись во все чистое, Николай вышел из дома, щеголяя по улице. Думал про себя:

— Никакая усталость не берет. Наоборот, приходят силы в родном селе.

Видно было, как люди подтягивались смотреть кино от мала до велика. Встретил в клубе своего знакомого Турда Коли. Прищурился глазами, сам с улыбочкой говорит:

— Приехала из Чебоксар твоя зазноба Люда.

Это очень обрадовало Николая, даже подскочил от радости. Когда провожала его в армию, обещала ждать. Николай сейчас решил проверить ее слова, действительно ли оно так. С тревогой такой покрутил головой по всему вестибюлю. Заметил — у окна стояли девочки, о чем-то беседовали спокойно. Увидев Люду, еще больше заволновался Николай, чаще застучало сердце. Изменилась Люда в хорошую сторону, намного женственнее стали очертания фигуры, намного красивее стали черты лица.

— Здравствуй, моя зазнобушка, выполнила ли свое обещание дожждаться меня?

Даже не стесняясь своих подружек, смело ответила Люда:

— О чем может быть разговор, Коленька.

Подняла голову, прямо смотря на него:

— Никого к себе не подпускала из парней.

– Прямо так. Ну ты молодчина.

– Говорила всем – мой парень служит!

– Если действительно оно было, пожалуйста, прошу пойти со мной.

Взялись за ручки, вышли из клуба. Зашагали по улице Янтикова, ворковали, как голубки. Проводил Люду до дома, целовались у ворот. До чего не хотелось расставаться с ней. Соскучился за эти два года разлуки с любимой. Держал руку Люды, хотелось чувствовать ее. Давал о себе знать зимний холод. Притоптывая ногой, грелась Люда. В голову ударила такая мысль у Николая. С такой осторожностью, чтобы не обидеть, тихо спросил:

– У вас сегодня топили баню?

– Конечно, в каждую субботу. Какой может быть разговор, Коленька.

– Тогда что стоим мерзнем здесь, Люда?

Сама спокойно так с лукавством посмотрела на него:

– С тобой достаточно виделись сегодня, вполне хватит.

– А мне нет. Думал там в армии все эти два года, какая будет встреча с тобой, Людочка!

– Первое впечатление теперь как у тебя?

– Исполнилась всего лишь половина.

Взяв нежно за руку, начал целовать губы с такой жадной, смотря ей прямо в глаза.

– Пойдем в баню и там спокойно поговорим.

Хлопнула несколько раз ресницами, сама молча повела Николая в свой двор. Старалась рукой придерживать калитку, чтобы сильно не захлопнулась за ними. Открыла Люда дверь в баню. Лицо сразу обдало теплым воздухом.

– Ох, как соскучился по этим сочным губам, моя ненаглядная Людочка!

С такой жадностью впился губами Николай. В ответ последовал такой же темпераментный поцелуй. С лаской и нежностью проходило это ночное время.

XX

Только под утро рассталась с такой неохотой влюбленная пара. Через три месяца сыграли свадьбу всем селом Янтиковым. Прошло полгода. Первым родился сын. А вторая у них появилась дочка.

Оглавление

Встречи на стадионе -----	3
Душа отдыхает -----	59
Поездка в Лащ-Таябу -----	119
Матушка -----	177
Рассказы	
Свадьба -----	218
Снегопад -----	228

Жизнь Николая Трофимовича

ВСТРЕЧИ НА СТАДИОНЕ

В книге использованы фотографии

Иркутской районной администрации (встречи на стадионе)

Геннадия Вербова («Душа отдыхает»)

Александра Волкина («Поездка в Лащ-Таябу»)

из личного архива автора

Поздано в печать 18.01.2011. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 134.

Оформлено в типографии «Новос Восток»

г. Иркутск, ул. М. Павлова, д. 30А.

Жирнов-Ибресь Николай Трофимович

ВСТРЕЧИ НА СТАДИОНЕ

В книге использованы фотографии:
Чебоксарской районной администрации («Встречи на стадионе»),
Геннадия Верблюдова («Душа отдыхает»),
Александра Вражкина («Поездка в Лаш-Таябу»),
из личного архива автора

Подписано в печать 10.01.2011. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.п.л. 15,6. Уч.-изд.л. 13,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 134.

Отпечатано в типографии «Новое Время»
г. Чебоксары, ул. М. Павлова, д. 50/1.

110.00

Жирнов-Ибресь Николай Трофимович, писатель. Родился 3 февраля 1954 года в с. Ибреси. Первый очерк о восстановлении старых архитектурных зданий Кремля в Чебоксарах увидел свет в газете «Молодой коммунист» в 1985 году. В 1995 году был принят в Союз писателей. В 2000 году присуждена премия А. Талвира. В 2004 году награжден Почетной грамотой Государственного совета Чувашской Республики.

Первая книга «Чемоданное настроение» увидела свет в 1992 году. В 1999 году вышли 2 книги: «Ылханӑ ылтӑн» и «Йӑпреҫ Тарзанӑ», в 2003 – «Жизнь», в 2004 – энциклопедия «Ибресинский район», в 2005 – «Ҫимӑк». в 2006 – «Любовь», в 2007 – «Anne килӑ» и «Баня», в 2008 – «Деньги пахнут», в 2009 – «Тӑвансем», в 2010 – «Клад раздора». Печатается в газетах и журналах.